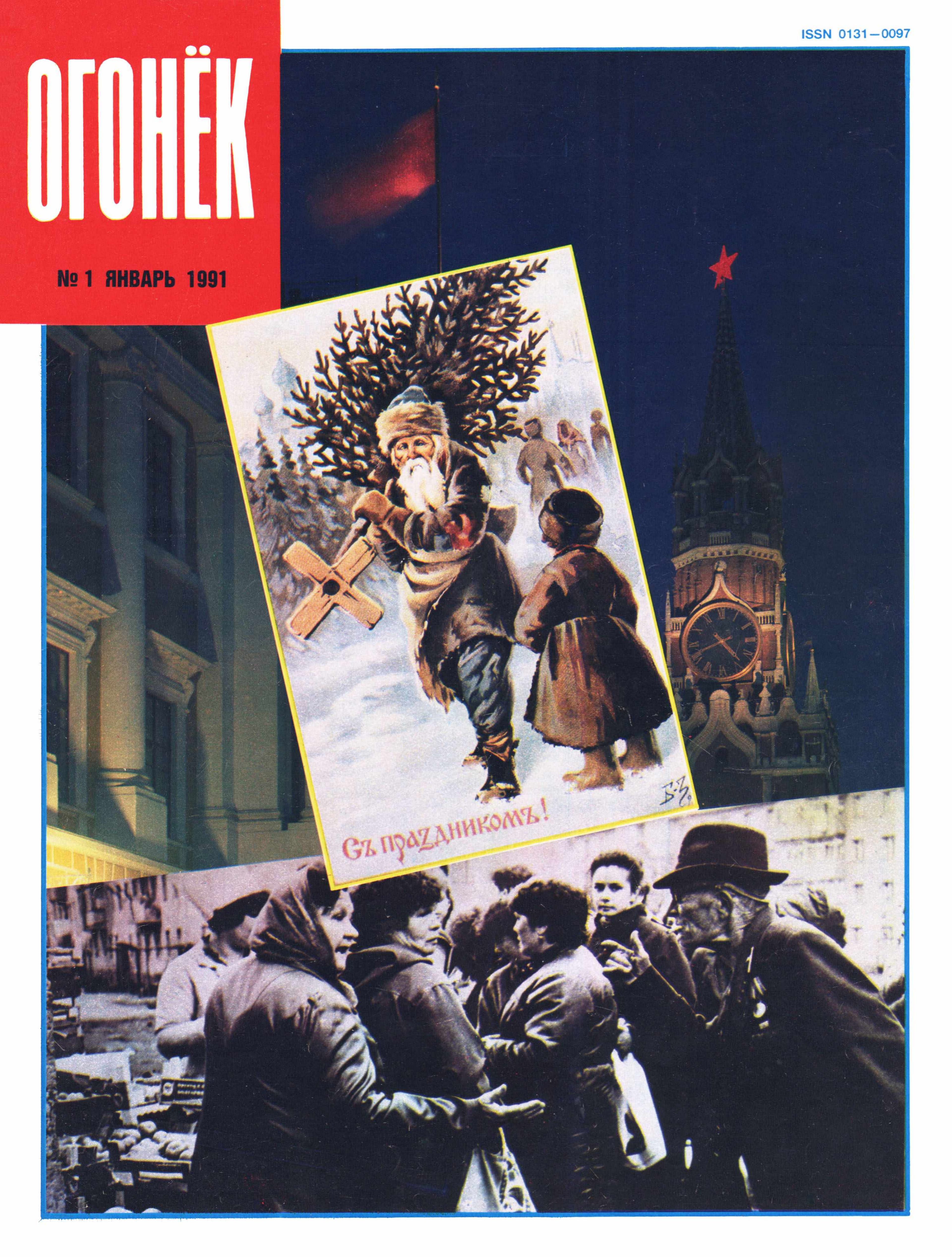

ISSN 0131—0097

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 1 (3311)

29 декабря—5 января

Главный редактор
КОРОТИЧ В. А.

Редакционная коллегия:
Д. В. БИРЮКОВ, А. Ю. БОЛОТИН, В. Н. ВИГИЛЯНСКИЙ, Л. Н. ГУЩИН (первый заместитель главного редактора), Г. В. КОПОСОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), В. В. ПЕРФИЛЬЕВ (ответственный секретарь), О. Н. ХЛЕБНИКОВ, В. Б. ЧЕРНОВ, А. С. ЩЕРБАКОВ (заместитель главного редактора), В. Б. ЮМАШЕВ.

Совет редакции:
П. Г. БУНИЧ, Е. А. ЕВТУШЕНКО, М. А. ЗАХАРОВ, Ю. В. НИКУЛИН, С. Н. ФЕДОРОВ, Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Коллаж А. Ковалева. Использованы фотографии Н. Рахманова и В. Шапошникова.

Коммерческий директор — Л. Г. АЙРАПЕТЯН.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 10.12.90. Подписано к печати 25.12.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 3119. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

До 2000 года осталось немного лет, но у нас есть все-таки время, есть еще силы, чтобы исправить многие ошибки, покаяться, изменить нашу жизнь. Мы обязаны вспомнить все лучшее, что было сотворено в этом столетии великими правдолюбцами, бескорыстными тружениками, талантливыми учеными и полководцами, писателями и музыкантами, крестьянами и государственными мужами. И не только вспомнить, но и опереться на их достижения.

Но мы не имеем права забывать и о чудовищных злодеяниях, истреблении миллионов людей, попрании прав человека, уничтожении природы. Да мы и не в состоянии стереть из памяти те времена, когда царили беззаконие, братоубийство и невежество!

Честность перед самими собой, перед нашей страной и нашей историей поможет нам бесстрашно смотреть в будущее, поможет нашей вере в торжество истины, придаст нам надежду, укрепит в нас уверенность в том, что доброта и любовь способны перевернуть мир.

Сегодня, вступая в последнее десятилетие XX века, мы снова и снова вынуждены оглядываться назад, чтобы понять весь драматизм нашего прекрасного и пошлого, наивного и тщеславного, счастливого и преступного, героического и малодушного столетия.

Рассматривая почтовые открытки (большая часть их из коллекции Г. Н. Глезера), которыми оформлен этот номер, вы не раз улыбнетесь, возможно, ужаснетесь, во всяком случае, равнодушными не останетесь. Что ж, такова история нашего столетия — беспристрастия она не терпит...

Съ новымъ
годомъ !

У богатыхъ дѣтокъ елка
Что за сладости, игрушки
А у насъ съ тобой Николка
Лишь морозъ одинъ въ избушкѣ.

Съ новымъ годомъ!

съ
Рождествомъ
Христовымъ!

НОВОГОДНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ VII съезда российских писателей

КРЕМЛЮ, РОССИЙСКОМУ ПАРЛАМЕНТУ, ПРАВИТЕЛЬСТВУ И ПРЕЗИДЕНТУ СССР

«У нас в секретариате лежит бумага, подписанная Горбачевым и скрепленная печатью ЦК партии. По этой бумаге наш съезд все дни — как бывало — должен был проходить в Кремле. Традиционный Кремль нам отказали: там заседает Российский парламент. Вот цена этой подписи и печати! Послали две телеграммы Ельцину и Силаеву — безответно... Только Министерство обороны и Дзасохов пошли нам навстречу. И вот мы сидим здесь с вами, как тарутинский лагерь Кутузова. А главные руководители еще раз показали, что писатели им не нужны. Ну что ж, каков привет, таков и ответ. Может быть, они нам тоже не очень нужны».

«...Кремль не принял русских писателей, и мне кажется, что в этом есть некоторый смысл, потому что не впервые Кремль не принимает русских людей. Однажды это уже случилось. Это было в 1612 году, когда там сидели самозванцы и в ожидании подкрепления проигрывали в карты русских детей. Сейчас это носит скорее даже не фигуральный, а какой-то символический характер...»

«Сегодня свой съезд мы проводим в армейском театре, но опубликованный проект Конституции России дает надежду на то, что в следующий раз нам придется собираться в более романтическом месте и в более сюжетно-увлекательных условиях».

«...завтра нас разорвут на части, и та геополитическая ситуация, которая сложилась вопреки интересам России, то предательство, которое творится сейчас на самом верху правительством, Шеварднадзе и Горбачевым в международной политике, в отношении России может привести к весьма плачевным итогам...»

«Что же до «софистов и риторов», что же до «адвокатов», то именно они, увы, первенствуют и преобладают сегодня в стране. От юриста по образованию Президента до всех Собчаков. И — ГОРЕ НАМ!..— понимает теперь, в сущности, каждый...»

«...Пушкин, монархист, дворянин, Пушкин, длинная вереница предков которого участвовала в созидании Российской государственности и верно служила престолу, мог, однако, в силу своей «тайной свободы» и патриотизма сказать покруче всех арбатских карикатуристов:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда».

«...его благородие полковник-белобилетник»...

«...наши «мальтийские рыцари» Шеварднадзе и Яковлев...»

«...в наше время разваливают страну. Яковлев, Бурлацкий, Арбатов, Примаков. Имя им — легион... По сути это американские гауляйтеры».

ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

«...нравственная сила, наш Союз писателей должен объединиться с военно-патриотической силой, с армией. Чтобы в нужный момент достойный отпор дать всем этим негодяям. Не будем обманывать свое предчувствие, свое зоркое писательское видение...»

«Символично, что наш съезд проходит в Центральном театре Советской Армии».

«...Поскольку наш съезд происходит в здании Театра Советской Армии, а тем самым находится как бы под эгидою Советских Вооруженных Сил, я воспользуюсь поводом, чтобы поблагодарить соответствующие военные инстанции за гостеприимство. Ибо не исключаю, что когда бы не наши «генералы меча», российские писатели, пожалуй, и не нашли бы в сегодняшней Москве пристанища для своего съезда»

«Мы ослабляем и унижаем самое главное, что у нас осталось,— Вооруженные Силы!»

«Думаю, писатели не вправе занимать здесь нейтралитет и допускать дальше, чтобы об армии писали разные войновичи и выходили впредь такие вещи, оскорбительные для народа, как «Чонкин», порочащие нашего солдата-защитника».

«Считаю, съезд должен обратиться с Обращением к армии с благодарностью. Поручить новому Правлению разработать программу: писатели России и армия. У нас были прекрасные традиции. Надо их возобновить. Прийти к солдату с живым, светлым патриотическим словом нашей многонациональной российской литературы.

Думаю, что надо нам договориться вместе с министром обороны, с Язовым, чтобы вместе с армией и начать быстро выпускать еженедельник, прекрасно иллюстрированный. Может быть, лучше «Огонька» изданный, даже полиграфически, журнал о нашей Советской Армии и солдате.

И второе — народную газету о нашей армии. Это будет и для Союза писателей хорошо, и для армии, и для народа».

«...по моему разумению, не рынок спасет нас, а обновленная Коммунистическая партия, Компартия России и наша армия. На мой взгляд, это те силы, которые способны вытащить Родину из беды, и мы должны помочь им в этом деле. Встать на их сторону...»

«...в стране произошел контрреволюционный переворот... Кто будет руководить строительством социализма, а тем более коммунизма, если Коммунистическая партия приравнивается теперь к одной из многих?»

«И все-таки в Коммунистической партии состоят люди замечательные. Это цвет нации, не только русской нации, а всех народов, входящих в Россию, и мы с этим должны считаться. Пока коммунистические организации сохраняются, пока есть еще в партии сила кое-какая, ей надо действовать».

АМЕРИКАНСКОМУ ИМПЕРИАЛИЗМУ, ЛИЧНО г. БУШУ, САДДАМУ ХУСЕЙНУ И ДРУЖЕСТВЕННОМУ ИРАКСКОМУ НАРОДУ

«...идет открытое предательство благородных идей социализма, уже и без этого не раз умышленно искаженных и оклеветанных. В стране идет неслыханное растление молодежи с помощью американской и прочей зарубежной псевдокультуры... Цель у этой псевдокультуры одна — создать человека-балду, безвольного, никчемного, лишенного исторической памяти и нравственности. Пусть набат тревоги звучит по всей России. Оградим, спасем наше общество от заморской чумы!»

«Допустить мирную интервенцию — позор больше и непоправимей, чем отдать Отечество на полях битвы».

«Мы разоружаемся, что было бы хорошо, если бы на Западе не ковалось мощное оружие нового поколения, если бы от нас не требовали каждый день все новых унизительных уступок...»

«Бушу и его администрации только бы успевать закреплять успехи в фантастическом отступлении Советского Союза от своих государственных целей и интересов».

«Никогда бюджет ЦРУ США не был так высок, как намеченный на 1990—1991 годы целенаправленно для подрывных работ против СССР. Да и кое-кого из наших отечественных деятелей можно было бы наградить почетным знаком ЦРУ, если б такой существовал.

...Не произойдет ли вслед за развалом Берлинской стены крушение Кремлевской?»

«...уже десятилетия в Соединенных Штатах действует закон о так называемых порабощенных странах, по которому выделяются громадные средства на деятельность по разделению нашего государства на двадцать частей...»

«В октябре я встречался с Хаммером, слышал его выступление в Лос-Анджелесе в одном храме. Он отвечал на вопросы прихожан и сказал, в частности, что Буш просил повлиять на Президента Горбачева, чтобы Президент наш за кредиты ввел войска в Персидский залив».

«Мы обязаны резко, прямо, бескомпромиссно и своевременно, упреждая события, выразить свой гнев по поводу планов нового преступления власти против нашего народа, как и преступления против дружественных нам иракского и палестинского народов».

«Наш народ победил фашизм, послевоенные трудности, одолеет и нынешний этап.

У нас еще в достатке матерьяла,
Который мы не пустим на распыл.
У нас еще Царь-пушка не стреляла,
У нас еще Царь-колокол не бил!»

ГРЫЗУНАМ И ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ

«Первые и вторые петухи означают рассвет, третьи — предательство; нашествие крыс несет опасность, угрозу и означает глухую безнадеж-

ность... И грядет пора благоденствия грызунов... История России забросана смрадной грязью. Великая Отечественная война опоганена тыловыми трусами и зелеными юнцами из программ телевидения и еще более зелеными нигилистами из неистового «Московского комсомольца», нравственность втоптана в нечистоты резвыми лапками грызунов, забравшихся в редакторские кабинеты многочисленных разноцветных изданий... Более того, в соитии антинравственной, утратившей невинность гласности с клеветой и вседозволенностью родился страшный младенец с обликом гражданской войны».

«За пять лет пресса добилась того, что бессильна была осуществить самая оснащенная армия в Европе, пройдя в сороковых годах по нашим землям огнем и мечом...»

«...В годы перестройки радикальные средства массовой информации, используя давнюю веру нашего неиспорченного народа в печатное слово, манипулируют общественным сознанием...

И речь не об отдельных журналистах или органах печати. Масштаб крупнейших пропагандистских акций, четко скоординированных с зарубежными радиоголосами, не оставляет сомнений в том, что они умело планируются...

Еще опаснее то, что радикальная пресса, тесно сплотившись с мировым эфиром, бьет по государственным институтам...»

«Вот московские «Известия» объявили себя независимой газетой и сразу стали самой зависимой газетой от собственных амбиций и пристрастий. Стали самой политической газетой, газетой, которая подыгрывает всем черносотенным силам Запада. И теперь разумно спросить: так чья же это газета? И по чьей указке она работает?»

«Но есть и отрадные симптомы. Прошел год после выборов в Российский парламент, и настроение общества меняется. Борьба «демократических изданий» с патриотическим мировоззрением заводит их в тупик. Я анализировал известные результаты подписки.

...Подписка — это своего рода стихийное голосование, на которое нет прямого, как при выборах, давления, подкупа, политических махинаций, читатель голосует за направления, и в данном случае он в целом проголосовал против русофобских тенденций — за издания, прямо и открыто исповедующие идею патриотизма. «Молодая гвардия» — 58% подписчиков. Поздравим молодогвардейцев с успехом!

Отличная подписка у «Военно-патриотического журнала», у «Ветерана», «Слова». Окончательных цифр еще нет, но я твердо надеюсь, что хорошая будет подписка и у «Нашего современника».

БРАТЬЯМ-ПИСАТЕЛЯМ ВО ХРИСТЕ, В КОМПАРТИИ, А ТАКЖЕ «ПРОРАБАМ» ПЕРЕСТРОЙКИ

«Надо на время, может быть, смириться с идеологической несовместимостью, с понятийными расхождениями в суждениях русских людей, которые живут великой национальной идеей исторической преемственности и так называемых национал-большевиков».

«Да, прекрасное слово «партия российская», кажется, выходит из подполья и начинает действовать».

«...нет, уважаемые товарищи российские писатели, придется и нам взять вину за происходящее. Мы слишком преувеличивали свое нравственное и духовное влияние на читателя. Оно не было массовым, как нам представлялось. Оно, вероятнее всего, оставалось неглубоким в толщу российского населения, но, поскольку это была благодарная и отзывчивая часть, которая писала нам письма, восторгалась нашими героями и ходила на литературные вечера, мы сочли ее за удобренное литературой множество».

«За последний год приметы слабости духа, недомыслия и сердечной глухоты к жизни явственно коснулись наших рядов...

Образовался определенный слой русских писателей, в своем роде наживающихся на этой самой «перестройке» (что поначалу было прерогативой апрелевцев и тому подобных групп) и по крайней мере достаточно приспособившихся к ней...»

«И вот не могу умолчать: меня глубоко покоробило так называемое «Римское обращение», которое странным образом, среди совершенно ничтожных личностей (вроде Аверина, редактора «Книжного обозрения»...) подписали четыре известных русских писателя: Виктор Астафьев, Сергей Залыгин, Владимир Крупин, Владимир Солоухин. И дело не только в том, что они почему-то взялись под римским небом, при шумном ликовании «всеевропейской» и заокеанской прессы, решать проблемы «гражданской войны» или «гражданского мира» в нашей стране, решать «национальные вопросы в СССР». Дело в том прежде всего, что написали (или подписали) они вкупе и братском содружестве с эмигрантами «третьей волны»,— ибо «Римское обращение» демонстрирует такое отношение к нашей стране, которое до сих пор было свойственно только ее врагам, только клеветникам и злопыхателям России».

«...После всего этого неудивительно, что на первое место среди всех национальных опасностей, угроз и бед в СССР «римские» гуманисты ставят антисемитизм? Нет, не русофобия, которая, как чума, охватила сегодня мир, которая финансируется международными банками, спецслужбами всех «передовых, цивилизованных» стран и давно приняла кровавые формы, а антисемитизм в первую голову ужасает наших русских «римлян».

Я не удивлюсь, если кто-нибудь из этих «тихих» подпевал крушения «русской империи» будет вскоре выдвинут на какую-нибудь Нобелевскую премию. И уж во всяком случае станет желанным гостем в любой зарубежной стране Запада, враждебной нам...»

«...сегодня не до того, чтобы честить идеологических противников — литераторов продажно-демократического стана. Всех этих «прорабов» перестройки...»

«И вообще, если внимательно проанализировать итоги эпохи застоя, то придется все-таки признать, что главными идеологами эпохи были не Суслов, не Зимянин, не Шауро, даже не Альберт Беляев, а наши с вами товарищи Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Коротич, Сулейменов, Шатров».

«Я думаю, что этот список идеологических леревертышей, к которому относятся наши известные поэты и публицисты, можно вполне расширить именами Черниченко, Оскоцкого, Бурлацкого, Заславской, Татьяны Ивановой...»

«Смотрю анонсы на 1991 год... Какой-то остроумный человек их составил: Баткин, Нуйкин, Некрич, Буртин... Ну так и приходит на ум сцена из бессмертного романа Ильфа и Петрова, помните компанию художников на пароходе: Малкин, Палкин, Чалкин, Хавкин и примкнувший к ним Залкинд...»

«...Пастыри нашего стада оказались неважными сторожами».

«Много ли из заполнявших коридоры наших литературных зданий за эти десятилетия литературных генералов имеют подлинное отношение к литературе?.. Наши враги надеются, что мы, избрав на съезде очередных серых секретарей, окончательно убьем идею духовного центра России как писательского союза России».

«Эх, Юрий Васильевич!..»

«Одни из нас придерживаются коммунистических идеалов. Другие — либерально-демократических, третьи — национально-государственных. Чему отдать предпочтение, каждый выбирает сам...

Да. И в конце концов дойдете... до национально-государственной идеи.

...Спрашивается, какой она будет, новая национально-государственная партия России?»

«А я хотел бы верить, что дети Феликса Чуева будут учиться чтению не по «Правде», а по Слову Божию, по Евангелию и по Молитвослову. Спасибо».

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Подавляющее большинство съезда встречало аплодисментами все пожелания и здравицы, процитированные выше. Поэтому я не счел нужным указывать, кому именно принадлежит то или иное высказывание — очевидно, что любое из них выражает общее мнение собравшихся писателей. Таким образом, мы присутствуем при рождении новой российской партии, которой на ее учредительном съезде, как и положено, было присвоено название — «национально-государственная» (не путать с национал-социалистической).

В то же время, учитывая некоторые профессиональные особенности членов этой партии — а именно авторское самолюбие,— перечислю тех, кто принимал участие в составлении новогодних пожеланий. Это в алфавитном порядке: Ю. Бондарев, В. Бондаренко, В. Бушин, Т. Глушкова, Д. Жуков, Ст. Куняев, С. Лыкошин, О. Михайлов, Ю. Прокушев, В. Распутин, В. Рогов, С. Рыбас, А. Салуцкий, А. Тарханов, Ф. Чуев.

Так как все они секретари или члены Правления СП РСФСР — читай: большие писатели,— думаю, любой без труда узнает по своеобычному авторскому стилю, кому какое высказывание принадлежит.

И еще одно. Говоря о многочисленных заслугах Министерства обороны перед национально-государственной партией, выступившие почему-то забыли отметить, что и благоприятным итогам подписки на такие «партийные» издания, как «Молодая гвардия», «Военно-патриотический журнал» и т. п., они также обязаны своим спонсорам, поскольку эти издания уже давно в обязательном порядке выписываются для всех ленинских комнат частей и соединений Вооруженных Сил СССР. А в нынешнем году,— цитирую «Известия»,— «армейское командование распорядилось выписать и сто тысяч экземпляров «Нашего современника».

Надо полагать, такой союз принесет еще немало разнообразных плодов в самом ближайшем будущем. В связи с этим хочется поздравить как авторов и сотрудников названных журналов, так и наших солдат и матросов, сержантов и старшин, и в особенности офицеров и генералов.

НОВОГОДНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ ДЕЛЕГАТАМ-ПАТРИОТАМ VII СЪЕЗДА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В эти новогодние дни начала последнего десятилетия XX века хочется от души пожелать вам:

— окончательно выйти из подполья и укрепиться как политической партии, не конспирируясь больше под писательскую организацию;

— всемерно способствовать упрочению союза с такими близкими по духу структурами общества, как Министерство обороны и Российская компартия;

— впредь на своих съездах и собраниях не только встречать овациями и провожать банкетами лидера РКП И. Полозкова, но и, не повторяя нынешней ошибки, неизменно выбирать его в Президиум;

— исключить из своих рядов оппортунистов и соглашателей вроде В. Астафьева, а также открытых врагов типа русскоязычной Ленинградской городской писательской организации;

— последовательно вести начатое на историческом VII съезде архиважное дело распространения партийной литературы, как-то: книги и брошюры «Жиды», «Умученные от жидов», «Протоколы сионских мудрецов», «Майн Кампф», газеты «Московский литератор», «Пульс Тушина» и т. д.;

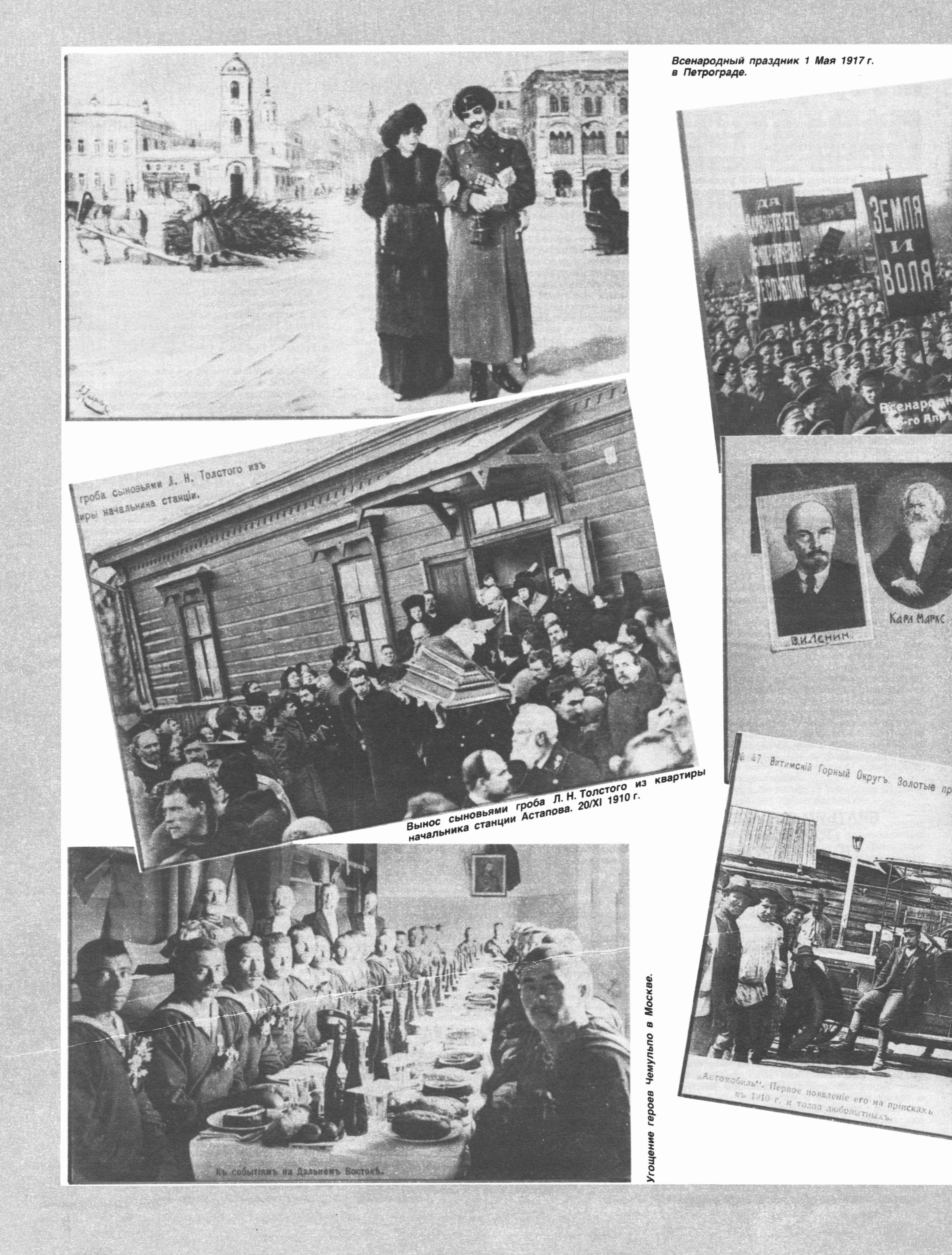
— все более тесно взаимодействуя с армией и спецслужбами, продолжать, не поддаваясь на сионистские соблазны, держать в глубокой тайне от так называемого широкого читателя имена и фамилии подавляющего большинства как своих рядовых членов, так и есаулов и вахмистров;

— и впредь никогда не допускать на свои пленумы и съезды лиц, прикрывающихся формальным членством в вашем Союзе, но идейно не имеющих ничего общего с вами;

— отныне и присно не выдвигать фальшивых пастырей наподобие С. Михалкова, но монолитно сплачиваться вокруг истинных вождей партии, таких, как демократично и безальтернативно избранный вами Ю. Бондарев.

С Новым ходом вас, патриоты-умученики, с новой мастью!

Олег ХЛЕБНИКОВ

Всенародный праздник 1 Мая 1917 г. в Петрограде.

Вынос сыновьями гроба Л. Н. Толстого из квартиры начальника станции Астапова. 20/XI 1910 г.

Угощение героев Чемульпо в Москве.

Христосование Государя Императора Николая II с конвойцами. Ставка — Могилев. 1915 г.

Десятилетиями внушаемое нам «отречение от старого мира», к счастью, не состоялось. Этот «старый мир» остался жить если не в умах и сердцах людей, то по крайней мере в сундуках, где сохранились эти уникальные открытки. Не только на лицевой, но и на их оборотной стороне — осколки человеческих жизней: признания в любви, сообщения о смерти близких, поздравления с праздниками, призывы о помощи...

Ленин, Троцкий. Маркс. Выпущена в 1919 г.

Открытка, посвященная отречению Николая II.

Картина художника В. Н. Пчелина.

Владимир НИКОЛАЕВ

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

ГАМБУРГСКИЙ СЧЕТ

Как известно, такой счет означает абсолютно точную, объективную оценку сил. О нем невольно вспоминаешь на шестом году перестройки.

Три года назад специалисты подсчитали, что к новому курсу в нашей стране отношение такое: 30 процентов — «за», 20 — «против», 50 — в нерешительности. Публикация этих данных вызвала резкое возмущение в руководящих кругах. У нас тогда в ходу были лозунги: «Мы все за перестройку!», «...в одной лодке», «...по одну сторону баррикад»... А ведь для любого нового дела такое соотношение только обнадеживает. Социологи утверждают: чтобы общественная система успешно развивалась, надо иметь как минимум 20 процентов людей, которые едины в принятии каких-то ценностей.

Сегодня 50 процентов колеблющихся уже не наберется, так как мнения заметно поляризовались. Сколько же мы насчитаем «за» и «против»?

Скорее всего при нынешнем обострении противоречий любой результат опроса на эту тему будет поставлен под сомнение. Едва ли прояснит ситуацию и всенародный референдум: всегда найдутся веские претензии в связи с проведением такого опроса. При отсутствии традиций и навыков в организации таких референдумов, несомненно, обнаружится много недочетов и нарушений (намеренных, по злому умыслу, и чистосердечных, по неопытности). Можно вспомнить, как проходили выборы народных депутатов СССР в 1989 году. Только в Центральную избирательную комиссию поступило 14,5 тысячи жалоб на те или иные нарушения в ходе кампании. А ведь было еще много других комиссий — районных, городских и т. п. Туда тоже, разумеется, жаловались...

Но и без опросов есть, к сожалению, ощущение, что ряды противников перестройки растут. Сколько же их, хотя бы примерно? Кто они такие? Без ответа на эти вопросы нельзя двигать перестройку дальше, это все равно что продолжать ее с закрытыми глазами, это все равно что агитировать за нее, просто сотрясая воздух. Такой объективный анализ нужен не для того, чтобы вывести кого-то на чистую воду и предать анафеме. Перестройку вообще нельзя было начинать без учета возможностей противоборствующих сторон. Лозунг «Мы все за перестройку!» ведет не только к недооценке противостоящих сил, но и к отсутствию учета сил собственных. В шахматах есть такая аксиома: без объективной оценки своих и соперника возможностей резко падает класс шахматиста. Эту истину в ее более широком смысле лишний раз подтверждает весьма низкий теоретический и практический уровень нашей перестроечной деятельности.

Итак, несколько самых элементарных соображений.

С разных трибун неоднократно указывалось, что в стране насчитывается 18 миллионов управляющих на разных хозяйственных уровнях. Это ведущие шестеренки и винтики экономического механизма административно-командной системы, которая ни сегодня, ни завтра в прошлое еще не отойдет, но уже налицо начавшийся процесс ее демонтажа и налицо тенденция, направленная на сокращение этих 18 миллионов служащих до разумного количества. Впрочем, просто арифметическим сокращением дело, конечно, не ограничится. Большинство из этих 18 миллионов отнюдь не управляющие, не менеджеры, как зовут их на Западе, а просто надзиратели и промежуточные инстанции для передачи приказов сверху. В результате перестройки надобность в таких «менеджерах» отпадет. Понятно, что у большинства из них такая перспектива восторга не вызывает. Отрицательные итоги голосования по поводу перестройки в этой категории населения можно предвидеть.

Неизвестно количество (ни точное, ни приблизительное) тех наших сограждан, которые заняты на штатной работе в партийном, профсоюзном, комсомольском аппарате, в армейском руководстве и в КГБ, в милиции, в других правоохранительных органах. И никто еще не сказал, сколько советских людей (ученых, конструкторов, инженеров, техников, рабочих, обслуживающего персонала и т. п.) занято в военно-промышленном комплексе, причем живут они и работают в условиях, можно сказать, наибольшего благоприятствования. Для них связанное с перестройкой уменьшение могущества ВПК означает ухудшение этих условий.

В охарактеризованном выше многослойном срезе нашего общества, конечно же, есть активная питательная среда для антиперестроечных сил. Об этом красноречиво свидетельствуют съезд Российской компартии, выступления некоторых военных руководителей и многие другие факты из того же ряда.

Пойдем дальше. Специалисты считают, что примерно 20 миллионов советских граждан активно заняты в теневой экономике (не в сфере организованной преступности!). Это парикмахеры, массажисты, косметички, врачи, репетиторы, портные, сапожники, работники автосервиса, сантехники, слесари, электромонтеры... Перечень профессий можно продолжать до бесконечности. Они заполняют ту огромную нишу в сфере обслуживания, которую любезно предоставляет им административно-командная система. Они к ней неплохо приспособились, она их вполне устраивает! А перестройка, наоборот, большинство из них не устраивает.

Работников торговли и государствен-

ного сервиса тоже насчитывается несколько миллионов. В условиях дефицита товаров и услуг они, несмотря на свою нищенскую зарплату, чувствуют себя совсем неплохо. Уже много-много лет бытует такая справедливая констатация: именно они обычно составляют значительную часть зрителей на самых редких и выдающихся представлениях. Нечего уже говорить о другом — об известных процессах над богатеями из сферы государственной торговли, об их образе жизни. Стоит ли сомневаться в том, что перестройка никак не устраивает многих из них?

Есть среди нас и несколько миллионов соотечественников, которые против перестройки только потому, что боятся разоблачения их преступлений во времена Сталина и Брежнева. Их тоже можно понять. Ведь некоторые из них уже разоблачены, а то и наказаны.

Нельзя забывать и о тех наших согражданах (тут речь пойдет, наверное, тоже о нескольких миллионах, ничего не поделаешь — страна огромная), которые искренне считают, что они обижены перестройкой, в первую очередь ее гласностью. Многие из них прожили всю свою жизнь под Сталиным, Хрущевым и Брежневым как вполне добропорядочные, законопослушные подданные великой страны. Они считают, что огласка чудовищных преступлений тех лет бросает тень и на их прошлое, очерняет историю, которая творилась на их глазах и с их участием.

В плане нашего разговора, наверное, нельзя не учитывать и тех соотечественников, которым в атмосфере перестройки просто труднее дышится, чем до нее, они чувствуют себя не в своей тарелке. Они привыкли жить по приказу сверху, сами никогда ничего не решали, над проблемами жизни и ее переустройства голову не ломали. И по привычке сегодня тоже не хотят ломать. Наверное, это не их вина, а беда, поскольку приказ сверху был абсолютным и всеохватывающим, доводящим ситуацию до абсурда, к которому уже притерпелись. Достаточно вспомнить, что известнейшие представители интеллигенции публично и в печати осуждали роман «Доктор Живаго» и при этом не забывали упомянуть, что сами его не читали.

«Во все времена находились люди,— пишет Василь Быков,— которых вполне устраивала их жизнь, власть, их правовое и общественное положение, и потому они ничего не хотели бы менять в своей жизни. Они и нынче готовы изо всех сил сохранять милые им порядки, нравственно оправдывать их и даже научно обосновывать их «объективную необходимость». Им хотелось бы, например, чтобы оставался незыблемым авторитет их кумира Сталина, разрушение кумира может внести нестабильность в их положение. Правда для них сопряжена с риском больших потерь. Они мало озабочены судьбой нового поколения, того, при жизни которого и совершается драматическое крушение многолетней лжи».

Еще подумав, эту нить размышлений можно продолжить. Но и так ясно, что перестройкой обеспокоены, напуганы многие. Им не хочется терять свое положение, привилегии, заработки, далеко не все они активно борются против нового курса, но ведь и те, кто просто не поддерживает его на своем рабочем месте, пользы не приносят. При этом нельзя забывать, что у всех у них есть семьи, члены которых, как правило, не могут не разделять беспокойства и настроений своего кормильца, опоры их благополучия. Вот и получается, что количество таких наших сограждан определяется десятками миллионов. И ко всему этому нужно добавить, что надежды на успех перестройки тают, она все больше пробуксовывает, нежели движется вперед. Самой действенной наглядной агитацией против нее являются пустые полки магазинов, неразбериха в хозяйстве, не собранный вовремя урожай. Мало этого, поступают тревожные сигналы о саботаже нового курса.

Подытожив такие наблюдения, можно прийти к выводу, что сегодня внутри страны у перестройки противников больше, чем сторонников. Не надо обманывать себя, не надо бояться признать этот очевидный факт. Если мы будем продолжать сохранять хорошую мину при плохой игре, если мы будем по-прежнему утверждать, что большинство вполне удовлетворено ходом перестройки, то мы окончательно ее погубим.

Споры вокруг перестройки ожесточаются. Противоборствующие стороны побивают друг друга, как козырным тузом, цитатами из одних и тех же классиков марксизма-ленинизма. Застрельщики этих бесконечных дебатов все более распаляют сами себя, а народ (читатели и слушатели) все больше от них устает, теряет к ним интерес. Бесплодные словопрения мало кого убеждают. Не лучше ли спорящим спуститься с псевдотеоретических высот на землю, предъявить справедливый счет к себе и своим оппонентам? Неопровержимые цифры и факты помогут людям разобраться в сути происходящего лучше, чем споры о социализме и других абстрактных понятиях, до сих пор еще не имеющих четкого определения.

Как у сторонников нового курса, так и у его противников нет ему никакой альтернативы. Во всяком случае, еще никто о ней не объявлял. Тем не менее общество раздирают разногласия. В начале перестройки главным водоразделом было отношение к Сталину и связанному с ним прошлому. Похоже, что сейчас дебаты на эту тему приутихли, все становится на свои места, и апология сталинщины выглядит анахронизмом в глазах подавляющего большинства. На смену этой проблематике пришли споры о социализме, его защитники пекутся о том, чтобы в ходе перестройки он у нас не переродился в нечто вроде капитализма.

Если мы условно назовем нашу систему социалистической, а западную — безусловно капиталистической, то при этом раскладе хорошо бы донести до сознания теоретиков нашего социализма и тех, кто к ним еще прислушивается, такой факт: в США рабочий получает за год в среднем 25 тысяч долларов, значит, наш рабочий должен за год получать 100 тысяч рублей. Так утверждает газета «Правда». Она близка к истине, хотя на самом деле он у нас должен при таком сравнении зарабатывать значительно больше 100 тысяч рублей. Значит, уровень его социалистической жизни раз в 20 ниже, чем у его коллеги при капитализме.

Тут в ответ мгновенно могут последовать давно законсервированные «истины»: а у нас бесплатное здравоохранение, обучение, социальное обеспечение... Нищенский и позорный для цивилизованного общества уровень этих бесплатных «благодеяний» известен.

Цитирую газету «Известия»: «...Разнообразные виды социального обеспечения позволили довести общественные фонды потребления в США до 5200 долларов на человека против 600 рублей у нас».

Примеры эти говорят сами за себя, но все же, скажут маловеры, трудно сравнивать в долларах и рублях. Хорошо! Есть и другое сопоставление, его можно считать уникальным, абсолютным, если хотите. Сколько времени нужно человеку отработать в СССР и США, чтобы приобрести одни и те же продукты или товары? В СССР за кило говядины рабочий трудится полтора часа, в США — 13 минут; за кило курятины соответственно — 2 часа 17 минут и 9 минут; за кило сахара — 45 минут и 3,5 минуты; за шерстяной костюм — 137 часов и 10 часов; за цветной телевизор — 534 часа и 31 час.

И, наконец, при сравнении нашей жизни с не нашей всегда найдутся и такие, кто напомнит: а у нас нет безработицы. Но гласность уже доказала обратное. Есть! И счет идет, как и у них, на миллионы, только пособий для безработных нет. Так, в Средней Азии и Казахстане, по неточным подсчетам, около шести миллионов молодых людей нигде не работают и не учатся.

Кто сможет на фоне всех этих цифр доказать, что наш социализм лучше заокеанского капитализма?

И еще одно соображение по поводу нашего строя, который некоторые рискуют называть социалистическим. Самый элементарный демографический анализ показывает, что при этой системе погибли десятки миллионов ни в чем не повинных людей. По данным Солженицына — более 60 миллионов, по другим — еще больше. Так, в нашей прессе в последние годы опубликованы данные, свидетельствующие о том, что начиная с Октября 1917 года в стране было насильственно оборвано около 90 миллионов жизней (террор, голод, войны). А десятки миллионов наших крестьян, которые фактически были крепостными? Это тоже социализм?!

Думается, что споры вокруг такого социализма скоро отойдут в прошлое, как уже отошла полемика вокруг Сталина. Теперь борьба идей переходит на новый рубеж — рыночный. И снова, и снова его противники пугают нас капитализмом, эксплуатацией и — главное! — частной собственностью. С капитализмом и эксплуатацией мы уже немного разобрались. А вот что-либо доказывать по поводу необходимости частной собственности даже неудобно. Она и только она лежит в основе рынка, к которому мы собираемся двигаться. И только она является единственной надежной гарантией свободы. На Западе это аксиома. У нас — богохульство. Из-за удручающего политического и социального невежества, вошедшего в нашу плоть и кровь. Человек, который целиком зависит от государства и получает все по его воле и норме из его рук,— раб.

Если человек не раб, а хозяин, то он к делу своему относится совсем иначе. Никто, наверное, не будет отрицать, что на личных приусадебных участках производительность труда во много раз выше, чем на бесхозных колхозных просторах. Здесь снова вопиющие и вопящие о себе цифры говорят лучше любых аргументов. Ведь пока еще никто не придумал более эффективного способа землепользования, чем личный труд на своей земле. Даже по расчетам ЦСУ СССР, производительность труда в нашем колхозном сельском хозяйстве в 4—5 раз ниже, чем в американском. Можно при этом напомнить, что Советский Союз ежегодно выпускает тракторов в шесть раз больше, чем США, а минеральных удобрений — почти в два раза больше.

Самые очевидные аргументы говорят о том, что рынок — наше единственное спасение в сложившейся катастрофической ситуации, но почему-то его сторонники до сих пор очень робко ведут свою линию и, наоборот, нахраписто действуют его противники. Они не только запугивают людей рынком, но и срывают любые попытки проложить ему дорогу. Один пример из многих. Президент СССР издал Указ «О повышении заинтересованности граждан в хранении сбережений в учреждениях Сберегательного банка СССР». Тут же за подписью заместителя председателя Госбанка СССР А. Войлукова появляется документ — «схема-96»,— который в газете «Известия» характеризуется так: «...разработанная вроде бы во исполнение Указа Президента страны «схема-96» фактически блокирует этот Указ. Более того, она подрывает авторитет самого Президента, так как превращает его решения из рыночных в антирыночные». По такому же принципу действует аппарат по отношению к аренде, кооперации и т. п.

Отчаянное сопротивление со стороны административно-командной системы вызвала идея передачи земли крестьянам. По накалу этой яростной кампании создавалось впечатление, что идея частной собственности на землю в народе не так уж и популярна. Но стоило и в этом случае обратиться к цифрам, как все прояснилось. Еженедельник «Аргументы и факты» провел анкету на эту тему. Из 150 тысяч опрошенных по стране более 96 процентов высказались за передачу земли в частную собственность. А ведь когда этот вопрос обсуждался на внеочередном Съезде народных депутатов РСФСР, то неистовые протесты многих депутатов никак не соотносились с этим всенародным мнением. Можно в этой связи вспомнить и недавнее заявление М. С. Горбачева на встрече с деятелями культуры: «Я за рынок всегда выступал и выступаю. Но, будучи за рынок, однако, я, например, не приемлю частную собственность на землю — хоть что вы со мной делайте. Не приемлю». Такой «рынок» можно сравнить только с жареным льдом. Если мы действительно идем к рынку, то земля не может не быть элементом рыночных отношений. Все факторы производства, в том числе и земля, должны быть включены в товарно-денежные отношения.

Итак, судя по итогам анкеты «АиФ», совсем ничтожный процент населения высказывается против идеи передачи земли в индивидуальное пользование. Как же, казалось бы, незначительна эта сила! Да, мала, но только в количественном отношении, а власть у нее все еще огромна. Это те, кто понимает, что освобождение земли от горькой, сиротской доли будет означать не только начало рынка, но и начало конца их родной административно-командной системы. В этом и есть суть жестокого боя, развернувшегося сегодня на рыночном рубеже. Победит рынок — умрет изжившая себя система.

Говоря о необходимости земельной реформы, следует прежде всего предъявить счет не только противникам перестройки, но и ее застрельщикам. Бесконечные виражи вокруг да около этой реформы — главная (если уже не роковая!) их ошибка. Других ошибок тоже хватает.

Не в силах поднять на должную высоту проблему землепользования и решить ее, перестройка спасовала и перед второй по важности проблемой — кооперативной. Нерешительность властей и трусливая уступчивость перед сопротивлением старой системы привели уже ко многим нашим бедам, в том числе к поистине катастрофическим потерям при сборе урожая (если бы в нем смогли участвовать торгово-закупочные кооперативы, таких потерь не было бы, а мы были бы обеспечены на всю зиму).

Кооперативы — один из главных нервов перестройки, но она не заботится о них, не защищает их, не пропагандирует должным образом. А беззастенчивая и намеренно лживая антикооперативная пропаганда врагов перестройки делает свое дело, обманывает и озлобляет широкие массы, пользуясь их полной неосведомленностью в этой проблеме, в ее истории.

В самый разгар наступления антиперестроечных сил на кооперативы был проведен любопытный опрос общественного мнения: вы за кооперативы или против? При этом опрашиваемые были поделены на четыре возрастные группы. Примечательны результаты. Среди опрошенных не старше 45 лет за кооперативы высказались 87 процентов (еще не устали жить, не во всем успели разочароваться, есть еще желание попробовать свои силы). В возрастной категории от 45 до 60 лет за кооперативы высказались 10 процентов (вот что делает с нами возраст, опыт нашей жизни породил горькое разочарование). В категории от 60 до 75 лет только 7 процентов высказалось за кооперативы (все то же разочарование во всем). А среди опрошенных старше 75 лет за кооперативы — 70 процентов! В чем дело? Да в том, что они помнят нэп, они живые свидетели жизни при развернутом кооперативном движении! Это на их глазах нэп быстро возродил страну из пепла и руин, спас от голода и разрухи, привел к устойчивому благосостоянию и даже к твердой валюте. Этого чуда старики забыть не могут и даже сегодня надеются на его повторение. Но до широких масс по-прежнему доходят в основном аппаратные измышления о вредоносности кооперативов и несметном богатстве их руководителей. Тлетворная сказка об обществе равноправных нищих продолжает разъедать разум и силы общества.

А какой счет (сегодня уже поистине неоплатный!) надо предъявить по поводу так называемой антиалкогольной кампании? 150 миллиардов рублей были изъяты из государственного бюджета и обогатили самогонщиков и организованную преступность. Это официальная цифра. Зная дурные традиции нашей статистики, можно предположить, что сумма потерь на самом деле значительно больше. Кампания, развернутая якобы во имя оздоровления нашего общества, привела к дальнейшему его разложению. И раньше у нас пили не очень доброкачественные водку, портвейн и пиво, а теперь им на смену пришло просто отравленное пойло, которое к тому же стоит в три раза дороже и которое не сыщешь днем с огнем. Винные очереди — позор перестройки, издевательство над народом. Рост преступности, спекуляции спиртным и наркомании — еще одно следствие злополучной антиалкогольной реформы.

Противники перестройки живут сегодня в предвкушении ее скорого краха. И не без оснований. Но думается, что это будет не просто конец перестройки, а всеобщая катастрофа. Похоже, что оппоненты нового курса этого не учитывают. Только подлинно гамбургский счет к сторонникам обеих противоположных тенденций может спасти нас от общей гибели. Только критически и трезво осознав, какой путь прошли, где находимся и куда движемся, мы сможем преодолеть нынешний кризис.

Даже те, кто согласен с таким мнением, могут добавить, что дело не только в точном анализе и счете, что корни всех бед сегодня уходят и в нашу нравственность, мораль общества. Это верно, но это уже разговор на другую тему. Он, конечно же, необходим. Достаточно вспомнить передачу по Ленинградскому телевидению, когда на вопрос ведущего к аудитории — кто смог бы принять участие в расстрелах? — большинство присутствующих подняли руки. Куда уж дальше?!

Что же касается судьбы перестройки, то тут, думаю, нельзя не согласиться с мнением, которое высказал мне один японский журналист: «У вас многие говорят: «Вот завершим перестройку...» А разве это возможно? В Японии перестройка — закон современной жизни. Как же не вести ее постоянно, если главный двигатель прогресса — компьютеры обновляются каждые два-три года?»

Все верно! Вот только нынешний уровень компьютерного производства в СССР составляет менее одного процента от американского... Как тут не вспомнить одно из «гениальных» сталинских откровений: «Кибернетика — буржуазная лженаука»? Как тут не вспомнить и его жесточайшие гонения на генетиков? А ведь полвека назад самые выдающиеся в мире специалисты по кибернетике и генетике жили и работали в нашей стране. Кто-нибудь сегодня помнит об этом? Когда же мы излечимся от нашего беспамятства и воинствующего идиотизма сталинской эпохи? Когда научимся, опираясь на историческую память, жить по-человечески? Без такой науки перестройке будет все так же трудно.

В последнее время представителями отечественного военно-промышленного комплекса усердно мусолятся грязные слухи о том, что ряд демократических движений и демократических деятелей Советской страны находится на содержании у западных спецслужб. Скрывая от народа расходные статьи собственных ненасытных бюджетов, представители военного и охранного ведомств Советского Союза провокаторски распространяются о расходах своих зарубежных коллег. Якобы «из-за бугра» деньги льются рекой и чуть ли не все, невыгодное военно-промышленному комплексу, оплачено ими,— в том числе многие политические исследования, забота о реабилитации сталинских жертв, ряда видных деятелей СССР.

Все это уже было. Слыхивали. Читали. И, будто по известным историческим схемам, в этом провокаторстве срастаются шумные недоучки из «Памяти», задумчивые профессиональные имперские патриоты и высокие руководители ряда официальных советских учреждений.

Только что агентство «Интерфакс» распространило сообщение о подписанном министром обороны СССР письме, где среди поставленных под подозрение в наемничестве фигурируют имя нашего журнала и мое имя.

В связи с вышеизложенным хочу заявить, что эта информация лжива и недостойна, как, впрочем, и любая другая политическая провокация.

Виталий КОРОТИЧ,
народный депутат СССР,
главный редактор журнала «Огонек»

ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Анатолий ГОЛОВКОВ

МЫ-ТО ЗНАЕМ, КАКАЯ ВЛАСТЬ...

Возможно, когда-нибудь историки уточнят, что побудило министра иностранных дел Э. А. Шеварднадзе сделать сенсационное заявление на IV Съезде народных депутатов СССР. На фоне достаточно спокойного обсуждения проекта Союзного договора оно прозвучало подобно грому небесному. Ближайший соратник М. С. Горбачева, с кем он начинал перестройку, объявил о намерении уйти в отставку в знак протеста против надвигающейся диктатуры.

Президент сидел в своем кресле неподвижно — для него это был удар... Потом сказал о том, что не располагает информацией, которая свидетельствовала бы об опасности переворота, и осудил Эдуарда Амвросиевича. Всем нам, свидетелям этой политической драмы, не оставалось ничего другого, как принять к сведению слова Михаила Сергеевича, но на душе неспокойно. Было от чего...

Накануне отставки Э. А. Шеварднадзе на Съезде распространили письмо, адресованное Горбачеву. Его подписали 53 человека. Среди них: секретари ЦК КПСС О. Д. Бакланов и Б. В. Гидаспов, писатели В. И. Белов и С. Куняев, череда академиков — А. П. Александров, Н. Г. Басов, В. П. Бармин, А. М. Прохоров, А. Е. Шейндлин и другие; заместитель министра обороны В. И. Варенников, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР М. А. Моисеев, главнокомандующий Военно-Морским Флотом В. Н. Чернавин, начальник внутренних войск МВД СССР Ю. В. Шаталин... И что уж вовсе странно — письмо это, зовущее к насилию как способу исправления ситуации в стране, подписал патриарх, только что избранный Алексий II.

Припугнув Президента гибелью социализма и грядущей диктатурой «лиц, *беспощадных в своем стремлении* владеть территорией, ресурсами, интеллектуальным богатством и рабочей силой страны» (какие именно «лица» имеются в виду, авторы письма не уточняют), Михаила Сергеевича призвали ввести чрезвычайное положение и президентское правление *«в зонах крупных конфликтов»:* надо полагать, в тех республиках, которые выступают против подписания Союзного договора (выделено мною.— А. Г.). И припомнился мне тут давний спор с Аркадием Ивановичем Вольским по поводу Нагорного Карабаха: вот оно! Вот где наконец понадобится богатый опыт жизни в условиях военного положения для доброй половины страны!

И любопытная штука: иное воззвание месяцами пылится где-то, в подметных письмах гуляет по рукам, недоступное простому народу. А это — поди ж ты! — «Советская Россия» напечатала!

Еще раньше в Центральном Доме Советской Армии на заседании «Клуба народных депутатов СССР — военнослужащих» генерал армии В. И. Варенников предложил присутствующим товарищам выяснить, находятся ли в зале депутаты-офицеры — члены Межрегиональной депутатской группы, а если есть — пусть встанут. Поднялись шесть человек. Ну а уж после этого, как водится, залом водил полковник Н. С. Петрушенко. Намекнув на связь МДГ с американской разведкой, народный депутат предложил своим коллегам, авторам заявления «О недопустимости превращения Вооруженных Сил, МВД и КГБ в орудие внутриполитической борьбы» В. С. Смирнову и А. В. Цалко, «объясниться». Демократически настроенные офицеры, по их словам, подверглись после этого «оскорблениям и обструкции со стороны большинства генералов-депутатов».

Я позвонил «мятежным» полковникам.

— Этим и должно было когда-то закончиться,— сказал Владимир Сергеевич Смирнов.— А Петрушенко ничего так просто не заявляет, отсебятиной не занимается, а всякий раз советуется с генералитетом. Поэтому, я думаю, акция в ЦДСА против нас подготовлена в недрах Главпура.

Слушал я Смирнова, и вспомнилась отчего-то строка Александра Галича, будто знавшего все наперед: «Но мы-то знали, какая власть была и взаправду власть...»

Словом, непокорные генералам офицеры вышли из «Клуба народных депутатов СССР — военнослужащих» и образовали новую депутатскую группу — «За радикальную военную реформу».

20 декабря в перерыве между заседаниями, сразу после заявления Э. А. Шеварднадзе, Петрушенко окружили журналисты:

— У вас сегодня счастливый день?

Полковник, чью фамилию министр побрезговал назвать вслух, улыбался.

— Шеварднадзе абсолютно прав,— сказал в коротком интервью специально для «Огонька» А. А. Собчак.— Мы идем к диктатуре. Но, кроме доводов, которые он приводил, есть еще соображения и экономического, и политического плана. Например, если мы сейчас не заключим межреспубликанское соглашение о восстановлении хозяйственных связей, то уже где-то с конца января начнут закрываться предприятия, появятся миллионы безработных. И неизбежные волнения можно будет остановить только с помощью армии. Тогда уж мы сами — и демократы, и консерваторы! — обратимся к военным: «Приходите и владейте нами!»

Сейчас,— продолжал Собчак,— самое опасное — политическая дискредитация демократического пути развития. Она нарастает. Дополнительные выборы в Верховный Совет РСФСР и городские Советы показали: народ уже мало верит, будто демократическим путем можно что-то решить. В Ленинграде к урнам для голосования пришло лишь двадцать процентов населения, выборы были сорваны. И это первый звонок. Когда народ не верит в демократии, остается только «твердая рука»... Я не принимаю поступок Шеварднадзе как его стремление к отставке. Но с точки зрения острой постановки вопроса — да! Потому что это беспокойство честного человека, который видит развитие ситуации... Причем он обратился и к радикалам, и к консерваторам, к их здравому смыслу, к необходимости продумать, что будет завтра. Ведь большинство наших деятелей сегодня об этом не думает. Профессор Денисов точно высказался на сей счет: в нашей сегодняшней политике господствует *невежественный провинциализм.*

...Лично у меня первые дни работы Съезда оставили гнетущее впечатление. С балкона, куда, кстати, пускают далеко не всех журналистов, отлично видно, как при обсуждении проекта Союзного договора (о котором следовало бы повести речь еще до Сумгаита, до Тбилиси, Ферганы, Баку, Намангана) скучают солидные люди. Позевывают, читают газеты, поглядывая на часы: скоро ли перерыв, когда можно вознестись на эскалаторах в поднебесную Дворца, где ждут ароматный бульон, пирожки с мясом, бутерброды с икрой да балыком?.. Как группками устраивают овации «своим» депутатам, если даже с трибуны несется на всю страну Бог весть что... Ощущение таково, что многие народные избранники словно бы абсолютно равнодушны как к горячности коллег, так и к их ленивой апатии. Разве что выступление министра иностранных дел чуточку их взбодрило.

Неужели, спрашиваешь себя, товарищи депутаты как бы смирились с тем, что огромная страна уже почти неуправляема, что от речей и воззваний толку ждать не приходится? Но испытывается залом некое наслаждение, когда уважаемый всем миром человек, лауреат Нобелевской премии попадает не по своей вине в неловкое положение и вынужден оправдываться...

Чем бы ни закончился этот форум, вряд ли забудется досадный выбор, сделанный Э. А. Шеварднадзе. На языке политики его можно назвать сколь угодно элегантно, по-парламентски красиво — «политическим самопожертвованием», «дипломатической уловкой» или «красивым ходом». Но на обычном языке, который и депутату Сухову понятен, попытка министра уйти в отставку встревожила нас и весь мир.

К тому же и другое слово в кремлевских кулуарах произносится уже с легкомыслием необычайным — «диктатура». Заметьте: к этому немыслимому для идеи перестройки понятию уже удалось приучить Съезд! И слово это вроде бы никак не может достучаться до памяти некоторых пожилых депутатов — тех, кто на себе испытал все прелести сталинского тоталитаризма, но забыл, забыл, как участников «съезда победителей» из зала по соседству великий практик «классовой борьбы» передушил по одному...

Терпение народов бывшей сверхдержавы истекает, как песок в часах. Надолго ли его хватит? Что мы сделаем для стабилизации обстановки? Как спасемся?

Тимур КИБИРОВ

БАЛЛАДА О СОЛНЕЧНОМ ЛИВНЕ

В годы застоя, в годы застоя
я целовался с Ахвердовой Зоей.

Мы целовались под одеялом.
Зоя ботанику преподавала

там, за Можайском, в совхозе «Обильном».
Я приезжал на автобусе пыльном

или в попутке случайной. Садилось
солнце за ельник. Окошко светилось.

Комната в здании школы с отдельным
входом. И трубы совхозной котельной

в синем окне. И на стенке чеканка
с Витязем в шкуре тигровой. Смуглянкой

Зоя была и, когда целовала,
что-то всегда про себя бормотала.

Сын ее в синей матроске на фото
мне улыбался в обнимку с уродом

плюшевым. Звали сыночка Борисом.
Муж ее, Русик, был в армию призван

маршалом Гречко... Мое ты сердечко!
Как ты стояла на низком крылечке,

в дали вечерние грустно смотрела
в сторону клуба... Лишь на две недели

я задержался... Ах, Зоенька, Зоя!
Где они, Господи, годы застоя?

Где ты? Ночною порою собаки
лай затевали. Ругались со смаком

механизаторы вечером теплым,
глядя в твои освещенные стекла.

Мы целовались. И ты засыпала
в норке под ватным своим одеялом.

Мы целовались. Об этом проведав,
бил меня, Господи, Русик Ахвердов!

Бил в умывалке и бил в коридоре
с чистой слезою в пылающем взоре!

Бил меня в тихой весенней общаге.
В окнах открытых небесная влага

шумно в листву упадала и пела!
Солнце и ливень, и все пролетело!

Мы оглянуться еще не успели.
Влага небесная пела и пела.

Солнце и ливень, и мокрые кроны,
клены да липы в окне растворенном.

Влага небесная. Дембельский май.
Русик, прости меня. Русик, прощай!

БАЛЛАДА О ДЕВЕ БЕЛОГО ПЛЕСА

Дембеля возвращались в родную страну,
проиграв за кордоном войну.
Пили водку в купе, лишь ефрейтор один
отдавал предпочтенье вину.

Лишь ефрейтор один был застенчив и тих,
и носил он кликуху Жених,
потому что невеста его заждалась
где-то там, на просторах родных...

Но в хмельном кураже порешили они
растянуть путешествия дни
и по Волге-реке прокатить налегке.
Ах, ефрейтор, пусть едут одни!

Ах, ефрейтор, пускай они едут себе!
Ни к чему эти шутки тебе!
Ты от пули ушел и от мины ушел,
выходи, дурачок, из купе!

Ведь соседская Оля, невеста твоя,
месяц ходит сама не своя,
мать-старушка не спит, на дорогу глядит...
Мчится поезд в родные края.

Но с улыбкой дурною и песней блатной
в развеселой компаньи хмельной
проезжает ефрейтор родимый простор,
продолжает в каюте запой.

Вниз по Волге плывут, ошалев от вина.
Даже с берега песня слышна.
Пассажиры боятся им слово сказать.
Так и хлещут с утра до темна...

На четвертые сутки, к полудню проспясь,
головою похмельной винясь,
он на палубу вышел в сиянье и зной.
Блики красные плыли у глаз.

И, у бóрта застыв, он в себя приходил,
за водою блестящей следил.
И не сразу заметил он остров вдали,
лишь тогда, когда ближе подплыл.

И тогда-то Ее он увидел, бедняк,
и не сразу он понял, дурак,
а сперва улыбнулся похабной губой,
а потом уже вскрикнул и — Боже ты мой! —
вдоль по бóрту пошел кое-как

за виденьем, представшим ему одному,
почему-то ему одному,
за слепящим виденьем, за тихим лучом,
как лунатик, пришел на корму.

Дева белого плеса и тихой воды,
золотой красоты-наготы,
на белейшем коне, в тишине, в полусне...
Все, ефрейтор злосчастный! Кранты!

Все, ефрейтор, пропал, никуда не уйдешь,
лучше б было нарваться на нож,
на душманскую пулю, на мину в пути!
Все, ефрейтор. Уже не уйдешь...

И, когда растворилось виденье вдали,
кореша дембеля подошли,
чтоб в каюту позвать, чтоб по новой начать.
Но узнать Жениха не могли!

Бледен лик его был, и блуждал его взор,
и молол несусветный он вздор.
Деву белого плеса он клялся найти,
корешей он не видел в упор.

И на первой же пристани бедный Жених
вышел нá берег, грустен и тих.
И расспрашивать стал он про Деву свою,
русокосую, голую Деву свою,
Деву плеса в лучах золотых.

Ничего не добившись, он лодку нанял,
взад-вперед по реке он гонял.
И однажды он вроде бы видел Ее,
но вблизи он Ее не признал.

И вернулся он в город задрипанный тот,
и ругался он: ...
И билет он купил, и уехать решил.
Но ушел без него пароход.

После в чáйной он пил, и в шашлычной он пил,
в станционном буфете бузил,
и с ментами подрался и там, в КПЗ,
все о Деве своей говорил.

Говорил он о Деве смертельной своей,
голосил он и плакал о ней,
о янтарных глазах, золотых волосах.
И блатные ему отвечали в сердцах:
«Мало ль, паря, на свете б...»

И белугой ревел он, и волком он выл,
и об стенку башкой колотил.
И поэтому вскорости был у врачей
и в психушку потом угодил.

И когда для порядка вкололи ему,
чтоб не очень буянил, сульфу,
и скрутила его многорукая боль,
и поплыл он в багровую тьму,

среди тьмы этой гиблой, в тумане густом
он увидел вдали за бортóм,
он за бóртом вдали различил-угадал
этот остров в сиянье златом.

И к нему подплывая в счастливых слезах
на безумных, горящих глазах
и с улыбкой блаженства и вечной любви
на бескровных от боли губах,

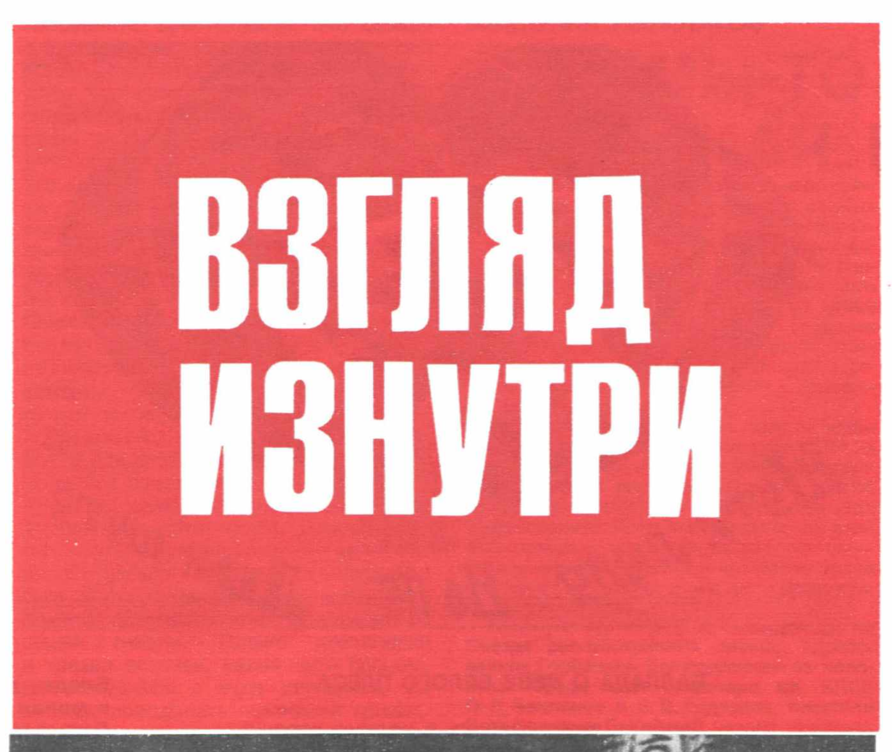
озаряясь все больше, почти ослеплен
блеском теплых и ласковых волн
и сиянием белых прибрежных песков,
свою Деву разглядывал он.

И Она улыбалась ему и звала,
за собою манила-вела:
Мы поедем с тобой никуда, навсегда
Никогда, мой любимый, уже никогда...
И вода под копытом светла.

Ну садись же, садись, дурачок, на коня,
обними же, не бойся, меня!
Никуда, без следа, как песок, как вода,
в сонном мареве вечного дня...

Дева белого плеса, слепящих песков,
пощади нас, прости, дураков!
Золотая краса, золотые глаза,
белый конь, а над ним и под ним бирюза...
Лишь следы на песке от подков.

С Владимиром МУКУСЕВЫМ беседует наш корреспондент Анастасия НИТОЧКИНА

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

— А ты случайно не сотрудник Комитета государственной безопасности? Мне не раз говорили об этом.

— Кто говорил?

— Разве важно — кто?

— Про меня множество слухов ходит, хотя такую версию я слышу, честно говоря, впервые... Но меня действительно пытались несколько раз завербовать. А в молодости даже сам хотел.

— Как же происходит эта пресловутая вербовка?

— Однажды, когда я работал еще в Ленинграде, раздался телефонный звонок: «Владимир Викторович?! Здравствуйте. Вас беспокоит сотрудник госбезопасности Иван Иванович. (Они, видимо, всегда так представляются — без фамилии.) Не могли бы вы прийти поговорить туда-то и туда-то?» Прихожу. Обыкновенный исполкомовский коридор. (Вот уж никогда бы не подумал, что в исполкоме!) Дверь без вывески с номером. Звонок. Звоню. Моментально открывается дверь, словно только и ждали, что приду. За дверью еще один коридор. Вхожу в первую комнату — один стол и два стула. Больше ничего нет, только пепельница. Кстати, накурено так, что топор вешай. Видимо, все приходящие сразу за сигареты хватаются. «Владимир Викторович! Мы знаем, что вы были в командировке за рубежом. Страна находится в очень серьезном положении. Мы знаем вас как честного советского человека, гражданина...» Здесь главное вовремя сказать: «Я действительно честный советский человек, поэтому...» Они теряются от противопоставления их понятиям честности — твоих... Но это было уже давно. Впрочем, в Москве такой же случай был. На этот раз человек сразу понял: если скажет еще слово, я дам ему по морде. К тому времени я был уже достаточно популярным... Я понимаю, что иметь Мукусева в качестве агента — кусок для них очень лакомый, потому что я все время на виду. Больше тебе скажу, я не исключаю, что этот слух — попытка меня дискредитировать в отместку за отказ с ними сотрудничать. Огромное количество людей так и ищет любой повод подорвать наш авторитет.

— Например?

— Мы, люди, которые делают «Взгляд», очень страдаем от отсутствия транспорта. А многие из нас еще и депутаты — забот хоть отбавляй. Территория округа (Нижегородского, третьего национально-территориального), в котором меня избрали народным депутатом, огромна — пять районов Москвы. Я катастрофически никуда не успеваю, даже в родной Театр на Таганке, коллектив которого выдвинул меня кандидатом в депутаты. На такси уходит почти вся зарплата. И вот однажды состоялся разговор по телефону с представителем одного автомобильного завода, который предложил нам приехать и выступить перед рабочими. За это мы получали возможность приобрести машины по государственным ценам и без очереди. Через некоторое время местные журналисты, наши друзья, позвонили и сказали: «Ребята, мы тут узнали, что вы собираетесь к нам приехать. Так вот знайте, уже готовится специальная палатка, в которой, по всей видимости, будет стоять кинокамера и определенные люди очень вас ждут». Они собирались снимать репортаж о ребятах из «Взгляда», без очереди получающих автомобили.

— Если бы тебя не предупредили, ты бы поехал получать машину?

— Честно? Я бы это сделал. Машина для нас не роскошь. И я надеюсь, что намерение I Съезда народных депутатов России предоставить депутатам возможность для выполнения депутатских обязанностей приобрести за государственную цену автомобили будет, наконец, осуществлено.

— Твое депутатство — это попытка обезопасить себя как журналиста?

— Да избави Бог! Если я буду думать о собственной безопасности, я перестану делать «Взгляд» и вообще заниматься журналистикой. Существует достаточно частных лиц и организаций, которые бы мечтали меня уничтожить. Есть, например, организация в одном украинском городе, в программе которой одним из пунктов черным по белому записано: физическое уничтожение Мукусева.

— Но ты стал смелее себя вести с тех пор, как стал депутатом...

— Это неверно. В нашей стране депутатство ничего не дает, кроме новых забот. К нам всегда приходили люди, как в последнюю инстанцию, отчаявшись найти поддержку в исполкоме, райкоме, ЦК, Политбюро. И мы людям помогали, как могли. В этом смысле я всегда занимался депутатской работой. Другое дело, что депутатский мандат дает мне возможность проходить туда, куда журналиста Мукусева просто бы не пустили.

А миф о попытке обезопасить себя лично придуман людьми, которые опять же хотят нас скомпрометировать. Дело в том, что я мог согласиться на выдвижение в народные депутаты СССР два года назад. Но тогда я отказался, так как считал, что журналист «Взгляда» может сделать больше, чем депутат. Но прошел год, жизнь в стране изменилась к худшему. Я понял, что нужно действовать не только в рамках своей профессии.

— А ваши руководители как относятся к вашему депутатству?

— Плевать они хотели на это. Шевелев, заместитель председателя Гостелерадио СССР, нам всегда говорит: «Свое депутатство оставьте за дверями моего кабинета. Здесь вы журналисты и никто больше». Ну кто сегодня серьезно относится к депутатам?

— Ты всегда производил впечатление очень осторожного человека, и тем не менее, по слухам, тебе доставалось от начальства больше всех. Так ли это?

— Почему-то считается, что «Взгляд» сделан перестройкой. А ведь еще в самые застойные годы были передачи, которые по праву можно назвать фундаментом «Взгляда». Я имею в виду «Адреса молодых», «Мир и молодежь», «Двенадцатый этаж». Я прошел эти передачи не просто как ведущий, но как автор, журналист. Многие наши газеты и журналы, телепередачи грешили и грешат замахом на рубль, а ударом на копейку. В моих передачах никогда не было этого несоответствия. Я всегда замахивался ровно настолько, насколько мог ударить. И мои удары были ощутимы. Слава Богу, про захоронение Ленина и про «Аврору» было сказано в моих программах. События в Тбилиси я предвосхитил почти за год. И этим горжусь. Таких историй множество. Я получал нарекания, а сегодня очевидно, что получал-то я их из-за амбиций наших замечательных руководителей.

— Кого ты имеешь в виду?

— У нас два руководителя: главный редактор программ для молодежи Пономарев и секретарь партийной организации редакции Шипилов. Эти люди не имеют никакого отношения к журналистике. А Пономарев раньше работал в аппарате ЦК ВЛКСМ. Единственное, чему он там научился,— это оформлять командировки. С этим пришел к нам и дослужился до должности главного редактора. С этого момента редакция резко стала сползать вниз как коллектив.

— Предположим, в эфире прозвучало что-то не устраивающее начальство. Что происходило дальше? Какими методами борьбы они пользовались?

— Наступал понедельник. И какой-нибудь лизоблюд на большой летучке разбегался и бил сапогом ниже пояса. То же самое происходило в кабинетах различного уровня редакторов. Шевелева ли, Решетова ли, Ненашева ли, Аксенова ли, Лапина. Раньше нас всегда били Лапин и Мамедов — вдвоем. Особенно за «Мир и молодежь». Я думаю сегодня: Господи! Если бы мы задумывались над будущим, мы собрали бы все, что вырезали из наших прошлых программ, и это был бы серьезный аргумент, когда все партийные функционеры сядут на скамью подсудимых. Я тоже был членом партии и, конечно, должен разделить часть вины... Но я бы продемонстрировал эти вырезки, сегодня уже смешные и нелепые,— то, о чем я хотел рассказать все эти годы и не мог. Не было прямого эфира.

Сегодня он появился, и появились выматывающие, чудовищные разборки... Да что там говорить: еще год назад, когда началась наша предвыборная кампания, редакция получила несколько гневных писем якобы от зрителей. Но странно: письма были написаны разными людьми, но было в них и нечто общее — факты, которые в них излагались, могли знать только сотрудники редакции, вернее, ее руководство. Есть вещи, о которых просто невозможно догадаться по эфиру.

— А что вообще пишут вам в редакцию?

— Например: «Как ты посмел, сукин ты сын, сопляк, в день рождения величайшего из великих людей — Ленина — пригласить двух пархатых жидов... функционер, двурушник, негодяй...» Правда, сегодня такие письма перестали приходить. Ветераны стали писать другие письма, предпочитают теперь обращение «сынок». «Сынок, побереги себя...» То, что происходит сегодня, очень страшно: старшее поколение (я сужу по своему отцу), которое честно отпахало всю свою жизнь, в том числе и на фронте, приходит к убеждению, что жизнь прожита зря. В этот страшный момент нельзя их оставлять, добивать. Ведь корнями мы оттуда же, откуда они. Просто мы прожили меньше, нас били меньше, мы знаем меньше. Так вот им надо доказать этим судом над партией, кто виноват в наших бедах. Старики поймут. И тогда все проблемы с Лениным, с коммунистическими идеалами отпадут.

— Я так поняла, что ты уже не член партии...

— Я вступил в партию из карьерных (именно карьерных, а не карьеристских!) соображений. И сегодня глупо это скрывать. Тогда действовала система, при которой нельзя было занять следующую ступеньку в иерархической лестнице, не будучи членом партии. Что это означало для меня? Возможность работать еще больше... Например, разве смог бы я пробить лапинский щит и поехать в Афганистан, если бы не был членом КПСС? Конечно, нет. Кстати, такая ситуация была не только у нас в редакции — везде. Например, в Ленинградском НИИ, где я работал до телевидения, мне сказали: «Запишитесь в список желающих. Через пять лет подойдет ваша очередь, вступите в партию и начнете движение вверх». Я отказался, заявив, что партия — не очередь за картошкой... Так я поставил на себе как на инженере крест. Хотя тогда искренне мечтал стать коммунистом.

Для меня карьерное вступление в партию не попытка получать большие деньги. Для журналиста это пропуск в иную профессиональную сферу.

— А почему ты вышел из партии? Модно стало? Валом люди повалили?

— Я вышел не из партии Полозкова, как многие. Это фигура одиозная, но значительно менее крутая, чем Лигачев. У него нет будущего, коммунисты сами рано или поздно от него откажутся. Я ушел из партии пономаревых и шипиловых, гораздо более страшных людей, вцепившихся зубами и когтями в кресла, которые достались им перестроечными веяниями. Они жутко боятся уйти с того места, на котором пригрелись, просто потому, что у них нет профессий. Они ничего не умеют. Партия дала им возможность нормально жить и руководить. Конечно, мы могли устроить грандиозное шоу, чтобы о нашем выходе узнала вся страна. Но мы приходили в эту партию по одному, значит, и выходить должны поодиночке.

— Давай все же начнем сначала. Однажды я спросила Сергея Шолохова, как он стал журналистом. Он рассказал мне душераздирающую историю о том, как работал механизатором в селе Привольное. В то время Белла Куркова поехала на встречу с Михаилом Сергеевичем Горбачевым, случайно заметила Шолохова и пригласила в «Пятое колесо». А что тебя привело на телевидение?

— Мне было лет десять, когда я попал на Ленинградское телевидение. Таскал фонари, провода и был счастлив, что меня не выгоняют такие люди, как Латышев и Правдюк. Ведь именно такие, как они, уже тогда сделали Ленинградское телевидение знаменитым на всю страну. Тогда-то я и вкусил яд телестудии. Потом, однако, учился в физико-математической школе, в Ленинградском электротехническом институте связи имени профессора М. А. Бонч-Бруевича. Четыре года проработал в конструкторском бюро. Одна из разработок, в которой я принимал посильное участие, до сих пор летает в ТУ-154. Сегодня ты можешь войти в кабину самолета, увидеть черный ящик с экраном в центре между двумя пилотами и сказать, что ты знаешь одного из авторов этого «произведения». Параллельно я работал на Ленинградском телевидении. Вел передачи. Принимал участие в телеконкурсе ЦТ «Салют! Фестиваль!» и стал лауреатом. Поехал на фестиваль в Гавану. Получил приглашение на ЦТ и прошел весь путь, начиная с администратора.

— Ты сказал, что еще в детстве вкусил яд телевизионной работы. Значит, уходя в инженеры, изменил себе?

— Могу честно сказать, что ни об одном дне в своей жизни я не жалею. Я счастлив, потому что знаю о конструкторских бюро и летных испытаниях не понаслышке. Я поступил в «Бонч» осознанно: мечтал быть инженером. Вероятно, сказалось влияние «Девяти дней одного года». Мы все были покорены образом человека, который идет по коридору КБ в белом халате с развевающимися полами и рассуждает о непонятных и оттого еще более интригующих вещах. Уже потом стало ясно, что это прежде всего чудовищная рутина и никакой романтики.

Я прошел серьезную жизненную школу, окончил еще и творческий вуз. Я убежден, что настоящим журналистом стать очень трудно. Наши мальчики, которые пришли в самый пик создания «Взгляда», не приложив к этому никаких усилий, так пока и не стали настоящими журналистами. Может быть, за исключением Димы Захарова. Они стали просто телевизионными людьми.

— Ребята где-то писали, что, когда начинался «Взгляд», они придумали себе маски: Любимов — шоумен, Захаров — серьезный интеллектуал, Листьев — нечто среднее между ними, Политковский — этакий свой парень и т. д. Теперь все поменялось. Листьев стал шоуменом, Любимов — серьезным руководителем программы и т. д. С чем пришел в программу Мукусев, и изменилась ли его маска?

— Я во «Взгляд» не пришел, я его придумывал.

— Я имею в виду момент, когда тебя увидели зрители.

— Я стал вести программу, потому что ее надо было спасать. Это стало ясно Сагалаеву, который был в то время главным редактором «Молодежки», и он посадил меня за стол ведущих. Я не собирался быть ни Шоуменом, ни Балбесом, ни Трусом, ни еще кем-то. Я пришел как журналист. Смею надеяться, что являюсь им до сих пор. Таким образом удалось спасти программу.

— Разве она погибала?

— Конечно. Началась развлекуха. Эдакое блям-блямканье понемногу обо всем.

— Но почему передача стала сразу же такой популярной?

— Популярность? Бог с тобой. Не было никакой популярности.

— Все запомнили программу с первого выпуска. Ждали каждого последующего.

— Это ерунда. Миф. Такой же миф, как выдуманная история про Сашу Любимова как руководителя программы. Он ведь руководитель максимум той программы, которую сам делает. Еще не став профессиональным журналистом, он пытается журналистами руководить.

— Сейчас демократия: руководителей выбирают. Значит, коллектив его выбрал в руководители программы?

— Конечно, нет.

— Его назначили сверху?

— Нет. Никакого приказа я не видел. Он сам себя назначил. Он просто сказал: «Ребята, теперь я буду вами руководить». Мы посмеялись, думая, что это шутка. А он написал себя в титрах.

— Бред какой-то. Я завтра приду в «Огонек» и скажу: «Ребята, баста, надоели ваши игры, теперь я буду вами руководить».

— Я могу только покивать головой, потому что это все действительно бред.

— Значит, я поймала тебя на том, что ваши титры врут?

— К моим передачам Любимов никакого отношения не имел, не имеет и иметь не будет. Так что руководство программой — игра.

— Лысенко тоже играл в руководителя?

— Нет. Это был профессионал высочайшего класса. Он такой же телевизионный «динозавр», как Прошутинская, Малкин, Сагалаев, Масляков, Ворошилов, Стеценко. Именно они сделали молодежную редакцию редакцией. Это люди, прошедшие очень серьезный журналистский путь. Когда Лысенко был руководителем программы, с ним по крайней мере можно было посоветоваться.

— С Любимовым ты не советуешься?

— Сейчас нет. Раньше, когда мы были коллегами, мне было интересно его мнение. Но не сейчас, когда он пытается мною руководить. Пойми, все началось с того, что эти ребята просто стояли в кадре с микрофонами, а мы за кадром задавали за них вопросы. И не нужно от этого отказываться: это было! Но я не могу отзываться о них пренебрежительно — это ведь как мои дети. Я их люблю. Но особенно гордиться тоже, честно говоря, нечем. Мне всегда казалось, что нужно в глазах телезрителей сохранять видимость единства команды, которая делает одно дело. Правда, единства-то этого никогда не было.

Но я прощал и прощаю им многие промахи. Даже когда они предавали меня перед начальством. Понимаю, что их запугали, пригрозили, да и в интригах они раньше не очень разбирались. Я рад, что они берут у нас с Политковским все лучшее. Мне не жалко. Мы их многому научили. Замечательно, что Влад Листьев нашел себя в передаче «Поле чудес». Это дело, которым можно заниматься всю жизнь. В этом смысле у него блестящее будущее. Я рад, что Дима Захаров нашел себя. Он единственный из нас человек с энциклопедическими знаниями. Мы ведь часто создаем себе стереотипы. Дима придумал себе новый образ и тем самым разрушил стереотип. Это очень сложно. Кроме того, он многое понял про Сашу Любимова и, бесспорно, больше никогда не сядет с ним за стол ведущих. Они все состоялись настолько, насколько каждый из них был способен. Это замечательно.

— У тебя не возникает ощущения, что с созданием «ВИДа» «Взгляд» развалился?

— Нет. Он утонул во времени, которого нам всегда очень не хватало. Идея была хорошая: вытащить из программы экономические проблемы, которые становились едва ли не единственной темой каждого выпуска. Вытащить музыку... Другое дело, что пока не получилась передача «500», но изначальный посыл был верным. Я в этом убежден. Хотели вытащить историю, и получилась программа «ВЕДИ». И Дима Захаров, на мой взгляд, делает свои выпуски блестяще. Он еще не привык к своему новому образу, но, уверяю тебя, пройдет немного времени — и все обалдеют. Мы с нетерпением будем ждать каждого его выпуска. Пока он только ищет свое лицо. Он из этой троицы, набранной в телевизионных коридорах, наиболее глубокий и талантливый человек.

— То, что происходит сегодня со «Взглядом», тебя устраивает?

— Конечно, нет. Последние передачи, которые делают Саша Любимов с Женей Додолевым,— на уровне детской песочницы. К сожалению, попытки сделать «Взгляд» по образу и подобию подсмотренных у американцев программ привели к провалам, которых мы не допускали уже года два. Конечно, можно, условно говоря, на «Запорожец» приклеить эмблему «мерседеса». Но от этого он «мерседесом» не станет. Никогда... Снова нужно выкарабкиваться и добиваться, чтобы «Взгляд» стал центральной передачей «ВИДа».

— Взглядовцы уверены в успехе?

— Не берусь отвечать за всех. Думаю, что пока я работаю в этой передаче, она будет держаться на должном уровне.

— Ты считаешь себя главным человеком во «Взгляде»?

— Я считаю себя главным в тех выпусках, которые делаю сам.

— Не говорят ли в тебе личные амбиции и обиды, что тебя обошел твой ученик? Ты ведь считаешь Любимова учеником.

— Страдает дело. А для меня всегда на первом плане были дела, а потом уже амбиции. А то, что ученики обходят — нормально. У меня было много учеников и практикантов, которые сегодня руководят различными программами во всех уголках нашей необъятной страны. Я ими горжусь. Обидно, когда вперед вырываются конъюнктурщики. Если Саша Любимов действительно начнет мной руководить, я уйду из «Взгляда» и сделаю альтернативный «Взгляд-2» на кабельном телевидении. Кстати, я совсем недавно назначен генеральным директором исполнительной дирекции Союза организаций кабельного и эфирного телевидения СССР. Раз удалось создать «Взгляд» как альтернативную программу всего ЦТ, думаю, что мы сможем сделать альтернативную телевизионную сеть всему Гостелерадио СССР, руководство которого не собирается менять свои сугубо партийные (на платформе КПСС) позиции. А, кстати, президент этого Союза — Эдуард Сагалаев, отец «Взгляда».

— Давит на тебя ощущение прямого эфира? Ты себя контролируешь, сдерживаешь? Было страшно, когда понимал, что приглашенные тобой люди выходят из-под контроля?

— Этого я не боялся никогда, потому что «Взгляд» богат и знаменит не смелыми журналистами, а людьми, которых приглашал в свою студию. Так что к своей «роли в искусстве» я отношусь очень спокойно. Я отдаю себе отчет, что во мне сидит маленький Лапин. Он сидит, и режет, и кромсает. Его с каждым днем все меньше и меньше. Но процесс избавления от него пока не завершен.

«Взгляд» начинался с того, что в пустой студии сидели милые мальчики, а все напряжение было в сюжетах, которые снимали мы. Сюжеты, естественно, шли в записи и заранее резались. Тогда я научился излагать свои мысли таким образом, что это одновременно отражало мою точку зрения и не нервировало начальство.

— Ох уж этот эзопов язык!

— Конечно. Когда появился прямой эфир, вечное лавирование между реальным начальством и внутренним Лапиным приводило к тому, что некоторые говорили: «А чего это Мукусев так прохладно об этом сказал? Трус, что ли?» Чушь собачья! Не в трусости дело. А в том, что я знаю, что говорю. За каждым словом, которое я произношу с экрана,— еще десятки документов. Ни разу не было информации, которую я бы выдал на 200-миллионную аудиторию, узнав ее в лифте, на улице, в подъезде или даже услышав по радио или прочитав в хронике. Одно дело оскорбить Лигачева, скажем, а другое дело планомерно добиваться его отставки. Я всегда делал второе. Уверен: это заслуга позначительнее, чем обвинения и крики на площадях. Я абсолютно убежден, что весь мой цикл военных сюжетов приведет в конечном итоге к отставке Язова.

— Ты следишь за судьбой своих героев?

— Всегда.

— Бывает им худо?

— Практически всем и всегда.

— У тебя есть возможность их защитить?

— После появления депутатского значка возможность эта появилась. До того я мог лишь чисто по-человечески их поддерживать, писать письма в инстанции. Но к конкретным результатам это не приводило.

— Если у тебя не было возможности обезопасить своих героев, как же ты мог взять на себя ответственность за этих людей: ты ведь знал, что они пострадают?

— Ни один из моих героев ни в эфире, ни в записи ни разу не говорил то, в чем не был уверен на сто процентов и что я не перепроверил десятки раз. Прежде чем включить микрофон, я всегда предупреждаю людей о последствиях. Я всегда просчитывал судьбу своего героя и рассказывал, что его ожидает. Я знаю, что представляет собой эта система, чем она сильна и как она больно бьет. И только после того, как, зная все грядущие неприятности, человек соглашался говорить, я его снимал. А потом практически всегда показывал людям смонтированный материал, чтобы меня не упрекали, что в монтаже были переставлены акценты.

За все время работы во «Взгляде» я не допустил ни одной ошибки. Фортуна частенько бывает со мной заодно... Может, поэтому и родилась легенда, что я осторожен. Я действительно осторожен, поскольку прекрасно осознаю, что человек, открывшийся мне, пострадает больше меня. За себя я не так боюсь.

— Наверняка у вас есть какие-то секреты. Я уверена, что с Марком Захаровым вы договорились заранее, что на «Орбиту» он не скажет про Ленина, а вечером скажет.

— Конечно. И люди, живущие за Уралом, так и не поняли, какая крамола прозвучала в передаче, что ее обсуждали аж на Пленуме ЦК КПСС. Первую «Орбиту» смотрит не только наше начальство, кабель идет и на Старую площадь, и на Лубянку. Часто человека, выступающего на «Орбите», зовут к себе в кабинет попить чайку и в очень доброжелательной, хорошей форме советуют не говорить о чем-то так резко. Частенько люди теряются: ведь не указали, не пригрозили, что завтра расстреляют, а всего-навсего попросили. Может, и не стоит людей подводить? И во время вечернего эфира человек невольно начинает себя сдерживать, искать другие слова — и сразу пропадает интерес. У нас бывали случаи, когда после «Орбиты» подходили к гостю и говорили: «Вы так прекрасно, замечательно выступили, и мы решили пустить передачу в записи. Вы не сможете повторить то же самое с таким блеском второй раз». А однажды нас просто выгнали из студии, вырезали то, что не устраивало начальство, и передача выходила в кастрированном виде — в записи. Это было в тот раз, когда к нам в студию должен был прийти А. Д. Сахаров. Перед студией даже поставили милицейский пост, и никого из нас не впустили. Зная все это, я категорически запретил Марку Захарову говорить о Ленине на «Орбиту».

— Кто принимает подобные решения?

— На уровне министра и его заместителей. Аксенов. Ненашев. Решетов. Шевелев. Когда кто.

— Ты пережил многих телевизионных начальников. Кто из них тебе симпатичнее?

— Мамедов. Из его кабинета можно было выйти либо возрожденным, либо вообще без удостоверения. Это — настоящее чудовище. Человек восточных кровей, он был очень импульсивным, эмоциональным, решения принимал ежесекундно. Но был он глубочайшим профессионалом, за что его нельзя было не уважать. Ему не нужно было показывать весь сюжет или всю передачу, чтобы он понял, какая «бомба» в ней заложена. Он сек и вырезал эти вещи моментально. Еще мне симпатичен покойный ныне Попов, который в самый разгар борьбы с алкоголизмом, когда даже запрещали показывать на экране стакан, за один из сюжетов подарил мне бутылку коньяка. Мне и Кире Прошутинской. Он тоже был профессионалом. Остальным руководителям не важно, чем руководить — бардаком, мукомольной фабрикой, редакцией или чем-то еще. Я освоил все телевизионные профессии и смог бы руководить сотней шипиловых и пономаревых. Но я бы даже администраторами не взял их к себе.

Все происходящее сегодня в молодежной редакции — страшная девальвация тех ценностей, которые, между прочим, были накоплены в те самые страшные застойные годы. Сегодня действительно важно, где ты был и чем занимался до 1985 года. Так вот, мне не приходится краснеть ни за одну передачу, ни за один свой фильм того времени. И это не моя заслуга. Это заслуга молодежной редакции: она так воспитывала. Когда мы делали «Мир и молодежь», было правило: передача шла по первой программе, а через несколько дней повторялась по второй. Если попадала в какой-то сюжет какая-то крамола, передачу, естественно, с повторного эфира снимали. Так вот, Сагалаев всегда за такие передачи давал премии и поздравлял. Его школа: «Бейся в кровь, набивай шишки, пусть тебя мордуют, я всегда прикрою». Работать локоть к локтю — вот его система. И если тебе бьют за что-то морду, значит, ты чего-то стоишь.

— Зачем вы пригласили в «ВИД» Игоря Кириллова и одели его в домашнюю кофту?

— Меня всегда мучает долг перед стариками, которые попали в двусмысленную ситуацию, оказались просто ненужными. Они не нужны нам, эдаким перестроечным петушкам, которые кричат и визжат о том, о чем раньше можно было лишь думать про себя, да и за одно это пострадать. Кириллов — интеллигент по большому счету, человек огромной внутренней культуры и, кстати, русского языка тоже.

Всю жизнь Игорь Кириллов воспринимался нами как рупор идей Старой площади. Было непонятно: есть ли у него вторая половина туловища, или нет. Мы даже не всегда понимали, кто написал тот или иной указ, постановление, заявление — Брежнев, Андропов или Кириллов. Он потрясающий артист. Любой текст, который произносит, делает своим. Нам хотелось дать понять тем самым старикам, что все происходившее с Кирилловым на телевидении в те годы,— впрочем, и с ними самими тоже! — было лишь скорлупой, о которую бились живые сердца нормальных людей. Поэтому мы считали, что, если снять с Кириллова пиджак и посадить не за стол, а в уютное кресло, на наших глазах произойдет перевоплощение.

— Не произошло...

— Не произошло, потому что под пиджаком Кириллова еще скафандр космонавта. Под ним, наверное, скафандр водолаза. Потом еще один пиджак. И лишь потом спортивная майка, в которой мы работаем уже три года. Мы сами не ожидали, что ему так сложно будет привыкнуть к новой роли. Самое удивительное, что и он этого не ожидал. Ну дайте ему поработать дватри месяца, не травите его гневными выпадами, дайте человеку привыкнуть к своей новой ипостаси. Я уверен, мы еще услышим его блестящие монологи.

— Ты сказал, что вы уже три года сидите в майках с советской символикой. Прости, но это уже немодно.

— Я согласен. Но это стало своего рода маской. Впрочем, не такая уж и маска, ведь точно в таких же майках мы ходим в Кремль на сессии и съезды, шокируя как минимум половину Верховного Совета России. Мы делаем это специально. Мне, например, больше нравятся галстук и пиджак, это было бы естественнее. Но ведь большинство депутатов сидит в мягких сапожках, в сталинских мундирах и с трубками в зубах. Наша форма одежды — своего рода противовес, пусть детский, примитивный, но все же ощутимый.

— В детство впадаете?

— Называй как угодно. Рано или поздно, конечно, мы вырастем из детских одежд, и галстуки с пиджаками займут достойное место на наших телах. Сегодня мы болеем этой болезнью сознательно: пытаемся показать свою незашоренность, даже внешнюю. Мне бы очень хотелось, чтобы в студию «Взгляда» пришел М. Горбачев в свитере или в майке, например. Для него это принципиально, а он, к сожалению, этого не понимает. Он всю жизнь затянут в свой галстук, и падение его популярности связано и с этим обстоятельством тоже. А еще с тем, что он говорит то же самое, что говорил пять лет назад. А я уверен: в его душе происходят колоссальные глубинные процессы. Так приди, расслабься, скинь пиджак и поговори с народом.

— Горбачев знает об этом вашем желании?

— Мы его дважды приглашали. Он ответил: «Пока наши взгляды не совпадут, я к вам не приду». Мы все прекрасно понимаем, что наши взгляды никогда не совпадут со взглядами Генерального секретаря ЦК КПСС. И в этом качестве он нам неинтересен. А вот Президент должен разговаривать с людьми, придерживающимися противоположных точек зрения. Странная история: он все время рассуждает о согласии, а сделать шаг навстречу, поговорить по душам, попытаться на деле прийти к этому самому согласию не хочет.

— Ты тщеславный человек?

— Конечно, тщеславный в какой-то степени. Я горд, что у меня дома стоит телевизионный «Оскар» — американская премия «Эмми». И приятно, что, когда я приезжал в Вашингтонский университет, меня узнавали. И знают там Мукусева не по «Взгляду», а по телевизионным мостам — «Ленинград — Сиэтл» и «Ленинград — Бостон». Я знаю, что с моим мнением считаются политические лидеры некоторых республик. В конце концов именно ко мне иногда приходит молодежь из КГБ и МВД и рассказывает о своих бедах...

— Кто-то из ребят в эфире провозгласил, что компания «ВИД» отныне независимая и хозрасчетная. Что это значит?

— Хозрасчет в том, что стало больше рекламы, больше денег. Наши начальники получают в два раза больше журналистов, делающих дело. У меня зарплата не прибавилась. Как не было никогда машин и камер, так и нет. Не выделяли нам достаточно времени для монтажа — и не выделяют. Мало того, я из собственного кармана плачу за перезапись того или иного клипа. От этого липового хозрасчета журналисту не стало легче работать. Зато вокруг программы появились десятки людей, которые просто кормятся за счет «Взгляда». Например, создали малое предприятие. Чем оно занимается — для меня загадка.

— А от кого вы перестали зависеть?

— Мы зависели всегда от телевизи-

онных начальников и зависим точно так же. Никакой свободы не прибавилось.

— Вам всегда верили, а вы, оказывается, дурите зрителей?

— В смысле независимости дурим. Но я не имею к этому никакого отношения.

— Ты не боишься, что за эту нашу беседу тебя отстранят от прямого эфира?

— Меня много раз отстраняли, и, конечно, это неприятно *. Но у меня нет страха потерять работу. Я знаю, что я — профессионал. И пока у меня есть эфирное время, я хочу помочь как можно большему количеству людей. Не вообще стране, не вообще перестройке. А конкретным людям. Что и делаю.

— Рейтинги телевизионных журналистов нынче в моде. Кто из твоих коллег тебе нравится?

— Молчанов. Мне не очень нравится придуманный им образ в «До и после полуночи», но то, что он делает как журналист, замечательно. Вадим Медведев — настоящий петербургский интеллигент. Таня Миткова. Конечно, Саша Политковский. Он репортер высочайшего класса, на несколько порядков выше Невзорова. Невзоров занимается тем, чем мы занимались в программе «Мир и молодежь», когда открывали ногами двери различных начальников и спрашивали: «Кто с тобой работает?» А вообще я надеюсь, что рано или поздно Политковский откроет независимую репортерскую школу и воспитает не одно поколение профессиональных журналистов. Он прирожденный педагог.

— Какое место в этом рейтинге ты отводишь себе?

— Рейтинг — это результат опроса. Пусть меня в этот список поставят читатели «Огонька».

*** Как в воду глядели: о беседе еще до публикации стало известно сотрудникам и руководству молодежной редакции. И даже начался переполох: говорили, что Мукусев будто бы сообщал о «Взгляде» нечто такое!.. Но беседа эта перед вами. Судите сами. На наш взгляд, честность и искренность нашего собеседника не могут повредить делу.**

ЛЕЧИТЬ СУДЬБУ

Владимир ФИНОГЕЕВ

Я благодарен всем, кто прислал письма-отклики на статью «По ту сторону случайной смерти» («Огонек» № 41). Писем очень много, и мне больно, что я не смогу ответить на все. Письма разные: письма-жизнеописания, письма-истории, письма-случаи, письма-размышления. Все, за исключением деловых предложений и просьб, удивительные, необыкновенные. Дело не только в том, что они о неповторимости человеческой жизни и путей в этой жизни. А потому еще, что в них — потрясающие рассказы о странных, загадочных, необычных происшествиях. Очевидно, что разговор о судьбе человеческой в неожиданном ракурсе, с непривычной точки зрения вскрыл целый пласт ранее не востребованного людского опыта, наблюдений, догадок. Время настало новое, великое. Со всех сторон хлынула информация, от которой дух захватывает. Во всех отраслях мы видим дружное наступление на тайну, и тайна отодвинулась и выпустила из-под коготочков целую вселенную, невидимую простому глазу, но живую, принимающую наши влияния и оказывающую свои. Она бьется, как прибой о берег клеток нашего тела. И она пронизывает нас. Мы сами сделаны из нее. Оттуда всегда черпали наши сердца, умы и ...ладони. А теперь и физические приборы и инструменты. И эти последние наконец реабилитировали первых.

Вот о чем рассказывают письма. И кроме того, они — поддержка начатого разговора.

Пришло только одно возмущенное письмо. Из Финляндии.

Упреки автора письма сводятся к следующему: как, узнав возраст своей смерти, человек может дальше жить спокойно? «Приведите мне хоть один пример человека, знающего о своей смерти и продолжающего плодотворно трудиться, строить планы на будущее, смирившись со своей судьбой». И далее: «...как вести себя матери, если она узнает от хироманта, что ее ребенок обречен?» И еще: «Объясните, как понимать, что ваши статьи сопровождаются фотографиями. Смотря на них, я обнаружила у себя и секущий треугольник, и множество крестиков именно в тех местах, где указано на фотографиях».

В своем концентрированном ответе я также постараюсь обозначить свое мнение по поводу высказываний ряда читателей, касающихся того, следует ли вообще помогать людям исправлять их негативную карму. Но сначала я хотел бы обратиться к нашей читательнице из Финляндии. Должен сказать, что ее вопросы и упреки не праздные. Они затрагивают несколько важных аспектов. Во-первых, меня самого охватывает тревога по поводу того, как именно

понимается то, что мы пишем. Это письмо бьет в ту болевую точку, которая терзает каждого автора. В этой точке пересекаются необходимость объяснять все: каждую мысль, каждое положение, каждое сцепление положений и мыслей — и невозможность этого достичь в ограниченном текстовом пространстве. Кроме этого, мучит беспокойство, насколько внимательно будет прочитан текст, хватит ли у читателя терпения разобраться в сплетении мыслей и фактов. Весь пафос статьи «По ту сторону случайной смерти» как раз и заключался в том, что на руке изображена не судьба человека, а прогноз судьбы. Будущее не расписано и не разлиновано. Его еще нет. Судьбу еще надо сделать. На руке даны не будущие обстоятельства, а психофизиологические состояния, какими их видит наш мозг в будущем. Эти состояния показывают уровень реакции человека на внешние обстоятельства. Как теперь пишут: адекватный или неадекватный. Этот уровень наш мозг вычисляет на основе собственного знания нашего здоровья, характера, интеллекта, уровня образования и культуры, социального фона и прочее и плюс знание своей кармы, плюс данные системы энергетического ответа, то есть системы так называемых пока сверхчувственных восприятий, плюс состояние механизма охраны, или, как я его называю, центра безопасности. Иными словами, на основе всего, чем мы располагаем и чего мы достигли к данному моменту. Но введите в мозг другие данные, говоря компьютерным языком, и он изменит, скорректирует прогноз. Зная свой прогноз, человек посредством духовной работы и разумностью своих действий может отменить неблагоприятные будущие состояния, улучшить свою судьбу. Мозг готов нам служить, если мы этого захотим.

Конечно, трудно на себя влиять, растить себя, образовывать себя, но тем слаще победа. Кто-то из великих сказал: если что-то удается слишком легко, то это никому не нужно. В Каббале, учении о Боге, человеке и Вселенной, сказано: человек не может есть «хлеб стыда», то есть хлеб незаработанный.

В предыдущей статье акцент был сделан на исполнившихся предсказаниях, но существует не меньше и таких, что не воплотились. Акцент был сделан, во-первых, для того, чтобы мы оглянулись и спросили себя, в каком мире мы живем и что происходит. Далее я предложил версию механизма считывания информации на расстоянии. Принцип дистантных энергоинформационных обменов позволяет объяснить не все, но многие предсказания. Например, в случае с Филиппом Македонским Оракул принял намерение Павзания, который уже поглаживал рукоять своей шпаги. И выход заключался не в том, чтобы уничтожать колесницы, а в том, чтобы умерить степень своего деспотизма. То есть проделать духовную работу. Тут возникает вопрос о приоритетах. Каждый решает его для себя сам и по-своему. В тех примерах, что я дал, люди погибли не только потому, что им было предсказано, что они погибнут. А потому, что они не смогли или не захотели воспользоваться предсказанием. Мог ли майор Джон Логан отвратить предсказание Кейро? Видимо, мог, он и сделал это — продал конюшню. Верно, он мог догадаться, что война — дело серьезное, и не ходить на нее. Что бы он при этом сказал: я не пойду на войну, потому что меня могут убить? Ему бы ответили: вы правы, на войне убивают. Что делать? Бежать, скрыться, дезертировать? А обязательства, долг, честь? Майор сделал свой выбор. Мы, зная все обстоятельства, можем оценить его мужество и его доблесть. Есть такой афоризм: человек непобедим, потому что он смертен. Это афоризм о приоритетах. Здесь в парадоксальной форме предстает мысль о бессмертии духа и о его победе над телом. Когда Тразею уговаривали сделать уступки Нерону, он ответил: неужели для того, чтобы продлить свою жизнь на несколько дней, я унижусь до такой степени? Нет, смерть есть долг, и я хочу уплатить его, как свободный человек, а не как раб. Тразея был непобедим. Иисус был непобедим.

Не всем матерям предсказывают (оставим до поры это слово), что их дети обречены. Как не все заболевают раком. Но как должен поступить врач, обнаруживший у пациента опухоль? Промолчать? Скрыть из нежелания огорчить человека? Но мы видим, что врачи поступают иначе. Они лечат человека. Они пытаются его спасти. И многих спасают: рак излечим на ранних стадиях, говорят они. И разве это вмешательство в тело не означает вмешательства в судьбу? А разве мы сами не остановим человека, готовящегося ступить на мостик через пропасть, зная, что тот не выдержит его веса? Будем равнодушно взирать, как человек скроется под обломками? Значит, судьба, скажем мы?

Как же поступить хироманту, обнаружившему опасный знак? Похлопать по плечу и сказать — все в порядке? Или пожать руку, обнять на прощание и объявить приговор? Или предупредить об опасности и предложить систему защитных мер? Очевидно одно: предсказание неправомерно. Во-первых, потому, что проекция будущих внутренних состояний и частично внешних обстоятельств выполнена мозгом на базе данных, имеющихся к моменту анализа руки. При изменениях информации будет меняться и проекция. Во-вторых, предсказывая, прорицатель лишает человека свободы, которую сам Бог не пожелал у него отнять.

Главное назначение хиромантии — помочь человеку вылечить свою судьбу. Дать ему шанс стать лучше. Вопрос в том, насколько это возможно, если речь идет о случайной смерти. А точнее, о дисфункциях центра безопасности. Факты говорят, что есть люди, которые умерли, имея знаки полных расстройств центра, и есть люди, которые не умерли, имея такие же знаки,— я писал об этом в сорок первом номере. Следовательно, такая возможность есть. Теперь о противодействии подобным нарушениям.

Вы спрашиваете, разве можно бороться с судьбой, с одной стороны, постом, смирением и молитвой, с другой — волей, мужеством и решительностью? Нет ли тут противоречия — как соединить лед и пламень? Я думаю, что дело в том, что круг сил, участвующих в работе центра безопасности, весьма широк. Мы должны взять человека во всем его многообразии. Во-первых, генный уровень, поскольку нарушения могут быть получены через наследование вредных генов от родителей. Во-вторых, уровень физиологии, где дисфункции могут быть результатом воздействия неблагоприятных факторов внешней среды. В-третьих, психический мир человека в его сознательной и подсознательной сферах. Какие-либо непродуманные, несправедливые, агрессивные поступки могут нанести вред как непосредственно телу, так и механизму охраны, а в подсознательной сфере может действовать стремление разрушить тело. В-четвертых, энергетический уровень, куда, очевидно, войдет карма, а также воздействие различных излучений, космических и земных, как естественных, так и искусственных, например, промышленных, которые я ранее причислил к малосознательным силам. Наконец, духовный элемент, включающий особые отношения (то есть веры) человека с Творцом и духовными субстанциями. Человек состоит из множества компонентов. Все связано меж собой, и один элемент переходит в другой, и на каждом уровне свои системы ценностей и свои методы. Вот почему в борьбе с внешними обстоятельствами, внутренними слабостями, дурными наклонностями и на энергетическом уровне нужны решительность и воля, а при общении с Богом — другие качества и средства.

Таким образом, хиромантия, которой занимаюсь я, другая. Она не делает предсказаний, она анализирует признаки и составляет прогнозы, которые означают лишь приближение к вероятности. Многим она может не понравиться, поскольку не дает готовых указаний или рецептов. Она лишь высвечивает благоприятные или неблагоприятные состояния и в большинстве случаев ставит человека перед выбором, который он должен сделать самостоятельно. Она предполагает и побуждает человека к активному воздействию на судьбу. Она делает упор на творческом созидании жизни.

Хиромантия сложна, в ней много аспектов и проблем, описать которые можно лишь в толстом труде. И как нельзя стать врачом, читая медицинские журналы, так же и не следует ставить собственный диагноз по чужому отпечатку. Тем более по фотографии этого отпечатка. Еще раз прошу всех, кто нашел у себя секущий треугольник, внимательно прочесть текст под фотографиями. Кроме основного знака и ряда второстепенных признаков, нужен еще глаз профессионала, реагирующий на нужное, поэтому я советую тем, кто все-таки сомневается, обратиться к хироманту или прислать в редакцию отпечаток.

В заключение, как я обещал, предлагаю вашему вниманию несколько интересных случаев, рассказанных нашими читателями. Теперь, зная о центре безопасности, дистантных энергоинформационных обменах, вы сами сможете заключить, что стоит за этими странными историями.

Теперь о главном. В этом номере мы объявляем о начале эксперимента. Для участия в нем вам надо будет прислать в редакцию отпечатки обеих рук и первых фаланг всех десяти пальцев. Отпечаток каждой руки следует сделать на отдельном листе, на этом же листе, внизу, следует выполнить отпечатки пяти пальцев данной руки, поставить свою подпись и число. На оборотной стороне каждого листа напишите свою фамилию, имя и отчество, дату рождения. Там же укажите по каждой руке отдельно размер ногтей по параметрам: длинные, нормальные, короткие. Для того, чтобы определить, какие у вас ногти, разделите первую ногтевую фалангу пополам, глядя на нее чуть сбоку. Если ноготь больше половины, то он длинный, если меньше, то короткий, если посредине, то нормальный. Затем постарайтесь определить, к какой геометрической фигуре он тяготеет — к квадрату, овалу, прямоугольнику, треугольнику. Долго не рассматривайте, просто бросьте взгляд и пишите, что первым придет на ум. Затем укажите общий цвет ногтей по тонам: красный, розовый, медный, белый, голубой, коричневатый, зеленоватый, серый, темно-серый.

Как сделать отпечаток:

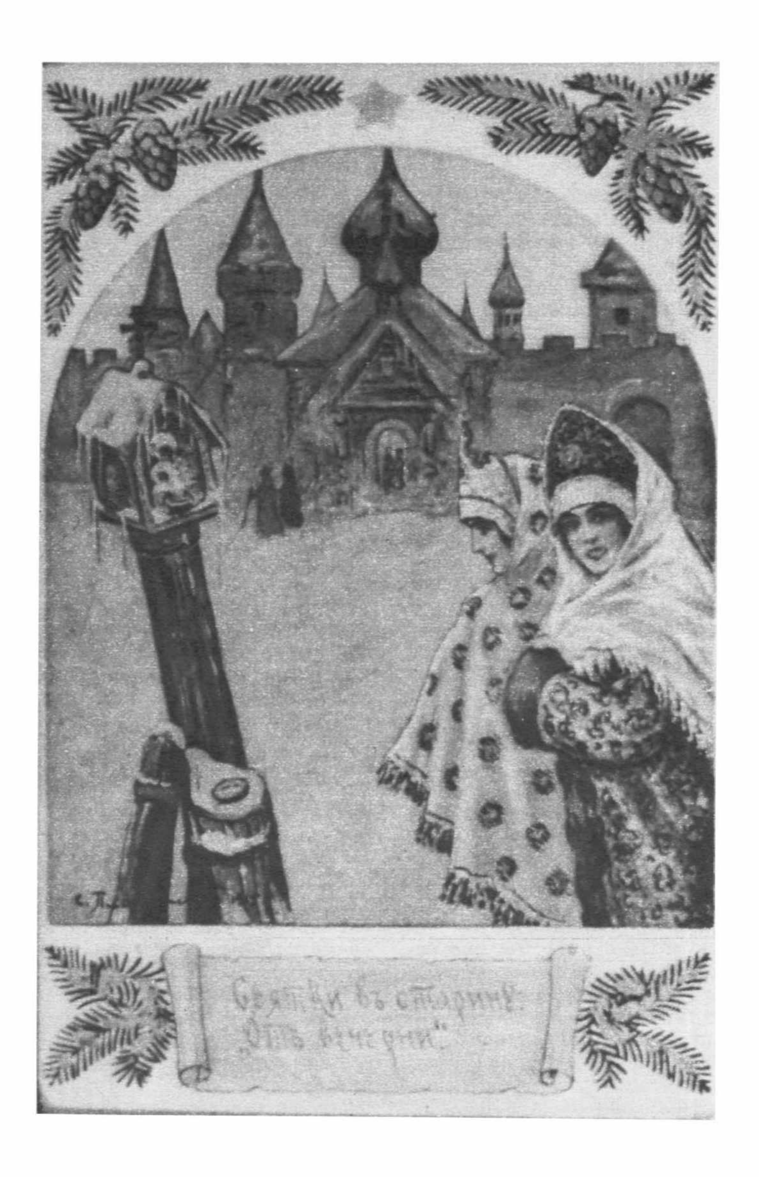
1. Выдавить немного специальной типографской краски на кусок стекла или оргалита.

2. Раскатать валиком (можно использовать валик для фотокарточек) равномерно, так, чтобы на валике образовался ровный тонкий слой краски.

3. Нанести краску на ладонь и пальцы, двигая валиком только в одном направлении. Либо снизу вверх, то есть от основания кисти к пальцам, либо, наоборот, от пальцев к кисти.

4. Затем сесть и плотно и твердо опустить ладонь на заранее приготовленный лист бумаги, под который подложена ровная ткань или мягкая резина. Другой рукой сильно прижать пальцы, особенно у основания, надавить на кисть так, чтобы центр ладони вошел в достаточный контакт с бумагой.

5. Придерживая бумагу, плавно отвести ладонь и пальцы.

6. Проверить качество отпечатка. При образовании пустот, деформаций переделать.

Для эксперимента я отберу сто наиболее качественных отпечатков.

Все эти отпечатки будут проанализированы. Анализ и прогноз будут высланы владельцам. Через полгода просим прислать в редакцию небольшую информацию о совпадении или несовпадении прогнозируемых событий с реальными.

■

Пишет вам письмо особо опасный рецидивист из колонии особого режима. Пишу впервые, хотя ваш журнал выписываю с 1978 года. Решение написать вам пришло после прочтения двух ваших публикаций, а именно «Знак судьбы» (№ 37) и «По ту сторону случайной смерти» (№ 41). Хочу рассказать очень интересный случай из своей жизни. В 1977 году ехал я на мотоцикле «Ява» со своей станции в г. Набережные Челны. По дороге меня остановил один цыган. Попросил подвезти. Километров через 20 мы догнали табор, и, видимо, в благодарность цыган попросил очень старую цыганку погадать.

Цыганка очень долго рассматривала то левую, то правую ладонь, вытащила мундштук изо рта и, внимательно на меня посмотрев, очень серьезно спросила: «Ты хочешь знать, что тебя ждет, если даже мало хорошего?» Я сказал, что хочу, хотя и не верил ей ни на грамм. Хотя мне было всего 18 лет, я был женат и у меня был сын, но цыганка об этом знать не могла. И вот она говорит, а сама все на ладони смотрит: «Первое — ты потеряешь жену и сына, потом ты долго не будешь принадлежать сам себе, тюрьма стоит у тебя на дороге, виновата в этом женщина-колдунья, и беды кончатся только после ее смерти. Смерть наступит в 50 лет от ножа в самом расцвете твоего счастья». И попросила, чтоб я вышел. Когда я дошел до мотоцикла, меня догнал тот цыган и говорит, что старуха удивилась, как ясно расписана у меня жизнь на ладони и что так бывает очень редко.

В конце 1978 года развелись с женой, в марте 1979 года посадили, и с тех пор я очень редко бываю на свободе, а до 50 лет еще надо дожить.

А. Га-ев

■

Я почему-то всегда верила в возможность предсказаний будущих событий, хотя никогда особо не интересовалась исследованиями на эту тему. По своей руке я, конечно, ничего разобрать не смогла, как ни сравнивала с фотографиями. Но в моей жизни были два случая, которые мне кажутся странными (хотя, может быть, только мне). Вы это назвали «механизмом охраны». Может быть, вас это заинтересует. Итак, первый. В 1976 году осенью я собиралась поехать с группой начинающих альпинистов в горы на тренировочные сборы. Поезд уходил вечером, а с утра мне надо было пересдать «хвост» (несданный экзамен), который висел на мне с весенней сессии. Договорилась с преподавателем, сомнений, что сдам, не было. Но утром я не смогла проснуться вовремя. Это было не простое просыпание, когда вскакиваешь, а времени уже много. Я слышала будильник, понимала, что нужно встать. И не могла, именно не могла, а не не хотела. Было состояние, будто с вечера выпила большую дозу снотворного. Часа через три отчаянной борьбы с самой собой удалось встать, доехать до института. Но преподаватель уже, естественно, ушел. Экзамен сдать не удалось. Пришлось снова договариваться на другой день, группа уехала без меня. Они попали под обвал, в совершенно до этого безопасном месте, в живых не осталось никого.

Второй случай был в феврале 1978 года (или 1979 года, не могу точно вспомнить). Я летела из Ленинграда в Ригу, приехала довольно рано, зарегистрировала одной из первых билет. И тут мне сильно захотелось выпить кофе. Я абсолютно равнодушна к этому напитку, никогда ни до, ни после этого случая такого сильного желания выпить именно кофе не было. Пока пила кофе, разговорилась с ребятами за столиком, у них откладывали рейс. И у меня совершенно вылетело из головы, что зарегистрирован билет, что вот-вот объявят посадку в самолет. А в кафе и в ресторане не слышны объявления. В общем, я болтала с ними, пока не закончилась посадка. Когда спохватилась, меня уже никуда не пустили. Причем было такое ощущение, что я не вспомнила, что опаздываю на посадку, а включился какой-то кусок памяти, который был как будто отключен. Самолет упал почти сразу после взлета. Погибло и тяжело пострадало несколько человек, которые сидели в хвосте самолета, где и я должна была сидеть. Может, это и вправду невероятные совпадения, потому что никаких предчувствий у меня не было, не ехать и не лететь мне не хотелось, наоборот, я очень переживала, что не поеду в горы, мне очень хотелось.

Г. А-ва

■

Уважаемая редакция! Я не очень-то верю в предсказания, но если рисунки на моих руках заинтересуют, то я буду рад.

Я постарался вспомнить все, что может заинтересовать Финогеева.

1956 г.р. Родился мертвым, «выдерживали» в камере (не знаю, как называется), ожил. В 1959-м сильно ударился головой об топор. Шрам на переносице до сих пор. В 1964—1965-м в сильную пургу возвращался из школы. Чуть не замерз. Нашел и спас матрос береговой артиллерии. В 1967-м и 1975-м были сильнейшие приступы ревматизма. В сентябре 1977-го во время срочной службы стоял на посту. Почти беспричинно появилось чувство страха. (Я услышал легкий шум за забором, причем шум был кратковременный — чуть скрипнуло, и все.) Вызвал наряд, а сам изготовился к бою, сколь смог, замаскировался. Наряд задержал двоих осужденных, которые хотели убить часового (меня), захватить оружие и бежать. До этого и после такого страха не было, наряд не вызывал. Первый случай за 2 года. (Попыток побега тоже не было.)

Во время службы в милиции заметил, что при вызовах одновременных выезжаю на более серьезный, хотя заранее узнать невозможно. Последний пример: сработало 2 объекта — касса магазина и периметр кафе. Касса главнее. Я принял решение осмотреть кафе. Задержал преступника. Касса — ложная тревога.

В октябре 1990 года нес службу один на загородном посту. Второй раз в жизни (и опять беспричинно) испытал сильный страх. Выключил свет в помещении, изготовил оружие к бою, принял другие меры к обороне, затем проверил окрестности. Нашел свежие человеческие следы. Человек от встречи со мной уклонился. Причины страха не знаю. Намерений человека тоже.

Вот вроде и все.

Ар. Х-ов

■

Могу с уверенностью рекомендовать себя как «экспонат», подтверждающий удивительную науку — хиромантию. Сейчас мне 81 год. Мне было 28 лет, когда по моей ладони рассказали не только всю мою прошлую жизнь, но и мой характер, образ мысли и всю последующую жизнь. Так я живу «по нотам».

Это была пожилая женщина, интеллигентка, увлекшаяся той наукой с юношеских лет, изучившая хиромантию по книге «От Вавилонии до наших дней», книге, как она сказала, которая существует лишь в двух экземплярах — в Ленинской библиотеке и у одного ее знакомого, который и дал ей эту книгу для изучения. Звали эту женщину Варварой Антоновной. Она сказала мне, что моя ладонь — явление редкое, что, читая по ней в течение одного часа 40 минут, она могла бы читать по ней еще и еще, что для нее это интереснейшая книга. Она мне говорила о том, во что мне было невозможно поверить. На день нашей с ней встречи положение мое было критическим, безнадежным, я не видела выхода и впадала в отчаяние. Шел 1938 год, все мои родные были репрессированы и пропали без вести. Меня, инженера-геолога, никуда не принимали. Муж был также безработным. И в эти самые черные дни моей жизни Варвара Антоновна говорит мне, что моя жизнь пойдет на возвышение, что меня будут любить и уважать и с моим мнением будут считаться. Это ее подлинные слова. И что вся моя судьба так построена: одной рукой она дает, другой — отнимает. Все так и было. Я получаю должность в Издательстве иностранной литературы научного редактора в редакции геологии, через 8 месяцев умирает муж. И это было предсказано Варварой Антоновной. «Ваши таланты не будут зарыты в землю,— говорила она,— они проявятся». «Как?!» — спрашивала я, и она отвечала: «Я не знаю. Я не гадалка». И мой талант проявился: я написала книгу о своей жизни, и говорят, что талантливо. Говорят, что нельзя оторваться. Обещают напечатать, но нет бумаги. Отрывок взят из этой рукописи и напечатан в сборнике «Доднесь тяготеет» (название моей рукописи, вынесенное на титульный лист сборника).

И еще сказала мне тогда, когда мне было 28 лет, что я долго, очень долго буду выглядеть моложе своих лет. И это исполнилось. Никогда мне не давали мои года. Даже сейчас, когда мне 81 год. Она сказала, что умру я между 83 и 87 годами, но что до последних лет я буду сама себя обслуживать. И теперь эта ее фраза дает мне силы жить: три года назад внезапно я ослепла. Но еще могла читать через лупу. Увы! Это продолжалось недолго. Дистрофия сетчатки, кровоизлияние, отек (непроницаемая жидкость, не поддающаяся лечению). Один глаз не видит совсем, другой — только копериферическое зрение, но все в густом тумане. На этом как будто остановилось. Перенесла две операции на обоих глазах... И все помню, помню, помню слова Варвары Антоновны, что до последних дней я буду сама себя обслуживать. Пишу я почти «наизусть», чуть-чуть виднеются строчки, по их черноте ориентируюсь. На машинке печатает моя попечительница, которая живет со мной, мой друг и прекрасный человек. Она-то вот и прочла все в «Огоньке» и многое другое.

С глубоким уважением

Вероника 3-ая

ЛЕС ЧУДЕС

А. Коковкин.

...Франсуа ведет меня по узким тропкам от одного золотистого дерева к другому. Кленовые листья обвивают тонкие стволы с двурогими фонариками. Мерцают синие огни в беломраморных колоннах. Поют, пересвистываются, замысловато щелкают невидимые птицы. Белые складки классического занавеса источают прохладу в конце пути. Это золотисто-бело-зеленое пространство заманивает в тесное дружество искусства. Таков замысел создателей международной выставки художников-иллюстраторов в Центральном Доме художника. Французы назвали ее «Лес чудес».

Кто в гостях? Франсуа Моран, это хрупкое олицетворение Франции, в шарфе, кажется, клетчатом, переброшенном через плечо? Скорее я в гостях у парижского издательства Байар-пресс — там придумали игру-праздник, вмонтировали работы — и советских художников в том числе — в стволы-торшеры и привезли готовую экспозицию из Парижа. Поставили в «пеньки» на легкий подиум — прогуливайся, наслаждайся, если хочешь. А мы придирчиво всматриваемся в рисунки шестидесяти одного художника, из коих около сорока — наши.

Своих я вижу сразу. На первом плане — завораживающий пейзаж Николая Устинова, ночной, российский, с водной ширью, лунным светом. Рисунки Льва Токмакова — они, как всегда, вовлекают ребенка, да и нас, грешных взрослых, в творческую игру. Виртуозные композиции Сергея Коваленкова на темы сказок Иманта Зиедониса зовут вглядеться. А сколько здесь любимых ленинградцев, корифеев северного Детлита, независимых, смелых в обращении с листом бумаги! У них традиция, школа. Диапазон показа москвичей пошире — вижу работы художников не только «Детской литературы» и «Малыша», но и издательств «Книга», «Художественная литература» — среднее и молодое поколение «взрослых» виртуозов метафорической иллюстрации. Жаль, что нет Мавриной, Митурича, Диодорова, да и других — хороших, детских, они внесли бы иные краски.

«Ну, а вам, Франсуа, как наши?» — Он отвечает гортанно, на хорошем русском: «Многие, очень многие нравятся».— «А все-таки?» — «Александр Флоренский».— Мы сразу сходимся. Оба с жаром: «Да, да, конечно. Тот, что из ленинградских «митьков». Свободен, современен». «Национален»,— добавляет Франсуа.— Фиолетовые елки и волк, и белое пятно луны — все на черном — непринужденность примитива в рисунке и артистичная изощренность колорита.— «Ну, а кто еще?» — «Леонид Тишков. Он смело выражает свои чувства и свое отношение. Свободный человек! «Война с саламандрами» — точное изображение современного общества».— «А еще?» — «Лена Трофимова. Пространство в ее рисунках поражает».— «Это Аксаков. «Семейная хроника».— «Такое пространство у нас, французов, невозможно. Это от ваших просторов. Оно огромно, втягивает в себя, растворяет. Но я заметил, что в таких иллюстрациях человек мал, одинок. Даже в картинках для самых маленьких. У нас так не бывает».— «А что у вас?» — «Мир нашей иллюстрации уютен, прост, доступен. Он предназначен успокаивать ребенка, снимать страх. У наших французских мышек в подземелье так же, как у людей,— их повседневность ребенку знакома, ничего искусственного, неожиданного. В комиксах страх побеждается юмором».— «То есть у вас даже для подростков — традиционный реализм, ясная предметность?» — «Как в жизни или как в кино».— «А наши, советские художники предлагают вам посложнее, помудренее — метафоры, ассоциации, даже мистику. Примете?» — «Думаю, примем. В Байар-пресс — а это одно из самых крупных во Франции детских журнальных объединений — работают в 14 журналах мастера из разных стран. Наша задача — давать художественную иллюстрацию читателю. А художественность — ваша традиция».— «Не потому ли французский «Лес чудес» появился на российской почве?» — «Русские художники когда-то, в начале века, привезли во Францию «душу России». Так у нас говорят. Тогда нас покорило ваше искусство. Теперь знакомимся заново».

Лидия КУДРЯВЦЕВА

А. Геннадиев.

А. Райхштейн.

Н. Попов.

ОВЕН

20 МАРТА — 20 АПРЕЛЯ
(Смех и слезы)

Натерпелся барашек! Удары года Лошади сменяются другими проблемами. Напряжение с начальством и родителями, особенно с мая 1991 по февраль 1992 года. Проверка на прочность. Но не впадайте в отчаяние! Не пускайтесь в крайности: цель не оправдывает средств. Не все можно оправдать высокими мотивами.

Маленький Овен! Удача по многим направлениям жизни отметит тебя в год Овцы. Любовь, развлечения, выигрыши, счастье в творчестве, рождение детей или радость в них осветят твою жизнь и дела до сентября, но наиболее удачное время — до мая. С осени работа, работа и работа. В феврале друзья неожиданно протянут тебе руку помощи — тебя ждут внимание, уважение и признание. Новые планы и перспективы будут возникать, словно ниоткуда,— проверяй их на прочность! Поездки, путешествия, а возможно, и вообще переезд изменят жизнь, поставив ее на рельсы далекого будущего. Два с половиной года дадут тебе внутренний стержень, упорство и уверенность в себе. А в таких разнообразных и порой неожиданных поворотах судьбы, которые ждут тебя — от большого счастья до большого несчастья,— стойкость, твердость и сила духа просто необходимы. Это редкое качество Судьба дарит тебе теперь, воспользуйся им и извлеки уроки.

Не лучшее время для путешествий апрель и май. В июне — июле лучше не быть у воды. В сентябре не избежать семейных скандалов и споров с друзьями. Болят печень, почки и суставы. Беспокоят ноги.

Не хороните его! Пройдет лет пять, и Овен еще покажет всем, кто первый!

ТЕЛЕЦ

20 АПРЕЛЯ — 20 МАЯ
(Бык в ударе)

Как дела на семейном фронте, Тельцы? Вас волнуют проблемы дома, матери, детей. Начальство давит. Конфликты со старшими родственниками. Что ж, когда-то в жизни приходится делать выбор. Время пришло! Вас ждут переосмысление событий жизни, перемены и дальние перспективы. Глобальная переоценка ценностей. Удался или не удался проект спасения Мира, вы узнаете чуть позже, а сейчас загляните глубоко в души ваших родственников, братьев, сестер. Быть может, им вы нужны больше?

До марта остро стоят проблемы дома. В конце марта получите неожиданную поддержку и укрепление в любви и детях. Активно принимайтесь за дела осенью, у вас будет много хорошей работы, прочного заработка. Но сохраняется проблема дома и семьи. Стойте прочно на земле — это качество присуще вам. Вы будете ограничены в свободе, но свободны в работе и семье. Неплохо бы показаться врачу. До сентября вас ждет большая потеря сил, особенно в июне и июле. Вторая половина октября и ноября принесут обострение болезней, ссоры, споры и конфликты. Не повторяйте прошлых ошибок! Медленно, очень медленно вы будете взбираться вверх по финансовой лестнице до года Обезьяны. Осенью вас ждет удача в творчестве. Если вдруг летом окажется, что вы потеряли веру в авторитеты и не видите цели, не гонитесь за химерами.

В любви, детях, игре, авантюризме (правда, трезвом) вы реалист — и осенью — зимой вам представится блестящий шанс показать всем, как вы бываете правы. А равных вам в работе, выносливости и терпении нет.

БЛИЗНЕЦЫ

21 МАЯ — 20 ИЮНЯ
(То взлет, то посадка)

С февраля по апрель вы развиваете невероятную активность: дальние дороги, друзья, конкретные планы в любви и творчестве вам помогут осуществить родственники. Правда, торможение планов идет подспудно, исподтишка — и нет виновных. И как бы закон не стал вашим противником до мая. С мая не пытайтесь добиться чего-либо, идя на любые уловки, все равно не поможет. Только испортите репутацию и здоровье. Могут быть неожиданно болезнь крови и нервный срыв в июне и декабре. Огромное значение матери. Возможность эмиграции. Апрель удачен для путешествий, кроме 20-х чисел и до середины мая.

Сентябрь также подарит неожиданные путешествия и развлечения. Главное — не увлекаться до глубокой осени, иначе останетесь без работы и дома. С октября ваша любовь, брак и творчество получат как бы второе рождение, но на другой прочной основе.

Побольше внимания уделяйте детям. Это вселит в вашу душу гармонию и уверенность, а также укрепит тылы. Помните: ваш дом — ваша крепость.

РАК

21 ИЮНЯ — 22 ИЮЛЯ
(Проблемы прошлого тянут назад)

Рак в год Овцы будет питаться плодами прошлого: все, что посеял плохого и хорошего, пожнет теперь. Даже любовь, творчество и дети — все удивительным образом будет замыкаться на старых проблемах, хотя хочется свободы в этом году остро как никогда. Не горячитесь. Это может привести к краху. Теперь вас ограничат в свободной любви. Наступает время нравственности и брака. Зато вас ждут финансовые успехи, приобретения, а осенью контракты и помощь сослуживцев. Любовь и помощь родственников вам обеспечены.

Бедные Раки! Иногда вам с трудом придется искать понимания окружающих. Мало ударов в январе, апрель принесет раздражение, взвинченность и капризы.

Пощадите близких — ведь они, а никто другой, помогут вам. Конец июня может перекрыть все ваши планы на будущее, июль же сразит невесть откуда взявшимися людьми и проблемами прошлого. Не отравитесь! Бойтесь воды и высоты. Берегите зубы. Не перегружайтесь, больше всего могут пострадать сердце, зрение и нервная система. Не вступайте в конфликт с властями — это ни к чему хорошему не приведет, только лишит вас терпения.

Конец сентября, октябрь, ноябрь принесут вам поддержку и успокоение. Но не обольщайтесь. Несмотря на то, что все считают вас идеалистом, вы трезвый реалист. И то, что у других потрачено давно, у вас припасено на «черный день». Жаль, если он наступит в январе 1992 года или летом 1991-го. Будьте внимательны. Контролируйте ситуации, будьте экономны. И тот, кто сейчас ругает вас за жадность, будет благодарен потом.

Проверяйте все на прочность. Не пускайтесь в авантюры. В конце концов и золотые яблоки кто-то сажает и выращивает.

ЛЕВ

23 ИЮЛЯ — 22 АВГУСТА
(Блистая, не впадай в амбиции, иначе получишь шипы в хвост и бунт подчиненных)

Разве можно желать лучшего, чем время до марта? Все любили, обожали еще с августа прошлого года. Но, дай Бог памяти, где я сделал ошибку, зарвался, был не прав или груб?

Все познается в сравнении. Вы чувствуете некоторое охлаждение с вашим партнером и окружающими. И хотя дела, казалось бы, идут блестяще до сентября, но с марта вы уже ходите по тонкому канату. Как важно не впасть в амбиции, не противопоставить себя обществу, не рваться грубо к власти, иначе — обрыв, пропасть, падение. Ваш авторитет может подвергнуться осмеянию в июле и ноябре. Многие отвернутся от вас, но знайте, что это к лучшему: главное, что вы проверите истинных друзей. Все лишнее уйдет, и даже брак претерпит изменения.

Постарайтесь найти золотую середину и с деловыми партнерами: ведь с осени — это главная сила, которая поддержит вас в вопросах финансового порядка.

До мая вам будет удаваться все, но с мая по январь 1992 года не спешите вступать в новые любовные приключения — иначе этот поток смоет вас. И вам будет обеспечено не только катастрофическое падение со всех высот, но и неприличная болезнь, наговоры и осуждение.

Радует финансовая удача. Займитесь новым делом — и два года проблем пролетят незаметно. Уже в конце 1992 года вы почувствуете облегчение.

ДЕВА

23 АВГУСТА — 22 СЕНТЯБРЯ
(Терпение и труд все перетрут)

Если время до осени не ее — это еще не значит, что она не будет активно планировать будущее. В стратегии и тактике она сильна. Ее метод учитывать все мелочи даст первые полезные всходы в конце марта, вторые — в мае, а основные — осенью: цыплят по осени считают! До марта Деву могут ждать кражи, обманы, предательство начальства, а в доме — проблемы семьи. Ей не добиться до осени успеха на работе. Все усилия уходят «в песок», но если она будет много честно и добросовестно трудиться, то осенью ее заметят, выдвинут, поставят всем в пример — она соберет богатый урожай удачи. Творчество, научная деятельность, медицина — все будет подвластно ей.

Не стоит в этом году забывать о диете, придется ограничить себя и придержать деньги.

Только не заморите себя и родственников голодом! Ваша экономность известна всем, и головные боли бывают у вас именно от голода.

Февраль — март — время ударов и неприятностей. Апрель удачен для работы, но не отправляйтесь в командировки в конце месяца и начале мая — это опасно. Летом лучше затаиться и ждать, но уже с середины августа начинайте активно действовать. Ваше время пришло. Так, копейка к копейке, Дева придет к году Обезьяны и получит свое.

ВЕСЫ

23 СЕНТЯБРЯ — 22 ОКТЯБРЯ
(Жаль, что кончается праздник и наступают будни)

У вас будет много новых друзей и знакомых. Вам обеспечены протекция, покровители. Желанное укрепление в любви и прочное положение в обществе, которое вы выбрали. Друзья решают все! Вам остается лишь улыбаться. Но будьте осторожны: на смену временным домашним неприятностям может прийти глобальная перемена жизни. Если вы до октября не сохраните выдержку и не позаботитесь о прояснении отношений с окружающими, вас ждут разрыв и потеря семьи. Правда, на смену старой ране придут новые увлечения (как бы они не стали причиной краха!) и новые прочные творческие планы. Попытайтесь сохранить золотую середину, ведь в год Лошади было труднее.

Осенью вас ждет испытание «на прочность». Терпите! Начальство признает вас потом, но все решается в этом году, в этой «мельнице», хаосе и суете событий. Для вас это год свободного выбора. Вы перед дилеммой: или — или. Укрепление отношений с детьми. Игра случая и Фортуны — таков ваш год. Апрель и май принесут слезы, нервные срывы, раздражение и домашние проблемы. Июнь вас порадует до 22-го. Июль не лучший месяц для морских путешествий и походов в горы. Сентябрь успокоит. Декабрь принесет неожиданный поворот событий. Не теряйте головы: что удачно в декабре, может быть трагично в январе.

У вас проблемы с домом, матерью, желудком, сосудами. Кровь и диета определят ваше состояние. Пейте травы. Берегите почки.

Жаль, что зимний и весенний бал окажется осенними буднями.

СКОРПИОН

23 ОКТЯБРЯ — 21 НОЯБРЯ
(Не все то золото, что блестит)

Праздник вокруг. Все это вас волнует, и вам хочется тоже на карнавал. Но этот карнавал не для вас. Только попробуйте сунуть ногу — он размелет вас в жерновах. Вам в обществе не будет места, оно вас не захочет принять. Отец и мать, дом и нарекания начальства — вот пропеллер, запущенный для вас. Заботьтесь о родителях — здесь ваше место. Послушание и диктат начальства испытают ваше терпение, и вы выпьете по капле до дна реку ваших увлечений и удовольствий осени — зимы 1991-го и весны 1992-го. Роман, начавшийся в августе с идеалом, в феврале закончится с безобразным уродом.

Вам не занимать силы воли. Аскеза и чистота. Если вы были честны, невидимая сила поддержит вас с марта, а если нет, то болезни и хандра обрушатся на вас градом камней. Но не отчаивайтесь! Параллельно в вашей жизни начнутся глобальные перемены. Дальние дороги, новые планы и неожиданные перспективы встанут перед вами. Все рассыпается и созидается одновременно. Катарсис и внутренняя свобода — ваше нормальное состояние. Сентябрь принесет укрепление, помощь друзей и родственников, начало реализации новых перспектив. Но остаются проблемы дома, родителей. Удары и удачи идут параллельно. Особенно удачны октябрь и ноябрь.

Скорпиону нужно беречь горло и кровь, заботиться о питании. Лихорадки, жар, холод и внезапные спазмы сосудов, особенно в июне. Опасайтесь насилия в июне и операций на половых органах весной. О творчестве можно сказать: что не получалось сейчас, выйдет в следующем году. В основном это успех в финансовом плане. Вы можете проявить себя как асоциальная личность.

До сентября — удары по работе. Конфликты с начальством. В сентябре — удачи и новые перспективы.

СТРЕЛЕЦ

22 НОЯБРЯ — 20 ДЕКАБРЯ
(Скачки с препятствиями)

Казалось бы, все хорошо. Все удается. Новая работа, планы, поездки, авантюры, любовь. Но до конца вес-

ны вас преследуют наговоры, сплетни, слухи. Большую досаду принесет и начальство, тормозя и откладывая все планы и проекты.

Вы находитесь до лета в подавленном состоянии, что-то постоянно тяготит вас. Жар, холод и сухость внезапно охватывают все тело. Обострение болезни печени, поджелудочной железы, горла.

Зато с марта приходит прочное положение, новые планы и друзья. Протекции, поездки или далекий переезд. Летом существует опасность отравлений, болезни крови.

Осенью возникнет семейная проблема и новые планы в любви. Играйте в удачу! Вы азартный человек, но помните, что не все пути широко открыты. Для вас много барьеров. Впрочем, при известном упорстве и решительности, если не хвататься за все сразу, можно многого добиться.

Удачное время — февраль, если не проявлять раздражение. Июнь может дать широкое поле деятельности. Август принесет новый поворот жизни. Опасность острых заболеваний с февраля по апрель.

КОЗЕРОГ

21 ДЕКАБРЯ — 19 ЯНВАРЯ
(Феникс возрождается из пепла)

Все сгорело. Все планы и проекты уничтожены во второй половине года Лошади. Видно, вы хотели слишком многого. Что ж, это будет вам хорошим уроком на будущее.

Теперь с трудом вы взбираетесь по склону новых планов и проектов, но много срывов и кардинальных перемен в жизни. Вы привыкли все тщательно планировать, но сложно, когда все так не продумано и в работе, и в личной жизни, даже с друзьями. Вас может ждать потеря состояния еще до лета. Ваш авторитет, тайные враги и уколы из-за спины приносят мало радости. Январь и июль приведут вас в глубокое смятение, возможно, вы заболеете или вам придется сменить место жительства. А перемены в работе практически неизбежны. Бойтесь ограничения свободы или больницы. К лету вы захотите взять реванш, тем более что осенью Юпитер снова светит вам.

Не советую «рвать когти», так как то, чего вы добьетесь с мая по январь, может превратить вас в личность Вельзевула. Если намерения ваши чисты, вы добиваетесь успеха честно, не «идя по головам», что бывает свойственно Козерогам, и вашим девизом не является: «Цель оправдывает средства» — тогда невидимая сила укрепит ваши отношения с людьми и в следующем году вас ждет огромный успех. Будьте честны! Козерогу везет с осени. Но в браке проблемы. Деньги потекут к вам в руки. Поездки принесут успех. Только ломит кости. Проявляется старая хроника. Зубы в опасности.

Помните! У Козерога вертикальное преображение: вверх или вниз — служение дьяволу или путь к свету. Третьего не дано.

Лучшее время: возможно, август, конец октября — ноябрь, декабрь, январь.

ВОДОЛЕЙ

20 ЯНВАРЯ — 17 ФЕВРАЛЯ
(Знаете, почему я люблю большие компании? Чтобы оставаться там в одиночестве)

Вы не найдете себе места в социальной жизни. Общество не примет вас, и вы будете все время выражать свой протест против существующих порядков. В этом году вы всем покажете, что вы анархист, бунтарь, свободная личность — и никто не вправе управлять вами и подавить вашу внутреннюю свободу. А, лети все к чертовой матери! — и взапуски вы отправитесь по стране. Что ж, до апреля и немного в мае вам будет легко. Лето же приведет вас в полное смятение.

Осень резко переменит все ваши планы. Авторитет ваш будет страдать. Новые любовные и дружеские связи часто будут рушиться, как карточный домик. Строгость и холод этого периода вас ошеломят. Есть один выход: уединиться. В лесу, на природе, в горах, в работе один или с очень верным любимым и другом вы найдете счастье. Займитесь хозяйством, землей, посвятите себя упорной работе и проведите внутреннюю инвентаризацию. Друзья оставят вас. Вы почувствуете пустоту вокруг. Это к лучшему. Все ненужное уйдет, но глубокие внутренние ценности останутся. Произойдет переоценка их. Вы приобретете новый внутренний стержень и будете потом благодарны Судьбе за все уроки, которые она подарила вам.

Удачным будет февраль: вы отстоите себя во всех ситуациях. Неплохая первая половина марта. Июнь выбьет из колеи. В июле возможны болезни и круговорот проблем. В октябре вы получите неожиданную защиту, если намерения ваши чисты. Время декабря прекрасно для поездок и реализации планов.

Болезни глаз и сосудов. Бракоразводные процессы. Вы можете остаться без денег. Обманы друзей. Опасность в поездках летом.

РЫБЫ

18 ФЕВРАЛЯ — 19 МАРТА
(Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой)

Как вам нравятся эти амплитуды? Успех и падение, любовь и ненависть, радость и потрясения. Как только Судьба не потреплет вас в Океане Жизни. Но работа, работа, работа — иначе вы просто заболеете от этих нервных срывов и амплитуд Судьбы, а осень просто принесет вам мощную оппозицию. Не теряйте головы. Вас обожают, но это может кончиться внезапным осуждением. Будьте начеку. Вам незачем давать повод для друзей и врагов. Брак может быть также расторгнут. Что ж, Провидение спасет от лживых отношений. Не отчаивайтесь! Ведь вы умеете принимать жизнь такой, какова она есть, довольствоваться малым и из всего извлекать уроки. «Если Золушка не нашла своего принца, она продолжает работать». Когда-то придет и ваш бал. Друзья продолжают вас поддерживать. Планы и проекты осуществляются.

Кажется фантастикой, что при всех жизненных трудностях, да еще и опасности больницы, у вас все дела идут как надо. Друзья и покровители близки к идеалу. Правда, летом и во второй половине года вас может посетить новое увлечение и обольщение. Брак может распасться — храните чистоту, если вы им дорожите. Лучшее время — февраль, апрель — май, ноябрь, январь 1992 года, август — время болезни.

У вас появится в этом году ощущение одиночества и самоограничения. Неврозы, болезнь крови и ног. Захочется уединиться, как говорится, уйти в монастырь. Превратите эту сосущую душу тоску во внутреннюю концентрацию, милосердие, поиски смысла жизни. Служение Миру, общественная деятельность, иначе вас может ждать не только осуждение, но и судебный процесс. Одно радует: все происходящее к лучшему! Вас ждут новые контракты и короткие поездки, закладка камней будущего и переосмысление прошлого.

1991 — ГОД ОВЦЫ

	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ
пн.	7 14 21 28	4 11 18 25
вт.	1 8 15 22 29	5 12 19 26
ср.	2 9 16 23 30	6 13 20 27
чт.	3 10 17 24 31	7 14 21 28
пт.	4 11 18 25	1 8 15 22
сб.	5 12 19 26	2 9 16 23
вс.	6 13 20 27	3 10 17 24

	МАРТ	АПРЕЛЬ
пн.	4 11 18 25	1 8 15 22 29
вт.	5 12 19 26	2 9 16 23 30
ср.	6 13 20 27	3 10 17 24
чт.	7 14 21 28	4 11 18 25
пт.	1 8 15 22 29	5 12 19 26
сб.	2 9 16 23 30	6 13 20 27
вс.	3 10 17 24 31	7 14 21 28

	МАЙ	ИЮНЬ
пн.	6 13 20 27	3 10 17 24
вт.	7 14 21 28	4 11 18 25
ср.	1 8 15 22 29	5 12 19 26
чт.	2 9 16 23 30	6 13 20 27
пт.	3 10 17 24 31	7 14 21 28
сб.	4 11 18 25	1 8 15 22 29
вс.	5 12 19 26	2 9 16 23 30

	ИЮЛЬ	АВГУСТ
пн.	1 8 15 22 29	5 12 19 26
вт.	2 9 16 23 30	6 13 20 27
ср.	3 10 17 24 31	7 14 21 28
чт.	4 11 18 25	1 8 15 22 29
пт.	5 12 19 26	2 9 16 23 30
сб.	6 13 20 27	3 10 17 24 31
вс.	7 14 21 28	4 11 18 25

	СЕНТЯБРЬ	ОКТЯБРЬ
пн.	2 9 16 23 30	7 14 21 28
вт.	3 10 17 24	1 8 15 22 29
ср.	4 11 18 25	2 9 16 23 30
чт.	5 12 19 26	3 10 17 24 31
пт.	6 13 20 27	4 11 18 25
сб.	7 14 21 28	5 12 19 26
вс.	1 8 15 22 29	6 13 20 27

	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
пн.	4 11 18 25	2 9 16 23 30
вт.	5 12 19 26	3 10 17 24 31
ср.	6 13 20 27	4 11 18 25
чт.	7 14 21 28	5 12 19 26
пт.	1 8 15 22 29	6 13 20 27
сб.	2 9 16 23 30	7 14 21 28
вс.	3 10 17 24	1 8 15 22 29

Прогноз на год составила Тамара ГЛОБА

Выпуск подготовили В. ГЛОТОВ, А. КОВАЛЕВ

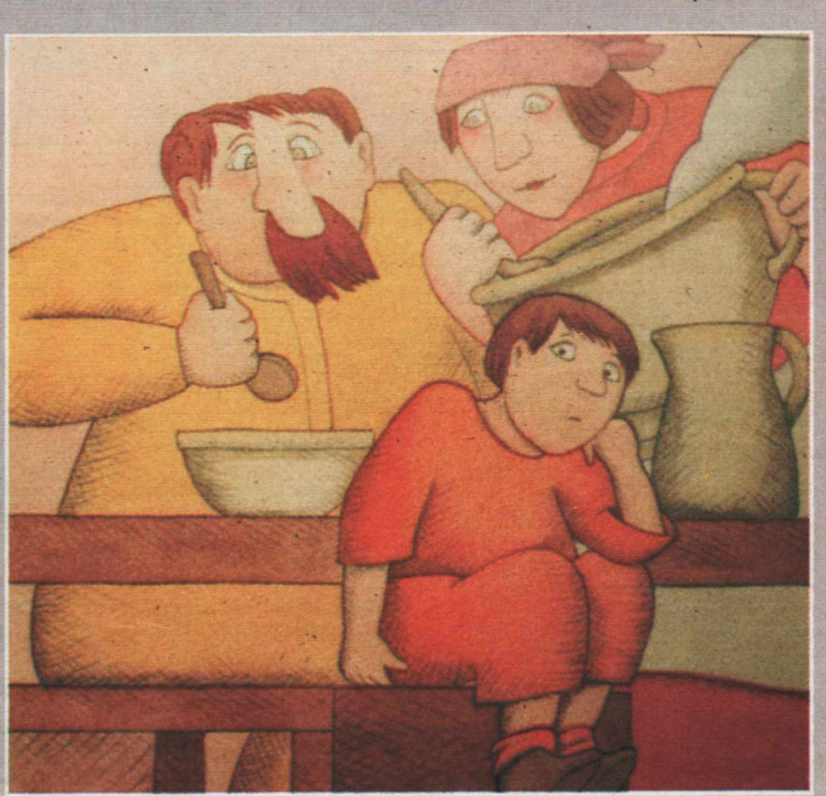

Экспозиция «Леса чудес».

Амамото Ясуюки.

Летиция Гали.

Вансель Улисес.

Ведет рубрику
Виталий ШЕНТАЛИНСКИЙ

Фото из следственного дела. 1934 г. Публикуется впервые.

УЛИЦА МАНДЕЛЬШТАМА

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Это какая улица?
Улица Мандельштама.
Что за фамилия чертова! —
Как ее ни вывертывай,
Криво звучит, а не прямо...

Изолировать, но сохранить — так решил судьбу Осипа Мандельштама его тезка Иосиф Сталин. Изолировал — и толкнул за смертную черту. Сохранило само время, читатель стихов, «поэта неведомый друг».

В январе 1991 года мир отмечает столетие со дня рождения Мандельштама. В нашей рубрике — новые материалы следственных дел поэта 1934 и 1938 годов,— которые впервые предстают перед читателем. До сих пор они были спрятаны за семью замками и печатями в архивах Лубянки, в папках «Совершенно секретно». Считаю необходимым поблагодарить сотрудников КГБ, и в первую очередь А. А. Краюшкина, которые помогли мне как представителю Всесоюзной комиссии по наследию репрессированных писателей СП СССР в работе над документами.

* * *

Сухомятная русская сказка —
деревянная ложка, ау!
Где вы, трое славных ребят
из железных ворот ГПУ?..

В ночь с 16 на 17 мая 1934 года трое сотрудников ОГПУ — Герасимов, Веринцев и Заблoвский — произвели «операцию» по московскому адресу Мандельштама — Нащокинский переулок, дом 5, квартира 26.

Сначала разберемся в дате ареста. Жена поэта, Надежда Яковлевна, в своих воспоминаниях указывает другую дату — ночь с 13 на 14 мая. В деле, во всех документах, зафиксировано только 16 мая. Само дело начато и фотография для него сделана 17 мая. Так что в дне ареста сомневаться не приходится. Ордер на «арест-обыск» был выдан 16 мая и подписан не Ягодой, как считала Надежда Яковлевна, а заместителем председателя ОГПУ Я. Аграновым (при беглом взгляде подпись «Я. Агранов» действительно можно принять за «Ягода»).

При обыске, кроме сотрудников ОГПУ, присутствовал, как полагается, и понятой — управдом Ильин. Забрали с собой «письма, записи с телефонами и адресами и рукописи на отдельных листах в количестве 48 листов». Розыск изъятых рукописей, проведенный в наши дни, не дал ничего, видимо, они были сожжены.

На Лубянке Мандельштам заполнил анкету. «Место службы или род занятий — *писатель*, профессия — *писатель*, социальное положение — *писатель*... Политическое прошлое — *ни в одной партии не состоял*».

* * *

Чтобы Пушкина чудный товар
не пошел по рукам дармоедов,
Грамотеет в шинелях с наганами
племя пушкиноведов...

18 мая оперуполномоченный 4-го отделения секретно-политического отдела Шиваров допросил Мандельштама. Шиваров Николай Христофорович — тот самый печально известный «Христофорыч с Лубянки», литературный «спец», он же вел дело Клюева, писал «заключение» на творчество Платонова и других писателей. Работал в органах до 1937 года, потом исчез.

Надежда Яковлевна предупреждает: «От оформления отказываться не собирались и упорно фиксировали весь бред на бумаге... Неужели они действительно считали, что потомки, разбирая архивы, будут так же слепо верить всему, как обезумевшие современники?»

Запомним эти слова как наказ. И, как саперы расставляют знаки «Заминировано», скажем себе: «Осторожно — ложь!». Если у самой Надежды Яковлевны, естественно, возможны просто ошибки памяти, то в деле ложь преднамеренная, рассчитанная, перемешанная для убедительности с правдой.

Протокол допроса начат 18 мая, а подписан лишь 19-го:

«Вопрос: Бывали ли за границей?

Ответ: Один раз был за границей — в Париже, в 1908 году, провел несколько месяцев. Это была поездка с образовательной целью — начал изучать французскую поэзию. Второй раз был в 1910 году в Гейдельберге, где учился в университете — всего один семестр. Третий раз — в 1911 году в Берлине и Швейцарии несколько недель и трехдневная поездка в Италию[1].

Вопрос: С каких пор вы занимаетесь литературой?

Ответ: Дилетантски я занимался с детских лет. Первый профессиональный опыт относится к 1909 г., когда впервые мои стихи были опубликованы в «Аполлоне»[2].

Вопрос: Признаете ли вы себя виновным в сочинении произведений контрреволюционного характера?

Ответ: Да, я являюсь автором следующего стихотворения контрреволюционного характера:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов
не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви,
жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются глазища,
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих
вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подкову дарит за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб,
кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него, то малина
И широкая грудь осетина.

Вопрос: Кому вы читали или давали в списках это стихотворение?

Ответ: В списках я не давал, но читал следующим лицам: своей жене, своему брату Александру Эмильевичу Мандельштаму, брату моей жены Евгению Яковлевичу Хазину — литератору, автору детских книг, подруге моей жены Эмме Григорьевне Герштейн — сотруднице секции научных работников ВЦСПС, Анне Ахматовой — писательнице, ее сыну Льву Гумилеву, [литератору Бродскому Давиду Григорьевичу], сотруднику Зоологического музея Кузину Борису Сергеевичу.

Вопрос: Когда это стихотворение было написано?

Ответ: В ноябре 1933 г.».

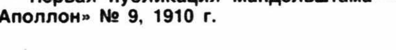
В протоколе допроса есть три приписки:

«В дополнение к предыдущим показаниям должен добавить, что к числу лиц, которым я читал названное выше контрреволюционное стихотворение, принадлежит и московская поэтесса Мария Сергеевна Петровых. Петровых записала это стихотворение с голоса, обещая, правда, впоследствии уничтожить».

«На пятой и шестой строке слова «литератору Бродскому Давиду Григорьевичу» зачеркнуты по моей просьбе, как показание, не соответствующее действительности и ошибочно данное при моем вчерашнем допросе».

«В дополнение к прежним своим показаниям должен сообщить, что на-

[1] По другим данным, в Гейдельберге Мандельштам учился в 1909 году, в Берлине не был в 1910 году, в Швейцарии и Италии — в 1908 и 1909 годах.

[2] Первая публикация Мандельштама — «Аполлон» № 9, 1910 г.

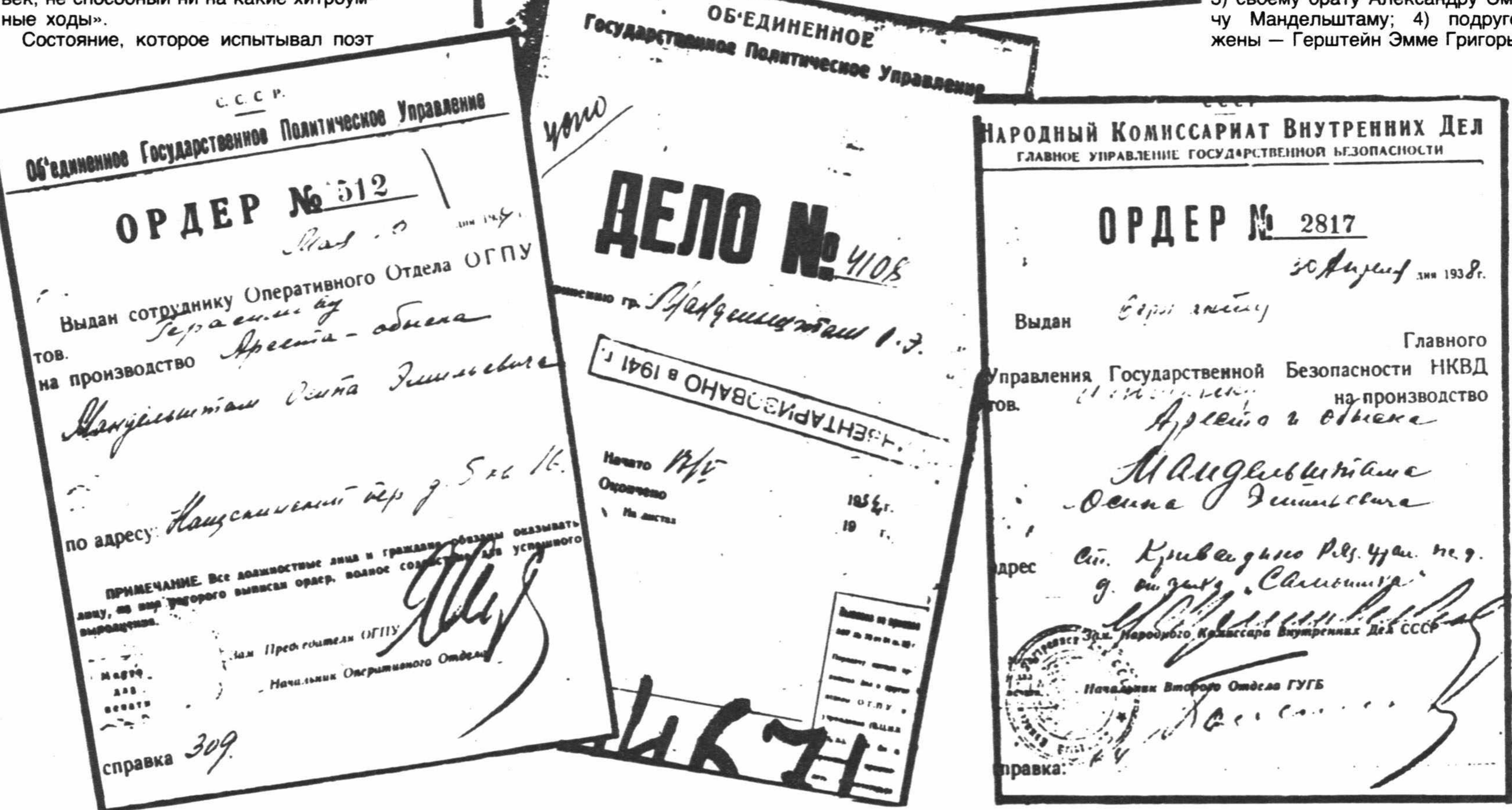
званное выше контрреволюционное произведение я читал также и Нарбуту В. И. Выслушав это стихотворение, Нарбут сказал мне: «Этого не было»,— что должно было означать, что я не должен говорить кому-либо, что это произведение я ему читал».

* * *

Играй же, на разрыв аорты!..

По протоколу получается, что Мандельштам сам выдал следствию свое крамольное стихотворение. Однако поэт впоследствии рассказывал: в начале допроса Шиваров предъявил ему эти стихи, доставленные услужливыми стукачами, причем в другом, первоначальном варианте, и Мандельштам признал авторство и назвал людей, которые их слышали. «Я сердилась, что он не отрицал всего, как подобает конспиратору,— вспоминает Надежда Яковлевна.— Но представить себе О. М. в роли конспиратора совершенно невозможно — это был открытый человек, не способный ни на какие хитроумные ходы».

Состояние, которое испытывал поэт

С. С. С. Р.
Об'единенное Государственное Политическое Управление
ОРДЕР № 512
Выдан сотруднику Оперативного Отдела ОГПУ
тов. Герасимову
на производство Ареста-обыска
Мандельштам Осипа Эмильевича
по адресу: Нащокинский пер. д. 5 кв. 26
справка 309

ОБ'ЕДИНЕННОЕ Государственное Политическое Управление
ДЕЛО № 4108
Мандельштам О. Э.
ЦЕНТРАЛИЗОВАНО в 1941 г.
Начато 17/V 1934 г.
Окончено 193 г.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ОРДЕР № 2817
30 апреля 1938 г.
Выдан
Главного Управления Государственной Безопасности НКВД
тов.
на производство Ареста и обыска
Мандельштама Осипа Эмильевича
адрес
Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел СССР
Начальник Второго Отдела ГУГБ
справка

во внутренней тюрьме Лубянки, было состоянием обреченности. «Мы никогда не сомневались, что его убьют, если узнают про стихи»,— говорит Надежда Яковлевна. И следователь в этом не разуверял, а убеждал до самого последнего момента. На Лубянке Мандельштам ждал расстрела, и это стало причиной травматического психоза, которым он там заболел. Достаточно было и одной психологической пытки, без особых физических приемов, которые в следственных делах, разумеется, не фиксировались. Мы знаем только, со слов самого Мандельштама, что он содержался в двухместной камере, что сосед его «работал» на следствие: запугивал предстоящим процессом, убеждал, что все близкие тоже уже в тюрьме. Его изнуряли допросами по ночам, кормили соленым, а пить не давали, он слышал за стеной камеры голос, похожий на голос жены. Но, может быть, это уже были галлюцинации...

Второй протокол допроса датирован 25 мая:

«Вопрос: Как складывались и как развивались ваши политические воззрения?

Ответ: В юношеские годы я находился в близкой дружбе с сыном известного социалиста-революционера Бориса Наумовича Синани. Под влиянием Синани и других посещающих его членов партии социалистов-революционеров и складывались мои первые политические воззрения. В 1907 г. я уже работал в качестве пропагандиста в С-ровском <эсеровском> рабочем кружке и проводил рабочие летучки. В 1908 г. я начинаю увлекаться анархизмом. Уезжая в этом году в Париж, я намеревался связаться там с анархо-синдикалистами. Но в Париже увлечение искусством и формирующееся литературное дарование отодвигают на задний план мои политические увлечения. Вернувшись в Петербург, я не примыкал более ни к каким революционным партиям. Наступает полоса политической бездейственности, продолжавшаяся вплоть до Октябрьской революции 17 г.

Октябрьский переворот воспринимаю резко отрицательно. На Советское правительство смотрю как на правительство захватчиков, и это находит свое выражение в моем опубликованном в «Воле народа» стихотворении «Керенский». В этом стихотворении обнаруживается рецидив эсеровщины: я идеализирую Керенского, называя его птенцом Петра, а Ленина называю временщиком.

Примерно через месяц я делаю резкий поворот к советским делам и людям, что находит выражение в моем включении в работу Наркомпроса по созданию новой школы.

С конца 1918 г. наступает политическая депрессия, вызванная крутыми методами осуществления диктатуры пролетариата. К этому времени я переезжаю в Киев, после занятия которого белыми я переезжаю в Феодосию. Здесь в 1920 г., после ареста меня белыми, предо мною встает проблема выбора: эмиграция или Советская Россия, и я выбираю Советскую Россию. Причем стимулом бегства из Феодосии было резкое отвращение к белогвардейщине.

По возвращении в Советскую Россию я врастаю в советскую действительность, первоначально через литературный быт, а впоследствии — непосредственной работой: редакционно-издательской и собственно литературной. Для моего политического и социального сознания становится характерным возрастающее доверие к политике Коммунистической партии и Советской власти.

В 1927 г. это доверие колебалось не слишком глубокими, но достаточно горячими симпатиями к троцкизму, и вновь оно было восстановлено в 1928 г.

В 1930 г. в моем политическом сознании и социальном самочувствии наступает большая депрессия. Социальной подоплекой этой депрессии является ликвидация кулачества как класса.

Мое восприятие этого процесса выражено в моем стихотворении «Холодная весна» — прилагаемое к настоящему протоколу допроса и написанное летом 1932 г. после моего возвращения из Крыма. К этому времени у меня возникает чувство социальной загнанности, которое усугубляется и обостряется рядом столкновений личного и общественно-литературного порядка.

Вопрос: Признаете ли вы себя виновным в сочинении произведений контрреволюционного содержания?

Ответ: Да, я признаю себя виновным в том, что я являюсь автором контрреволюционного пасквиля против вождя Коммунистической партии и Советской страны. Я прошу разрешить мне отдельно написать этот пасквиль и дать его как приложение к настоящему протоколу допроса.

Вопрос: Когда этот пасквиль был написан, кому вы его читали и кому давали его в списках?

Ответ: Читал его: 1) своей жене; 2) ее брату — литератору, автору детских книг Евгению Яковлевичу Хазину; 3) своему брату Александру Эмильевичу Мандельштаму; 4) подруге моей жены — Герштейн Эмме Григорьевне — сотруднице секции научных работников ВЦСПС; 5) сотруднику Зоологического музея Борису Сергеевичу Кузину; 6) поэту Владимиру Ивановичу Нарбуту; 7) молодой поэтессе Марии Сергеевне Петровых; 8) поэтессе Анне Ахматовой и 9) ее сыну Льву Гумилеву.

В списках я никому не давал его, но М. С. Петровых записала этот пасквиль с моего голоса, обещая, правда, впоследствии его уничтожить.

Написан же этот пасквиль в ноябре 1933 г.

Вопрос: Как реагировали на прочтение им этого пасквиля названные вами лица?

Ответ: Кузин Б. С. отметил, что эта вещь является наиболее полнокровной из всех моих вещей, которые я ему читал за последний 1933 г.

Хазин Е. Я. отметил вульгаризацию темы и неправильное толкование личности как доминанты исторического процесса.

А. Мандельштам, не высказываясь, укоризненно покачал головой.

Герштейн Э. Г. похвалила стихотворение за его поэтические достоинства. Насколько я помню, развернутого обсуждения темы не было.

Нарбут В. И. сказал мне: «Этого не было»,— что должно было означать, что я не должен никому говорить о том, что я ему читал этот пасквиль.

Петровых — как я сказал — записала этот пасквиль с голоса и похвалила вещь за высокие поэтические достоинства.

Лев Гумилев одобрил вещь неопределенно-эмоциональным выражением вроде «здорово», но его оценка сливалась с оценкой его матери Анны Ахматовой, в присутствии которой эта вещь ему была зачитана.

Вопрос: Как реагировала Анна Ахматова при прочтении ей этого контрреволюционного пасквиля и как она его оценила?

Ответ: Со свойственной ей лаконичностью и поэтической зоркостью Анна Ахматова указала на «монументально-лубочный и вырубленный характер» этой вещи. Эта характеристика правильна потому, что этот гнусный, контрреволюционный, клеветнический пасквиль, в котором сконцентрированы огромной силы социальный яд, политическая ненависть и даже презрение к изображаемому, при одновременном признании его огромной силы, обладает качествами агитационного плаката большой действенной силы.

Вопрос: Выражает ли ваш контрреволюционный пасквиль «Мы живем...» только ваше, Мандельштама, восприятие или отношение определенной какой-либо социальной группы?

Ответ: Написанный мною пасквиль «Мы живем...» — документ не личного восприятия и отношения, а документ восприятия и отношения определенной социальной группы, а именно части старой интеллигенции, считающей себя носительницей и передатчицей в наше время ценностей прежних культур. В политическом отношении эта группа извлекла из опыта различных оппозиционных движений в прошлом привычку к искажающим современную действительность историческим аналогиям.

Вопрос: Значит ли это, что ваш пасквиль является оружием контрреволюционной борьбы только для характеризованной вами группы или он может быть использован для целей контрреволюционной борьбы иных социальных групп?

Ответ: В моем пасквиле я пошел по пути, ставшему традиционным в старой русской литературе, использовав способы упрощенного показа исторической ситуации, сведя ее к противопоставлению: «страна и властелин». Несомненно, что этим снижен уровень исторического понимания характеризованной выше группы, к которой принадлежу и я, но именно поэтому достигнута та плакатная выразительность пасквиля, которая делает его широко применимым орудием контрреволюционной борьбы, которая может быть использована любой социальной группой».

Протоколы допросов написаны рукой следователя, но имеют подпись Мандельштама в конце каждой страницы. «Подписывал, не перечитывая, за что я грызла его все годы» (Н. Я. Мандельштам).

Ко второму протоколу приложены два преступных стихотворения: одно — знаменитое «Мы живем, под собою не чуя страны...» — написано рукой самого автора, а другое — «Холодная весна. Бесхлебный, робкий Крым...» — следователем, но с подписью Мандельштама (это стихотворение имеет разночтения по сравнению с опубликованным списком).

«Холодная весна. Бесхлебный, робкий Крым.
Как был при Врангеле, такой же виноватый.
Комочки на земле, на рубищах заплаты,
Все тот же кисленький, кусающийся дым.
Все так же хороша рассеянная даль,
Деревья, почками набухшие на малость,
Стоят как пришлые и вызывают жалость,
Пасхальной глупостью украшенный миндаль.
Природа своего не узнает лица.
И тени страшные Украйны и Кубани —
На войлочной земле голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца.

Лето 32 года, Москва.
После Крыма. О. Мандельштам».

25 мая дело «завертелось» со страшной скоростью. Тайная канцелярия работала не покладая рук. Этим днем помечен не только протокол последнего допроса, а вернее, оформление всех предыдущих,— сколько их было, мы не знаем, сам Мандельштам говорил о многих.

Кроме того, Шиваров написал, согласовал, утвердил и объявил арестованному «постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения», хотя этот документ должен быть по закону куда раньше. Больше того, за один день следствие было, по существу, закончено. Шиваров составил и обвинительное заключение: «обвиняется в составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений». «Согласен» — помощник начальника СПО Горб. «Утверждаю» — начальник СПО Молчанов.

Причина такой спешки ясна: судьба арестованного уже была решена свыше. На следующий день Особое совещание при Коллегии ОГПУ в отсутствие подсудимого постановило: «Мандельштама... выслать в г. Чердынь сроком на три года».

Дальше в деле идет записка, написанная рукой Мандельштама: «27 мая мне, Осипу Эмильевичу Мандельштаму, сообщено об окончании следствия по моему делу по статье 58,10.

Следствие по поводу моих стихотворений считаю правильным.

Поскольку других обвинений в какой бы то ни было формулировке мне не было предъявлено, считаю следствие, не зная за собой другой вины, правильным».

Начальник СПО Молчанов распорядился «осужденного направить к месту назначения спецконвоем не позднее 28 мая, дав свидание с женой, и взять вещи».

О приговоре Мандельштам узнал только 28 мая. В этот же день состоялось его свидание с женой. Первое, что бросилось в глаза Надежде Яковлевне,— обе руки мужа забинтованы. Оказалось, он перерезал себе вены лезвием бритвы... На свидании и разъяснилась причина «чуда» — неожиданно столь мягкого приговора. Шиваров сообщил о верховной милости — «изолировать, но сохранить», об отмене первоначально намеченного приговора... «Чуда» было даже два: Надежде Яковлевне предложили сопровождать мужа в ссылку. А поскольку она тут же согласилась, Горб «весьма срочно» выписал на то и распоряжение.

Осужденного отправили в ссылку, дела его — в архив. Но прошло чуть больше месяца, и он опять потребовал к себе внимания.

* * *

Прыжок — и я в уме...

«В ОГПУ
Александра Эмильевича
Мандельштама

Заявление

28 мая по приговору ОГПУ брат мой О. Э. Мандельштам был выслан на три года в Чердынь. Жена брата Н. Я. Мандельштам, сопровождающая брата в ссылке, сообщила телеграммой из Чердыни, что брат психически заболел, бредит, галлюцинирует, выбросился из окна второго этажа и что на месте, в Чердыни, медицинская помощь не обеспечена (медперсонал — молодой терапевт и акушер). Предполагается перевод в Пермскую психиатрическую больницу, что, по сообщению жены, может дать отрицательные результаты.

Прошу освидетельствовать брата и при подтверждении психического заболевания перевести его в город, где может быть обеспечен квалифицированный медицинский уход вне больничной обстановки близ Москвы, Ленинграда или Свердловска.

6 июня 34».

Заявление это, находящееся в деле, судя по всему, напугало огэпэушников (ведь «сохранить»!), в Свердловск посыпались «меморандумы»: проверить психическое состояние осужденного, оказать содействие в лечении, поместить в больницу...

А 10 июня Особое совещание пересмотрело его дело и постановило: «Мандельштама... лишить права проживания в Московской, Ленинградской обл., Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Пятигорске, Минске, Тифлисе, Баку, Хабаровске и Свердловске на оставшийся срок».

В городах, не указанных здесь, стало быть, жить разрешалось. Мандельштам выбрал Воронеж.

Близкие объясняют пересмотр дела заступничеством Бухарина. Помогли, вероятно, и хлопоты друзей. В письме Сталину Бухарин сделал приписку: «И Пастернак тоже волнуется». Бухарин упоминает Пастернака, видимо, зная об особом отношении, своего рода «пиетете» вождя к этому поэту.

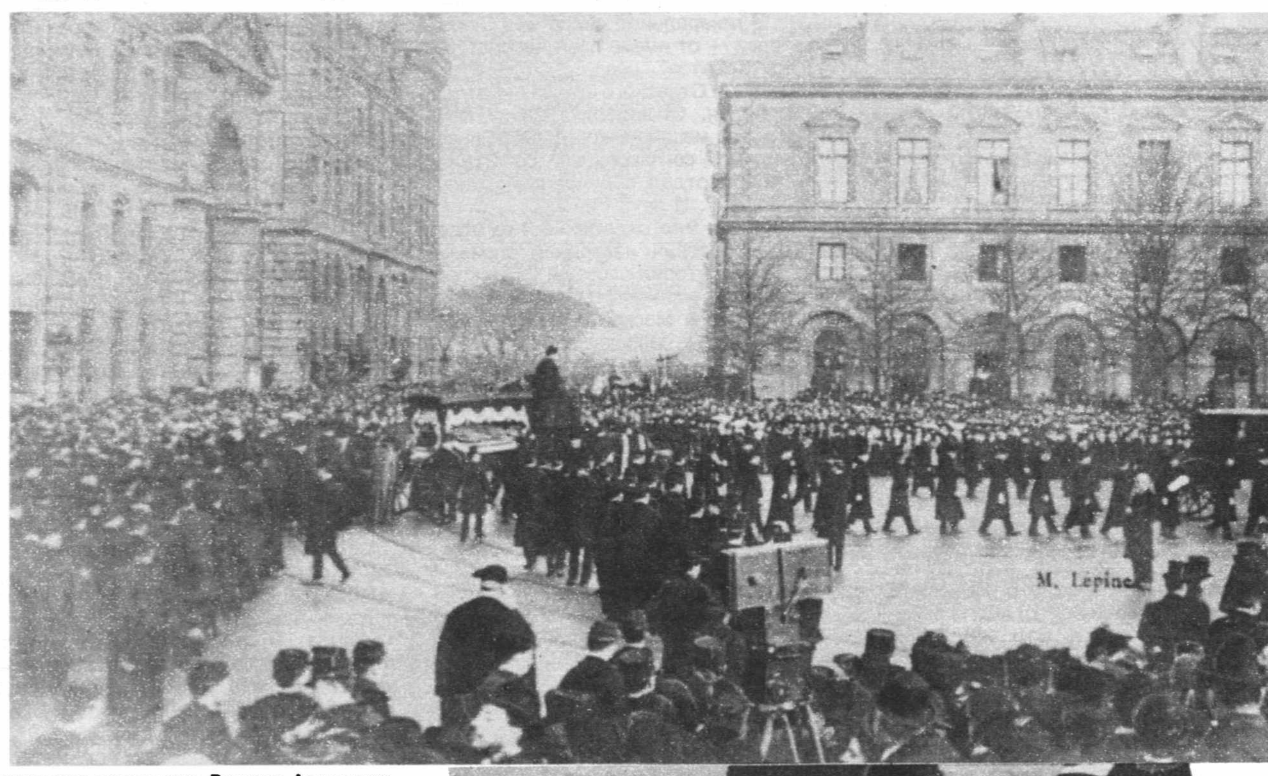
И Сталин позвонил Пастернаку, чтобы сообщить о пересмотре дела и что с Мандельштамом «все будет хорошо», а заодно и дать огласку своей неслыханной милости. Сталин будто еще прикидывает, допытывается, мастер ли Мандельштам, упрекает, что Пастернак недостаточно энергично защищает друга. Пастернак отвечает: «Если бы я не хлопотал, вы бы, вероятно, ничего не узнали...»

Но скорее всего разгадка этого, еще одного «чуда» в другом. Сталину в тот момент отсрочка в смерти Мандельштама была просто-напросто выгодна: готовился первый съезд советских писателей, антифашистский конгресс в Париже. И лучше было поиграть в кошки-мышки с поэтом, а в его лице — со всеми писателями: с одной стороны, показать себя другом литературы, а с другой — припугнуть.

* * *

Пайковые книги читаю,
пеньковые речи ловлю...

В марте 1938 года, перед отъездом Мандельштама в дом отдыха «Саматиха», его принял Ставский, глава Союза писателей. Внимательно слушал, желал хорошего отдыха, обещал после

Открытка из Парижа, февраль 1908 года: похороны кардинала Ришара Аршевеню, траурная процессия шествует мимо собора Парижской богоматери. На переднем плане, повернулся в сторону фотокамеры — Осип Мандельштам. На другой стороне открытки — надпись:

«Дорогая мамочка! Посылаю тебе свою физиогномию, которая совершенно случайно запечатлелась на этом снимке. Можно сказать, что я обернулся нарочно, для того, чтобы послать вам свой привет.

Ося».

Открытка из коллекции Е. П. ЗЕНКЕВИЧ. Публикуется впервые.

возвращения помочь с работой. Хотя знал, что возвращения не будет.

Ибо уже отправил письмо Ежову, письмо-приговор.

«Сов. секретно

Союз Советских Писателей СССР
16 марта 1938 г.

Наркомвнудел **тов. Ежову Н. И.**

Уважаемый Николай Иванович!

В части писательской среды весьма нервно обсуждается вопрос об Осипе Мандельштаме.

Как известно — за похабные клеветнические стихи и антисоветскую агитацию О. Мандельштам был года три-четыре тому назад выслан в Воронеж. Срок его высылки окончился. Сейчас он вместе с женой живет под Москвой (за пределами «зоны»).

Но на деле — он часто бывает в Москве у своих друзей, главным образом — литераторов. Его поддерживают, собирают для него деньги, делают из него «страдальца» — гениального поэта, никем не признанного. В защиту его открыто выступали Валентин Катаев, И. Прут и другие литераторы, выступали остро.

С целью разрядить обстановку О. Мандельштаму была оказана материальная поддержка через Литфонд. Но это не решает всего вопроса о Мандельштаме.

Вопрос не только и не столько в нем, авторе похабных, клеветнических стихов о руководстве партии и всего советского народа. Вопрос об отношении к Мандельштаму группы видных советских писателей. И я обращаюсь к Вам, Николай Иванович, с просьбой помочь.

За последнее время О. Мандельштам написал ряд стихотворений. Но особой ценности они не представляют — по общему мнению товарищей, которых я просил ознакомиться с ними (в частности, тов. Павленко, отзыв которого прилагаю при сем).

Еще раз прошу Вас помочь решить этот вопрос об О. Мандельштаме.

С коммунистическим приветом

В. Ставский»

К письму приложена «рецензия»:

«О стихах О. Мандельштама

Я всегда считал, читая старые стихи Мандельштама, что он не поэт, а версификатор, холодный, головной составитель рифмованных произведений. От этого чувства не могу отделаться и теперь, читая его последние стихи. Они в большинстве своем холодны, мертвы, в них нет даже того самого главного, что, на мой взгляд, делает поэзию,— нет темперамента, нет веры в свою страну.

Язык стихов сложен, темен и пахнет Пастернаком (см. 4-ую строфу «Станс» стр. №5 и даже 7-ую и 8-ую).

Едва ли можно отнести к образцам ясности и следующие строки:

«Где связанный и пригвожденный стон?
Где Прометей — скалы подспорье и пособье?
А коршун где — и желтоглазый гон
Его когтей, летящих исподлобья?»
(стр. № 23).

Мне трудно писать рецензию на эти стихи. Не любя и не понимая их, я не могу оценить возможную их значительность или пригодность. Система образов, язык, метафоры, обилие флейт, аорий и проч., все это кажется давно где-то прочитанным.

Относительно хороши (и лучше прочих) стихи пейзажные (стр. 21, 25, 15), хороши стихотворения: 1) «Если б меня наши враги взяли...» (стр. 33), 2) «Не мучнистой бабочкою белой...» (стр. 7) и 3) «Мир начинается, страшен и велик...» (стр. 4).

Есть хорошие строки в «Стихах о Сталине», стихотворении, проникнутом большим чувством, что выделяет его из остальных.

В целом же это стихотворение хуже своих отдельных строф. В нем много косноязычия, что неуместно в теме о Сталине.

У меня нет под руками прежних стихов Мандельштама, чтобы проверить, как далеко ушел он теперь от них, но — читая — я на память большой разницы между теми и этими не чувствую, что, может быть, следует отнести уже ко мне самому, к нелюбви моей к стихам Мандельштама.

Советские ли это стихи? Да, конечно. Но только в «Стихах о Сталине» это чувствуется без обиняков, в остальных же стихах — о советском догадываемся. Если бы передо мною был поставлен вопрос — следует ли печатать эти стихи,— я ответил бы — нет, не следует».

Почему именно прозаик Павленко давал отзыв о стихах Мандельштама? Этот человек, как зловещая тень, скользит в судьбе поэта. Надежда Яковлевна Мандельштам вспоминала, что еще в 1934 году среди писателей ходили рассказы Павленко: он будто бы по приглашению его друга-следователя, который вел дело Мандельштама, присутствовал на допросе. Спрятался где-то в шкафу или за двойной дверью и все слышал. Преуспевающей бездарности доставило удовольствие не только наблюдать унижение таланта, но и смаковать потом: Мандельштам-де вел себя жалко, порол чушь, хватался за сползающие брюки...

О том же пишет Эмма Герштейн, друг Мандельштама, с его слов: «Он стал мне рассказывать, как страшно было на Лубянке. Я запомнила только один эпизод, переданный мне Осипом с удивительной откровенностью: «Меня подымали куда-то на внутреннем лифте. Там стояло несколько человек. Я упал на пол. Бился... вдруг слышу над собой голос: «Мандельштам, Мандельштам, как вам не стыдно...» Это был Павленко».

«Никакой Булгарин на это бы не осмелился»,— говорит о диком поступке Павленко, его патологическом любопытстве Надежда Яковлевна. И горько заключает: «В своем одичании и падении писатели превосходят всех». А ведь она не знала о рецензии-доносе, которая была в том же ряду поступков сталинского лауреата.

Письмо Ставского — Павленко вшито в следственное дело Мандельштама 1938 года и служит тем детонатором, который и привел поэта к гибельному взрыву.

Пишет не просто пролетарский писатель Владимир Ставский — от своего имени, а генеральный секретарь Союза писателей — от имени всей литературы Страны Советов.

На письме Ставского штамп: «4 отдел ГУГБ. Получ. 13 апреля 1938». Стало быть, около месяца Ежов держал письмо, видимо, согласовывал со Сталиным, потом отдал подчиненным, запустил машину. И закрутилось!

Начальник 9-го отделения 4-го отдела ГУГБ Юревич настрочил справку, в которой повторял пассажи Ставского: «По отбытии срока ссылки Мандельштам явился в Москву и пытался воздействовать на общественное мнение в свою пользу путем нарочитого демонстрирования своего "бедственного положения" и своей болезни.

Антисоветские элементы из литераторов, используя Мандельштама в целях враждебной агитации, делают из него «страдальца», организуют для него сборы среди писателей. Сам Мандельштам лично обходит квартиры литераторов и взывает о помощи.

По имеющимся сведениям Мандельштам до настоящего времени сохранил свои антисоветские взгляды. В силу своей психической неуравновешенности Мандельштам способен на агрессивные действия.

Считаю необходимым подвергнуть Мандельштама аресту и изоляции».

На справке имеются три резолюции: «Т. Фриновский. Прошу санкцию на арест. Журбенко», «Арест согласован с тов. Рогинским», «Т. Шилкину. Арестовать. М. Фриновский. 29 апреля 1938 г.».

Замнаркома внутренних дел Фриновский и подписал ордер на арест.

* * *

Лишив меня морей, разбега и разлета...

Наступил май. Дали отпраздновать Международный праздник трудящихся. И нагрянули под утро 3 мая...

Двое были в военной форме — сотрудники НКВД Шышканов и Шелуханов, с ними — исполняющий обязанности директора дома отдыха Фомичев. Забрали арестованного, бумаги («рукописи и переписка — одна пачка, книга — автор О. Мандельштам»), сели в грузовик и умчались.

На Лубянке подчистили и последние следы дома, личной жизни: чемоданчик, помочи, галстук, воротничок, наволочку, деревянную трость... На анкете, заполненной Мандельштамом, кто-то написал сверху: «Террор» — и подчеркнул дважды, видимо, по этой линии предполагалось вести арестованного дальше.

Протокол допроса один, помечен 17 мая. Дело ясное, решенное, осталось соблюсти формальности. Допрашивал младший лейтенант Шилкин.

«Вопрос: Вы арестованы за антисоветскую деятельность. Признаете себя виновным?

Ответ: Виновным себя в антисоветской деятельности не признаю.

Вопрос: За что вы были арестованы в 1934 г.?

Ответ: В 1934 г. я был арестован и осужден за антисоветскую деятельность, выразившуюся в сочинении (на протяжении ряда лет) контрреволюционных стихотворений («Керенский», «Весна», «Кассандра» и др.), к трем годам высылки в г. Воронеж.

Вопрос: После высылки вам запрещено было проживать в г. Москве. Несмотря на это, вы почти легулярно (так в тексте.— **В. Ш.**) наезжали в Москву. Расскажите, к кому и с какой целью вы ездили в Москву?

Ответ: По окончании высылки летом 1937 г. я приехал в Москву, не зная того, что мне запрещено проживать в Москве. После этого я выехал в село Савелово, а в ноябре месяце 1937 г. переехал в г. Калинин.

Должен признать свою вину в том, что, несмотря на запрещение и не имея разрешения, я неоднократно приезжал в Москву. Цель моих поездок, в сущности, сводится к тому, чтобы через Союз писателей получить необходимую работу, так как в условиях г. Калинина я не мог найти себе работы.

Помимо этого я добивался через Союз писателей получения критической оценки моей поэтической работы и потребности творческого общения с советскими писателями. В дни приезда я останавливался у Шкловского (писатель), Осмеркина (художник), которым я читал свои стихи. Кроме выше перечисленных лиц, я также читал свои стихи Фадееву на квартире у Катаева Валентина, Пастернаку, Маркишу, Кирсанову, Суркову, Петрову Евгению, Лахути и Яхонтову (актер).

Вопрос: Следствию известно, что вы, бывая в Москве, вели антисоветскую деятельность, о которой вы умалчиваете. Дайте правдивые показания.

Ответ: Никакой антисоветской деятельности я не вел.

Вопрос: Вы ездили в Ленинград?

Ответ: Да, ездил.

Вопрос: Расскажите о целях ваших поездок в Ленинград.

Ответ: В Ленинград я ездил для того, чтобы получить материальную поддержку от литераторов. Эту поддержку мне оказали Тынянов, Чуковский, Зощенко и Стенич.

Вопрос: Кто оказывал вам материальную поддержку в Москве?

Ответ: Материальную поддержку мне оказывали братья Катаевы, Шкловский и Кирсанов.

Вопрос: Расскажите о характере ваших встреч с Кибальчичем.

Ответ: С Кибальчичем я встречался исключительно на деловой почве, не более трех раз. Один раз в 1924—25 гг. я зашел к нему на службу в Ленгиз за получением переводной работы. Второй раз я был у него на квартире, это посещение также было вызвано необходимостью получения переводной работы. И третий раз в 1932 г. я, будучи в Ленинграде, пригласил к себе в гостиницу нескольких ленинградских писателей, в том числе и Кибальчича, которым прочел свое произведение «Путешествие в Армению». Больше никогда с ним не встречался».

Разыскивая рукописи, органы обшарили и квартиру, в которой жил Мандельштам в Калинине. Благодаря всем этим пожелтевшим квитанциям, запискам, ордерам мы можем узнать кое-что о жизни Мандельштама в его предпоследнем разрешенном жилье. «Мандельштам в г. Калинине проживал с 17 ноября 1937 г. по 10 марта 1938 г. по адресу 3-я Никитина ул., д. 43. 10 марта со всем своим семейством (то есть с Надеждой Яковлевной.— **В. Ш.**) выехал на постоянное жительство в г. Москву».

У хозяина дома Павла Федоровича Травникова ничего принадлежащего Мандельштаму не оказалось. Тут Надежда Яковлевна перехитрила, опередила — успела приехать и забрать корзинку с рукописями.

В тюрьме было проведено медицинское освидетельствование Мандельштама. Трое врачей (всюду — тройки!) обнаружили: «Душевной болезнью не страдает, а является личностью психопатического склада со склонностью к навязчивым мыслям и фантазированию. Как душевно больной — вменяем».

Сочинить обвинительное заключение следователю Шилкину не составило большого труда — он тоже использовал письмо Ставского, иногда слово в слово. Генсек СП хорошо работал на НКВД! «Террор» был отставлен, Мандельштама обвинили, как и в 1934 году, по статье 58, пункт 10: антисоветская агитация.

2 августа Особое совещание при НКВД постановило: «Мандельштама, сына купца, бывшего эсера» — не поэта! — «за контрреволюционную деятельность заключить в ИТЛ сроком на пять лет». 16 августа документы были переданы в Бутырскую тюрьму для направления «в Колыму».

О дальнейшем сообщил сам Мандельштам — в своем письме близким. И хотя оно уже опубликовано, приведем его здесь как последние слова поэта.

О. Э. Мандельштам — А. Э. и Н. Я. Мандельштамам, <20-е числа октября 1938 г.>

«Дорогой Шура!

Я нахожусь — Владивосток, СВИТЛ, 11-й барак. Получил 5 лет за К. Р. Д. по решению ОСО. Из Москвы, из Бутырок этап выехал 9 сентября, приехал 12 октября. Здоровье очень слабое. Истощен до крайности, исхудал, неузнаваем почти, но посылать вещи, продукты и деньги — не знаю, есть ли смысл. Попробуйте все-таки. Очень мерзну без вещей.

Родная Наденька, не знаю, жива ли ты, голубка моя. Ты, Шура, напиши о Наде мне сейчас же. Здесь транзитный пункт. В Колыму меня не взяли. Возможна зимовка.

Родные мои, целую вас. Ося.

Шурочка, пишу еще. Последние дни я ходил на работу, и это подняло настроение. Из лагеря нашего как транзитного отправляют в постоянные. Я, очевидно, попал в «отсев», и надо готовиться к зимовке. И я прошу: пошлите мне радиограмму и деньги телеграфом».

* * *

Неужели я настоящий
и действительно смерть придет?..

«Москва, 19 января 1939 г.
Уважаемый товарищ Берия!

В мае 1938 года был арестован поэт Осип Эмильевич Мандельштам — из его письма мне известно, что он осужден Особым совещанием на пять лет СВИТЛ за контрреволюционную деятельность (в прошлом у Мандельштама имелась судимость по 58-й статье за контрреволюционные стихи).

Вторичный арест 1938 г. явился полной неожиданностью. К этому времени Мандельштам закончил книгу стихов, вопрос о печатании которой неоднократно ставился С. С. П. Мы скорее могли ожидать его полного восстановления и возвращения к открытой литературной деятельности, чем ареста.

Мне неясно, каким образом велось следствие о контрреволюционной деятельности Мандельштама, если я — вследствие его болезни в течение ряда лет не отходившая от него ни на шаг — не была привлечена к этому следствию в качестве соучастницы или хотя бы свидетельницы.

Прибавлю, что во время первого ареста в 1934 г. Мандельштам болел острым психозом — причем следствие и ссылка развернулись во время болезни. К моменту второго ареста Мандельштам был тяжело болен, физически и психически неустойчив.

Я прошу Вас:

1. Содействовать пересмотру дела О. Э. Мандельштама и выяснить, достаточны ли были основания для ареста и ссылки.

2. Проверить психическое здоровье О. Э. Мандельштама и выяснить, закономерна ли в этом смысле была ссылка.

3. Наконец, проверить, не было ли чьей-нибудь личной заинтересованности в этой ссылке.

И еще — выяснить не юридический, а скорее моральный вопрос: достаточно ли было оснований у НКВД, чтобы уничтожать поэта и мастера в период его активной и дружественной поэтической деятельности.

Надежда Мандельштам».

Жалоба Надежды Яковлевны была рассмотрена: оперуполномоченный сержант Никиточкин нашел, что Мандельштам не заслуживает оправдания. Из постановления этого, утвержденного в 1941 году, мы узнаем также, что Мандельштам «наказание отбывает в Колыме».

Тут же, в деле, есть и другая версия. Короткая приписка, сделанная на обороте одной из бумаг, гласит: «Умер: 21 декабря 1938 г. в Севвостоклаге (Магад. обл.) (по справке МВД)».

Так жив? Или умер на Колыме?

В июне 1940-го жене и брату Мандельштама выдали справку: умер в возрасте 47 лет, не 21, а 27 декабря 1938 года от паралича сердца. Но здесь же указано, что в книге записей смерть Мандельштама зарегистрирована в мае 1940-го... Чему тут верить?

И наконец, уже полная чертовщина, под занавес. Реабилитация. 1956 год. И справка о реабилитации выдана... «гражданину Мандельштаму Осипу Эмильевичу по адресу: г. Чебоксары, ул. Кооперативная, д. 8, кв. 16-а»...

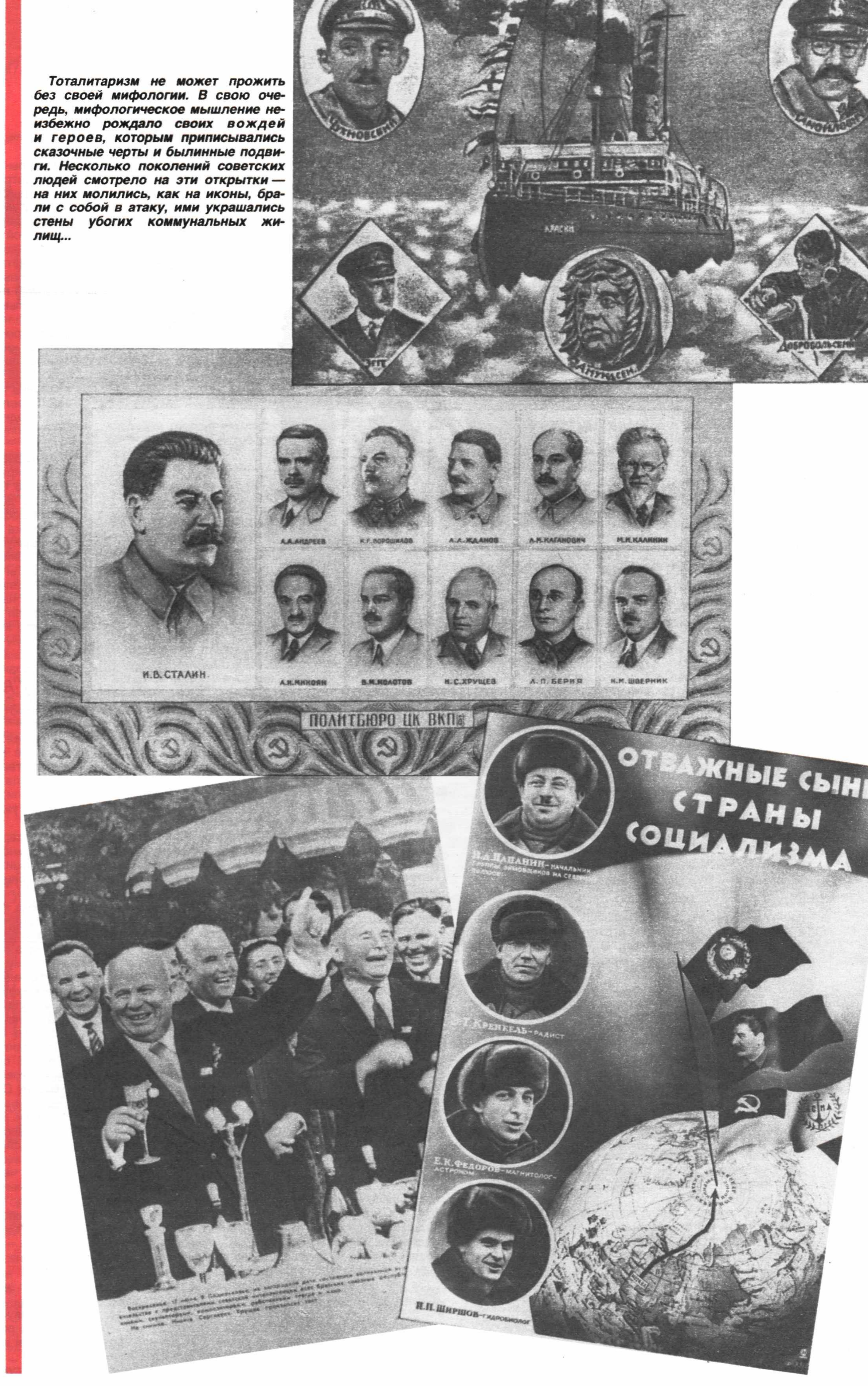
Правда о его смерти сейчас известна: 27 декабря 1938 года, пересыльный лагерь близ Владивостока.

* * *

...Мало в нем было линейного,
Нрава он был не лилейного,
И потому эта улица,
Или, верней, эта яма —
Так и зовется по имени
Этого Мандельштама.

Не так уж важно, есть ли улица Мандельштама в каком-нибудь городе, нет — так будет. Она уже есть навсегда — и в мировой поэзии, и в нашей жизни.

Тотталитаризм не может прожить без своей мифологии. В свою очередь, мифологическое мышление неизбежно рождало своих вождей и героев, которым приписывались сказочные черты и былинные подвиги. Несколько поколений советских людей смотрело на эти открытки — на них молились, как на иконы, брали с собой в атаку, ими украшались стены убогих коммунальных жилищ...

ОТСТРЕЛ

На мехзаводе раз в году отстреливали собак. Обычно — к Октябрьским. Потому что их разводилось больше, чем надо. Собак заведующий материальным складом держал, чтоб охраняли социалистическую собственность от народа, а они, собаки, плодились. К началу осени уже и на проходной жили, и в гараже. Целая стая. В воскресенье по заводу не пройти — сожрут. Они же наглеют, когда их много, а людей мало. Поэтому их и отстреливали каждый год. Дедок один отстреливал. В охране работал. Он умело стрелял, дедок этот. Никогда не мазал. Точно в лоб попадал. Или в крайнем случае в затылок. чтоб не мучилось животное. А собаки пока поймут что к чему — он их уже и перестреляет. Они же не могли ожидать такого, потому что дедок этот их кормил. Конечно, они его не боялись.

А в этом году дедок уволился. Сказал:

— Старый я стал работать. Буду на пенсии жить.— И уволился.

Теперь никто собак стрелять не брался. Охранники сказали:

— Мы вам охранники, а не живодеры.

А на улице давно декабрь. А собаки все бегают. За машинами гоняются, на людей гавкают.

К этому дедку домой сходили, попросили помочь родному заводу. Но он отказался. Сказал:

— Хватит с меня, пострелял на своем веку! Сказал: вызывайте будку.

А на место этого дедка в охрану устроился Савельин из кузнечного. Ему около года до пенсии оставалось — до пятидесяти лет то есть,— он и устроился. Зарплата у него средняя — хоть какие пять лет возьми — за триста была. Чего ж ему не пойти в охрану? Тем более сил у него стало мало. Правда, начальник цеха его отпускать не хотел. Говорил:

— Где я такого машиниста молота найду?

Савельин ему объясняет, что силы у него уже нету так пахать — выработался. А он слушать даже не хочет. Говорит:

— Ты на свою рожу посмотри.

А что рожа? Рожа у Савельина красная. Что да, то да. Сосуды у него так расположены. Капилляры.

Пошел, короче говоря, Савельин к самому замдиректора по кадрам и быту. У них Гунидов Петр Петрович замдиректора работал. Пришел к нему Савельин, так и так, объясняет, здоровья нету — на молоте в горячем цехе, разрешите, говорит, до пенсии доработать охранником. А Гунидов говорит ему:

— Что это вам, Савельиным, все чего-то надо? Сын твой из кабинета не вылезает — инвалид труда, понимаете ли,— теперь вот еще и ты. Тебе молоко выдают?

— Выдают.— Савельин говорит.

— Ну и работай. А если больной — неси документ, рассмотрим.

Дома дочка увидела Савельина и спрашивает:

— Чего злой?

— А ничего.— Савельин говорит.

Он дочку-то свою не жаловал. Она тоже на мехзаводе работала, в конторе, ну и путалась с Полупаевым — с директором. Причем в открытую путалась. Было — прогуляла после выходных, в понедельник, начальник ее раскричался.

— Пиши объяснительную,— кричит,— я с тебя за прогул премию сниму и тринадцатую сниму, все, короче, сниму!

Ну она и написала, что я, такая-то и такая-то, находилась тогда-то и тогда-то с тов. Полупаевым Л. А. на его личной даче. В чем и подписуюсь. Начальник проверил — точно, не было Полупаева в понедельник. Секретарша сказала — вызывали на совещание в обком партии. Прием трудящихся по личным вопросам отменять пришлось.

За эти дела Савельин и не жаловал дочку. А тут или выговориться ему захотелось, или, может, само прорвалось, но он ей взял и рассказал все. И про то, что силы не стало совсем, и про Гунидова.

— Так чего ж ты сразу не сказал? — дочка говорит.— Я Лёнику шепну (это Полупаева она так, Лёником, звала), он тебя куда хочешь переведет.

Савельин думал: треплется его дочка, когда — нет. Завтра нашла в цехе и говорит:

— Пиши заявление. Лёник сейчас подпишет — и иди в кадры, оформляйся.

За один день Савельин перевелся. И стал на проходной работать. Охранником. Сутки работает, трое — дома. Ночью вполне вздремнуть можно — они по четыре человека дежурили,— а днем тоже не надорвешься. Нормальная работа. Особенно если здоровье плохое. Платят негусто, но Савельину и не надо больше. Дети взрослые, обеспечены, и на книжке у него немного есть. В общем, нормальная работа. Сиди, пропуска проверяй или ворота открывай-закрывай кнопкой. Простая работа. Хотя тоже свои нюансы имеет. Савельин по неопытности быстро напоролся. То есть он прав был, он же при исполнении, а машина подъехала к воротам и сигналит — открывай. Савельин проверил кузов, а там доски. Струганые — одна в одну.

— Пропуск давай,— Савельин говорит,— тогда открою.

А шофер ему:

— Открывай, хуже будет.

На это Савельин, конечно, уперся. Старшему охраннику доложил, что акт надо составлять. В это время шофер Гунидову позвонил. Гунидов старшего охранника к телефону позвал и говорит:

— Выпустите машину, олухи!

Старший охранник отвечает:

— Есть!

А Савельин стал на своем и стоит. Пусть пропуск дает. И настоял. Пропуск выписали и подписи все поставили по закону, и печать. Что на строительство детского комбината машина доски везет, написали. Савельину ничего не оставалось. Выпустил он машину. А старший охранник говорит ему:

— Дурак ты, дурак, Савельин. Это ж Полупаеву на фазенду доски, для сауны. А ты лезешь.

«Надо ж тебе,— Савельин думает,— ну что хотят, то делают. И на гласность эту кладут, и на все. Собаки!»

А назавтра после этого происшествия собрание открытое проводили. Савельина тоже загнали для количества. Ему все равно, время рабочее — пошел.

Сначала там все, как всегда, было. Выступали, выступали, аж в сон всех кидать стало. А потом, в конце уже, встал из президиума Полупаев и говорит:

— Товарищи! — говорит.— Я хочу обратить ваше пристальное внимание на неудовлетворительную работу наших заводских охранников. Мало того, что ночью они все поголовно спят, вместо того чтоб работать, так еще и собак на проходной держат бешеных. А вчера — просто отличились. Машина везет материалы на детский комбинат, который мы обязались подарить нашим детям еще к празднику Великого Октября, а охранник Савельин ее не выпускает. Ему заместитель директора приказывает, а он не подчиняется. И вообще я не знаю, посмотришь на наших охранников — их против танков пускать можно, а они на проходной сидят, жиреют в то время, как другие, не жалея...— ну и все такое прочее и тому подобное.

И в заключение речи Полупаев пообещал собранию, что он этого так не оставит. Потому что это уже — совсем.

Вышел Савельин из актового зала, когда собрание объявили закрытым, сел в дежурке и смотрит в окно на собак. А собаки грызутся между собой, рычат, лают. Савельин и говорит тогда старшему охраннику:

— Выдавай,— говорит,— мне карабин. И две обоймы выдавай.

— Ты чего это? — старший охранник спрашивает.

— А чего? — Савельин говорит.— Собак отстрелять надо?

— Надо.

— Ну?

— А-а,— старший охранник обрадовался.— Это дело полезное. А то будку вызывать — столько мороки!

Выдал он Савельину карабин, вышел Савельин из дежурки, карабин вскинул — примерился. Потом прижался к нему, как к родному, чтоб рука не дрожала, и на спуск стал нажимать. Раз, другой, третий.

Собаки визжат, вертятся, падают, а он повторяет только:

— У, суки.— И нажимает.

ДУРАЦКИЙ СЛУЧАЙ

Иванова была старухой. Толстой и шустрой. И целыми днями гуляла. На скамейке у подъезда. А недавно она гулять перестала. Вернее, она и сейчас гуляет, но только у себя на лоджии. Хорошо, на первом этаже лоджия есть. А выйти Иванова не может. Ее недавно парализовало. Всю левую сторону. Кровоизлияние у нее было, поэтому ее и парализовало. И вынести ее на улицу некому — Федя старый уже для этого. Да и незачем ее выносить. На лоджии тоже воздух. И видно все. И удобно. Она же в кресле сидит. Покормить, помыть, повернуть, посадить — со всем этим Федя справляется. А на улицу вынести не может. Хоть всего три ступеньки там. Кое-как на лоджию вывести — это он пока в состоянии. Выведет, посадит ее в кресло, она и сидит. Молчит. Речь у нее после кровоизлияния тоже отнялась. Скучно ей небось сидеть на лоджии и молчать.

Раньше-то она со всеми беседовала. Кто бы ни шел — остановит. Как дела, спросит, что нового, что где продают. И знала обо всех все. Кто женился, кто уехал, кто с кем. Умер кто-нибудь — тоже всегда знала. И на все похороны в округе ходила. Помогать. Если ее не звали, она все равно ходила. Интересно ей было, что ли?

Федя ей нет-нет и скажет:

— Рая, оно тебе надо, чужое горе?

А она говорит на это:

— Надо. Я ж,— говорит,— помогаю или что я делаю?

Наверно, дома работы ей не хватало. Поесть сготовит на двоих, приберет — и кончились дела. А когда-то у нее семья была не то что теперь. Как у людей была семья. То есть у Ивановой две семьи было. Сначала, до войны, у нее был муж парикмахер, Миша Гольдин, и двое детей — Йося и Фима. А за Федю — это она в самом конце войны вышла — когда совсем уже одна осталась. Вышла и стала Ивановой. Они хорошо с ним жили. Всю жизнь. Только с детьми не везло. Ни одного не вырастили из двоих. Вдвоем жизнь прожили и на пенсию вышли. А в старости, конечно, скучновато стало им жить. Поэтому Иванова и суетилась вечно.

Соседи на этаже все молодые, на работу утром уйдут, а приходят — вечер давно. Так Иванова — когда за маслом очередь днем выстоит и им заодно возьмет, когда талоны на сахар и мыло в жэке получит. А то и отоварит их все. У нее сумка есть на колесах — огромная. Рюкзак, а не сумка. Так она набьет ее доверху и прет еле-еле. Федя ворчит, а Иванова говорит:

— И чего ты, Иванов, выступаешь? Она ж на колесах. Или тебе повылазило?

Говорят — антисемитизм, антисемитизм, а Федя ее любил. И соседи любили. Ленка из четвертой квартиры говорила:

— Ой, Раиса Натановна, вы такая хорошая, ну совсем на еврейку не похожи. И что б мы без вас делали?

Ленка, конечно, дура, но права. Иванова их выручала. У них же у всех дети. Из школы придут и носятся по двору — собакам хвосты крутят. А на каникулах — весь день без присмотра. Летом еще, допустим, в лагерь можно их сдать на месяц. Или на два. А потом? Вот Иванова их и пасла. Воспитанием занималась. Манерам не обучала, а чтоб не дрались или не лезли куда не надо, следила. И накормит детвору всегда. Ей соседи ключи оставляли. Ну она зайдет, разогреет, что там у них есть, и накормит детей. Пускай один раз в день — и то дело. Оно, может, все это и не так важно, может, дети и сами бы себе обед разогрели, но матерям спокойнее. И Иванова при деле. Дети ее бабой Раей звали, а родители — соседи то есть — те вообще: Ленкин муж картошку на зиму каждый год привозил на своем КамАЗе. Привезет и еще в квартиру затащит, и на лоджию вынесет. Если телевизор или утюг починить — это Валера из второй всегда пожалуйста. Ладили они, короче, между собой. Не потому, что зависели как-то там друг от друга, а просто. Полюдски. И если б не тот случай дурацкий, так бы оно и шло, как шло. Может, и кровоизлияния никакого не случилось бы у Ивановой. И надо ж было Кольке с Темкой пропасть! Вернее, как пропасть? Не пропасть, а исчезнуть. Только что были — Иванова их видела — и исчезли. Сперва она ничего такого не подумала. Но час проходит, два — она их искать. Вечер уже вот-вот, а их как и не было никогда.

Иванова с Федей бегали, бегали, потом сели на скамейку свою у подъезда, охают и за сердце держатся. Тут и соседи с работы пришли. Сначала Ленка — она близко работает, в химчистке,— за ней Темкина мать — Наташа. Ну, и началось. Куда ни кинутся — нигде никаких следов. А Иванова сидит на скамейке, не шевелится — бледная и дышит через раз. Федя очухался малость, а она — нет.

В общем, мотались они, мотались — все на нервах, вот Ленка и отвязалась на Иванову. По глупости своей.

— Учти,— говорит,— морда жидовская, если не найдется Колька мой, я тебя сама, своими руками удавлю и глаза повыцарапываю.

И что смешно, она говорит это, а Колька с Темкой у нее за спиной стоят. Пришли и карасей принесли десяток. Они, оказалось, рыбу ловить ездили. На катере. Им на мороженое по двадцать копеек оставили, а они на катер сели и на остров рванули. Рыбу ловить. Иванова отвернулась куда-то, они и рванули. А когда пришли, и она увидела их, у нее кровоизлияние произошло. Инсульт называется. Болезнь такая.

Теперь Иванова на улице гулять не может. Парализовало ее после инсульта.

Федя на лоджию ее выводит. Если погода хорошая. Выведет, посадит в кресло, она и сидит.

ОСТРЫЙ ЖИВОТ

Саня попал в больницу. Случайно попал. Мужик он здоровый. Насморк только иногда бывает, а больше — ничего. А тут в больницу попал. Первый раз за тридцать лет. Его прямо с работы увезли. Он в стальцехе работает, на формовке. И все в норме было, а в буфет сходил, взял триста колбасы, сметаны стакан с коржиком, молока выпил пакет — и скрутило его. Наверно, колбаса несвежая была или сметана. Буфетчица перепугалась насмерть, «Скорую» вызвала. Ну и отвезли его. Как был в робе — так в машину и запихнули. Сказали — острый живот.

А в больнице фамилию и все такое прочее выяснили, раздели и мыть стали. Насильно. Он ни согнуться, ни разогнуться не может: боль адская, а они внимания не обращают. Моют, как покойника. Помыли, спецовку какую-то больничную выдали, Саня хотел трусы натянуть, но не успел. Вырубился. Потом чувствует, воды хочется, осмотрелся — кругом ночь и никого нету. И башка квадратная. Попробовал встать — черта с два. До утра промаялся — пока ему кто-то губы лимонной коркой не намазал.

В общем, так — сделали Сане операцию. У него язва была прободная. Сказали, еще б час — и песец котенку.

Но Саня — ничего, через три дня уже в общей палате был. Большая палата. Восемнадцать человек лежит. И что особенно — все с язвой. Один только студент с поджелудочной — он на свадьбе гулял у друга, ну и не выдержала поджелудочная. А остальные — с язвой. Кстати, боксер лежал, полутяж Юра Лыков. И откуда она, эта язва, берется? Саня же вот тоже никогда на живот не жаловался. И пожалуйста — теперь, значит, больной. Врач сказал, что с формовки уходить надо. Нельзя, сказал, в ночь работать и физически — нельзя. Саня говорит:

— Там видно будет, что нельзя, что можно, вы,— говорит,— пока лечите меня, а то из меня гной все время вытекает.

— А это так и должно,— врач говорит,— не беспокойтесь.

Саня сильно и не беспокоился, но очень ему здесь, в больнице, не нравилось. Во-первых, в палате восемнадцать мужиков, у всех желудки негодные. Попробуй полежи там. А второе, кормили паршиво. Гадостью какой-то кормили, говорили — диета такая. Если б Ирка не носила из дому — засох бы от их диеты на корню. Ребята шутили: «Лечиться даром — даром лечиться», — все им смешно. Оно, когда восемнадцать мужиков валяются без дела,— им от скуки все смешно. Вон Саню второй раз резали — от гноя чистили — еле вычухался, хуже, чем после операции было, а они смеются:

— Подумаешь тоже, гной. У одного мужика, говорят, хирург нож в брюхе зашил. Кинулся следующего резать — нет ножа. Искал, искал — нету. А нож-то казенный был, денег стоил.

Так днями и лежат — ржут, кто может. А кто не может — те просто лежат. Стонут. А вечером на второй этаж ходят. Там телевизор есть. Не цветной, конечно, и звук не работает. А показывать показывает. Изображение четкое. Если футбол или хоккей — можно смотреть, кино, конечно, непонятно без звука, а футбол — можно. А когда футбола нет, они после ужина лежа в «козла» стучат, правда, без замаха, а то врач дежурный сразу галдень поднимет — что тут, видите ли, больница у них, а не Монте-Карло какое-нибудь. Вроде бы они сами не знают, что тут у них.

Еще Ирка газеты приносила — под настроение можно читать. Оставлять только в палате нельзя. Саня раз оставил, пошел Ирке банки пустые вынести, а пришел — меньше четвертушки на тумбочке лежит. Уже, значит, попользовались. Другой же бумаги нет.

Саня недели две после операции еще как-то держался, терпел такую жизнь, а потом все ему опротивело — вонь эта, процедуры, анализы. Лежал, как колода, в потолок пялился. Вчера, правда, повеселились слегка. Когда иностранец в больницу приперся. Видно, по обмену опытом. Высоченный дядька, тощий. Из-под халата штаны видны вареные, а руки белые-белые. Ходил по больнице часа два — морщился. А за ним наших врачей — целое стадо. Впереди, значит, иностранец, рядом с ним — начальник какой-то из Москвы — тот, что иностранца этого привез,— а они всей оравой сзади. Начальник иностранцу улыбается сквозь очки ласково, на больных, что в коридор вылезли, показывает. И через каждое слово всё — фо пуэ, фо бэгэ, фо пуэ, фо бэгэ.

Больные поглядели на это.

— Тьфу,— говорят. И разошлись. На койки легли в палате, лежат.

— А интересно бы знать, что очкастый ему долбил? — кто-то из угла спрашивает.— Что по-ихнему, интересно, означает это фо пуэ, фо бэгэ?

Лежат мужики. Никто не знает. А студент койкой скрипит. Поскрипел он, поскрипел койкой этой своей и говорит:

— Травил он ему. Что эта больница для тех, кто работать не хочет и взносы в профсоюз не платит. Для бедных, то есть, больница и для нищих. Поэтому, значит, такой бардак.

Ну тут все с коек начали вставать. Те, что совсем лежачие, и то встали.

— Мы,— говорят,— в профсоюз не платим? Да мы ж всю жизнь... Мы по четыреста в месяц...

И пошли разбираться. В коридор вывалили опять, а делегация в это самое время уходить собирается. Вот мужики иностранца оттерли, а наших в угол загнали. Стоят, смотрят на них и молчат. А Юра Лыков — полутяж который — взял главврача за душу и говорит:

— Выписывай нас всех, тварь, из своей богадельни, или мы тебе ноги из жопы вырвем, а спички вставим.

У главврача губы посинели. «Я ж ничего,— говорит,— что ж это,— говорит,— такое творится в присутствии представителя Минздрава СССР?»

А мужики стоят толпой — и ни с места.

— Выписывай,— говорят,— кому сказано! В знак протеста!

Главврач видит: деваться некуда, но уже успокоился.

— Ладно,— говорит,— завтра же всех выпишу. И нарушение режима отмечу, чтоб по больничному вам не заплатили.

Хотели ребята надавать ему и вообще всем, а потом раздумали.

— Ну их,— сказали,— на фиг. Пускай живут.

НОЛЬ ГРАДУСОВ

Кроме Тихона, у Тамары Борисовны Шашель не было никого. Как-то так у нее все сложилось. И в молодости никого не было, и потом. То есть она была старой девой. А Тихон — это ее кот. Серый, тигровой масти. А живот у него кремовый. И вот этот Тихон теперь от нее ушел. Или скорее он не от нее ушел, а случайно. Она дверь не захлопнула, потому что сразу на кухню прошла, сумку с продуктами поставить, а Тихон в щель шмыгнул. А тут еще лифт, как назло, не успел закрыться. Тихон туда забежал, а на первом этаже, видно, кнопку нажали на вызов. Тамара Борисовна вниз спустилась бегом, но Тихон уже пропал. А обратно же сам он прийти не может, он же не знает, что ему на одиннадцатый этаж нужно.

И осталась Тамара Борисовна без Тихона. И вообще без никого. Она и всегда-то без никого была, почему — неизвестно. Сказать, что уродина она или змея, так нет. Женщина как женщина. А до пятидесяти почти лет дожила без никого. Старой девой. Год назад вот Тихона купила себе на Птичьем рынке за трешку. А он теперь взял и ушел. Замерзнет там, черт такой. Он же не привык к холоду. Тамара Борисовна гулять его выносила под пальто, чтоб одна голова торчала,— и то он дрожал. Он и дома-то по утрам, если форточка открытой бывала, замерзал. И всегда в постель к ней лез — греться. Уткнется мокрым носом под мышку и урчит от удовольствия и тепла. Тамара Борисовна его гладит, а он спит и урчит. Конечно, она расстроилась, когда Тихон ушел. Во-первых, на улице ноль градусов и дождь со снегом. А во-вторых, она же к нему привязалась, к Тихону. А он, подлец, ушел.

Ему-то что, он не помнит, как котенком болел. То глисты у него заводились откуда-то, то он со стола неудачно спрыгнул и лапу себе повредил, а глисты, просто непонятно — где он их брал? С кошками ведь не общался, ел все вареное, сто раз мытое. Сколько Тамара Борисовна с ним возилась! Лечила, ухаживала. Надо только на Тихона посмотреть — какой он холеный и чистый, и как шерсть на нем блестит. Теперь, наверное, он уже не такой. Измазался, наверное, весь, блох нахватался. И питается небось всякой дрянью по помойкам. А спит скорее всего в подвале. В нем, правда, крыс полно, но хоть не холодно. Тамара Борисовна ходила туда с фонарем — какие-то кошки там живут. Но Тихона как будто бы среди них нет. Не мог же он так одичать, что она его не узнала. Да и он бы должен был ее вспомнить. Год все-таки у нее жил. С самого детства. Нет, его там точно не было, в этом подвале. Может быть, в другом каком-нибудь. Здесь везде дома, и во всех домах подвалы есть. И в любом из них Тихон может прятаться. Потому что в подвалах обычно тепло бывает. От труб. Не будет же он по улице бегать. Когда там ноль градусов. Он же умный, Тихон. И холода боится. Вечно у нее под пальто дрожал. А еду он себе какую-нибудь найдет. Живут же как-то кошки бездомные. В крайнем случае мышей ловить научится. Лишь бы по помойкам не лазил. Глистов подхватит — кто его будет лечить?

Тамара Борисовна, конечно, надеялась еще найти своего Тихона. Вряд ли он далеко ушел. Наверно, тут где-нибудь живет. Может, тоже ее ищет. Бабушки-пенсионерки говорили, что приходил к подъезду кот, на ее Тихона похожий. Но он это был или не он, они не знали. Если б Тамара Борисовна жила на первом этаже или на втором, например, Тихон бы по запаху свою квартиру нашел. И главное, когда квартиру получала, жеребьевку устраивали, чтоб по справедливости, а первый этаж можно было так выбрать, любую квартиру. Но она не захотела на первом этаже жить, думала — одна все же, а тут первый этаж. Страшновато. И не взяла. Одиннадцатый по жребию вытащила и с самой лучшей планировкой. Кухня — девять метров, комната — восемнадцать. Радовалась тогда, что повезло, потому что в доме и пятиметровые кухни были, и окна — на трассу. А в ее квартире — во двор. Знала бы, что Тихон у нее будет и уйдет, конечно, согласилась бы на первый этаж. Брать-то у нее, если подумать, нечего. И сама она тоже... Кому нужна? И раньше не нужна была, а теперь и говорить глупо об этом. Теперь даже сослуживицы косятся. Говорят, вполне без нее обойтись можно. Уже и сократить пробовали. Спасло только то, что тридцать лет она на одном месте работает. Из техникума в девятнадцать пришла в лабораторию и до сих пор работает. И всех всегда устраивала. Хотя они, сослуживцы, правы. Как Тихон ушел, ей не до работы стало. Думает о нем все время. А работа ее внимания требует. Она же у микроскопа целый день. Ну, и ошибается само собой, раз о другом думает. Да если б только на работе. Она и в выходные, и по вечерам Тихона ждет. Вроде понимает, что не может он прийти, а ждет.

По подвалам, правда, ходить Тамара Борисовна перестала. Потому что все равно не найдешь его там: разбегаются кошки, когда человек в их подвал лезет, и потому еще, что нарвалась недавно. Еле целая осталась. В какой-то очередной раз полезла она в подвал, который через пять домов от ее дома, спустилась, а там, в подвале, свет горит, штанги, гири стоят, маты постелены — для борьбы, наверно, а на матах мальчики и девочки молоденькие совсем лежат, ну и все вместе... А в углу двое в карты играют. Девчонка между ними раздетая, а они на животе у нее играют. Увидели Тамару Борисовну, карты бросили девчонке этой на живот и встали.

— Чего тебе, бабка? — один из них спрашивает.

Тамара Борисовна говорит:

— Ничего. Я Тихона своего ищу.

— Вали отсюда,— этот мальчик говорит.— Нет здесь никакого Тихона. А не то мы тебя тоже сейчас тут положим,— и смеются. И громче всех девочка та, на которой они играли, заливается.

Тамара Борисовна к выходу попятилась, а этот, что выгонял ее, подошел к одной паре на матах, пнул их носком ботинка и говорит:

— Я сколько раз повторять буду, что в двери замок стоит? И закрывать его должны последние.

Он еще попинал ногами эту пару, но они на него и внимания не обратили. И другие тоже не обратили. А Тамара Борисовна спиной, спиной — и за дверь. И опять замок открытым остался.

После этого случая Тамара Борисовна сказала:

— Все. Хватит. В воскресенье иду на рынок и покупаю себе нового Тихона.

Только сказала, Тихон и объявился. Сидел возле дома и ждал ее с работы. Грязный, конечно, тощий, но — он. И с ним кошка какая-то незнакомая рядом сидела. Тоже грязная и худая. Тамара Борисовна схватила Тихона на руки и чуть не целует. А Тихон мяучит и вырывается. Она его держит, а он царапается. Потом извернулся и выскользнул из рук. Но не убежал, а в подъезд пошел. И кошка за ним пошла. И Тамара Борисовна. В лифт вошли, поднялись, Тамара Борисовна дверь отперла, пальто сбросила — и к холодильнику. А Тихон с кошкой сидят в прихожей, ждут. Вынула она колбасу, рыбу, хлеб маслом намазала, молока в тарелку налила. И отошла. Тихон кошке кивнул, и они вместе на еду набросились. Едят, ворчат, друг друга отталкивают. Поели и еще просят. Тамара Борисовна остаток колбасы им скормила, а потом консервов открыла банку. Слопали они это все, молоко допили, и Тихон о ее ногу потерся, спасибо, значит, сказал. А подруга его, кошка, умылась, подошла к входной двери и просится, чтоб ее выпустили. Тамара Борисовна дверь отворила, кошка вильнула хвостом и выбежала. А Тихон — за ней. Тамаре Борисовне дверь бы надо было сразу захлопнуть, а она не сообразила. На площадку выскочила, а они — по лестнице вниз. Тамара Борисовна лифт вызвала, съехала в нем — какое там! Ни Тихона, ни кошки. Одни бабушки-пенсионерки у подъезда гуляют и возмущаются.

— Развели,— говорят,— котов, прямо жизни от них никакой нет.

Постояла Тамара Борисовна немного на тротуаре и домой вернулась. Она же без пальто выскочила, а на улице холодно. Ноль градусов всего.

Заместитель министра внутренних дел Корейской Народно-Демократической Республики генерал-лейтенант КАН САН ХО (Иван Афанасьевич Кан). Снимок 1956 года.

ИВАН АФАНАСЬЕВИЧ МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ,

ИЛИ НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИДЕЯХ ЧУЧХЕ

«Тирания, это ужасное и гнусное бедствие, обязано своим происхождением только тому, что люди перестали ощущать необходимость в общем и равном для всех законе и праве. Некоторые люди, неспособные судить здраво, думают, что причины появления тиранов — другие и что люди лишаются свободы без всякой вины с их стороны, только потому, что подверглись насилию со стороны выдвинувшегося тирана. Однако это ошибка... Как только потребность в общем для всех законе и праве исчезает из сердца народа, на место закона и права становится отдельный человек... Поэтому некоторые люди не замечают тирании даже тогда, когда она уже наступила».

Неизвестный греческий философ V века до н. э..*

Поразительная все-таки у нас страна. Чего только и кого не встретишь на ее «бескрайних» просторах. Смотрю на своего собеседника и с трудом верю в только что услышанное. Ему 81 год, но для своего почтенного возраста Иван Афанасьевич выглядит вполне бодро. Что вообще-то удивительно, учитывая все головокружительные взлеты и падения, какими сопровождался его путь. Иван Афанасьевич — наш советский гражданин, родился в Приморье, был крещен в православную веру, словом, все как у людей. Но на закате Отечественной войны судьба его вдруг сделала крутой поворот: он стал гражданином Северной Кореи, где звали его по-корейски Кан Сан Хо. Без малого пятнадцать лет пробыл Иван Афанасьевич в КНДР, дослужившись до звания генерал-лейтенанта и занимая пост заместителя министра внутренних дел этой страны — родины его предков.

— Честно говоря, Иван Афанасьевич, я, пожалуй, впервые слышу о такой невероятной карьере. Советский человек и вдруг крупный правительственный чиновник в чужом государстве...

— Это как сказать... В 45-м, насколько я теперь понимаю, Сталин рассматривал север Корейского полуострова вроде как свою вотчину. Не надо забывать, что в августе 45-го в составе Советской Армии в Северную Корею вошли очень многие советские корейцы. До этого корейцам не разрешалось служить в Советской Армии. И только со второй половины 45-го года военкоматы Казахстана, Узбекистана и Дальнего Востока, где проживала основная масса корейцев, начали призывать их на военную службу. Конечно, это делалось в видах планировавшихся операций на Корейском полуострове. Советские корейцы, коммунисты, вначале находились в подчинении начальника гражданской администрации Советской Армии в Северной Корее генерала Романенко, а потом стали работать в провинциальных комендатурах, во вновь образованных органах власти. В 46-м по просьбе оргбюро Компартии Северной Кореи ЦК КПСС передал на постоянную работу в КНДР целую группу партийных работников корейской национальности. Такие просьбы повторялись еще трижды, так что на очень многих ключевых постах в партии и государстве оказались корейцы, присланные Сталиным, и я в их числе.

— А я, между прочим, слышал, что и Ким Ир Сен — вовсе не коренной кореец, а на самом деле он родом из Узбекистана. В Корею же его привезли по указанию Сталина.

— Чушь! Он родился в Мангендэ — это местность недалеко от Пхеньяна. В 48-м году — я тогда уже работал в Корее — он меня пригласил на церемонию перезахоронения праха его родителей. Там, в Мангендэ, я познакомился с его родственниками. Так что ни о каком Узбекистане речи нет. Ну а насчет Сталина... Доля истины в этом есть. Дело в том, что Ким Ир Сен был слишком незначительной фигурой на фоне других политических деятелей того времени. Без поддержки Сталина у него, конечно, не было ни малейшего шанса выдвинуться. Ведь кем он был вначале? Рядовым партизаном Первой объединенной партизанской армии, которой командовал Ян Ден Уй. Потом, правда, дослужился до командира дивизии, но разве это уровень для руководителя целой страны? Для политика такого ранга багаж был явно недостаточным.

Но Сталин желал иметь во главе КНДР послушного ему человека. Вот тогда и появился Ким Ир Сен. Его доставили в порт Вонсан в сентябре 45-го из Владивостока на советском пароходе. Понятно, что в условиях, когда весь Север контролировался Советской Армией, воцарение Ким Ир Сена не составило никакого труда — я служил тогда инструктором политотдела, занимаясь связями с местным населением, и получил прямые указания всячески рекламировать Ким Ир Сена. Ну а если Отец и Учитель, я разумею Сталина, велел, то мы соответственно старались как могли всеми силами поддержать Ким Ир Сена, поскольку нам были даны соответствующие директивы. Очень многие советские корейцы остались в Северной Корее в 49-м году, когда Советская Армия ушла из КНДР. Все мы приняли корейское гражданство и «превратились» в членов Трудовой партии Северной Кореи. Так что на ситуацию в партии и в стране мы могли влиять очень серьезно, что в конечном счете и делалось...

— То есть, насколько я понимаю, явление Ким Ир Сена корейскому народу есть дело наших рук?

— Ну, в общем, конечно, так. Основная заслуга Сталина. Мы-то что... Мы были простыми исполнителями велений партии. Я разумею КПСС.

— Иван Афанасьевич, но в таком случае мне не совсем понятно, каким макаром он добился такой безграничной власти? Ведь кругом были люди, знавшие истинную цену этому сталинскому выдвиженцу...

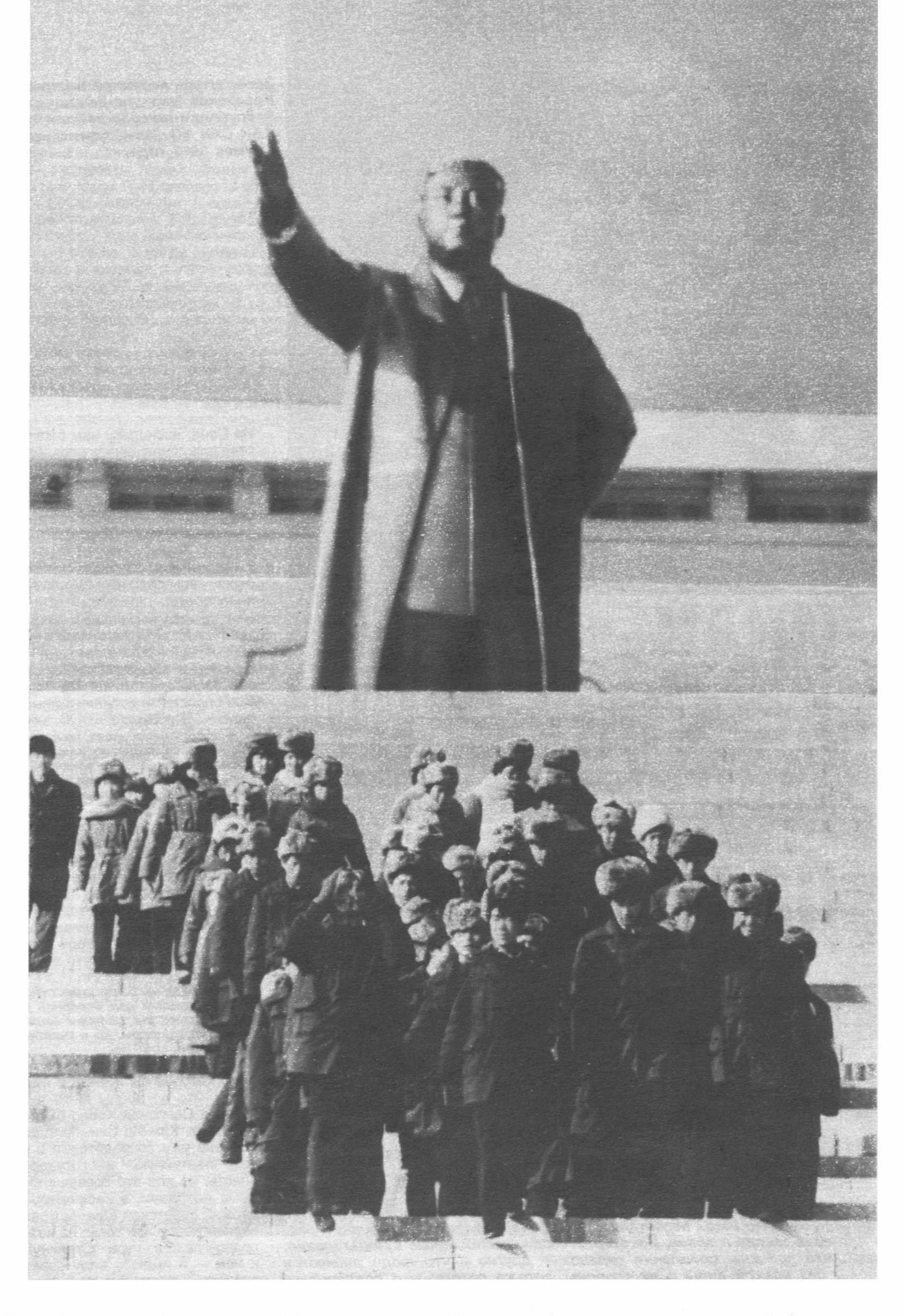
— Но мы-то, повторяю, его поддерживали по указанию Сталина. Да и нужно признать, что он оказался на редкость способным учеником. Великий Вождь повел борьбу за власть испытанными сталинскими методами: возможным соперникам навешивались политические ярлыки, «заговор» следовал за «заговором», словом, что я вам рассказываю...

— Но ведь вы были заместителем министра внутренних дел Северной Кореи. Таким образом, вы должны были быть не только свидетелем, но и участником этих трагических событий...

— Я и был, только не в том качестве, которое вы имеете в виду... Дело в том, что до войны 50-го года обстановка в Северной Корее была в целом здоровой. Ким Ир Сен, правда, к этому времени уже сосредоточил в своих руках партийную и государственную власть, но все это совершилось законными методами, в кабинетах, при поддержке советской администрации в Северной Корее. Он тогда на каждом углу провозглашал «ура Сталину!», а уж к нам — я имею в виду советских корейцев — относился как отец родной. Сколько раз он при мне говорил, мол, что бы я без вас делал! Я, говорит, умею стрелять, по сопкам бегать, а опыта практического руководства у меня никакого. Словом, не разлей водой. Но когда после XX съезда начались разоблачения сталинских преступлений, он почувствовал прямую угрозу своей безграничной власти. Его-то культ был скопирован со сталинского едва ли не до мельчайших подробностей. Но мы, те, кто приехал из СССР, поддержали хрущевские инициативы, ведь все мировое коммунистическое движение положительно оценило борьбу с последствиями культа личности, за исключением Китая. Понятно, что он постарался избавиться от нас. Раньше-то мы молчали, а теперь?.. Ну и началось... В 50-х были репрессированы многие партийные и государственные работники, военачальники, дипломаты, деятели литературы и искусства, ученые. Эта волна уже не останавливалась до конца моего пребывания в КНДР. И вполне естественно, что я и сам попал под этот паровоз.

— Вы были репрессированы?

* Цитируется по книге С. Я. Лурье «Архимед», Л., изд. АН СССР, 1945.

— Я в рубашке, считайте, родился. До сих пор — хотя уже прошло больше тридцати лет — я не могу прийти в себя, когда вспоминаю о так называемой «идеологической проверке», которой меня подвергли в числе сотен тысяч корейцев. То, что мне удалось вырваться на Родину,— это совершенно невероятное везение, какое-то фантастическое стечение обстоятельств. Я ведь, надо признать, занимал довольно высокое положение в партийно-государственной иерархии. Когда, после ухода Советской Армии, я по просьбе ЦК ТПК и с разрешения ЦК КПСС остался в КНДР, меня назначили заместителем председателя комитета ТПК провинции Канвон. В 51—52-м годах я работал директором школы по подготовке кадров при Совете министров КНДР, а в 53—54-м — директором Центральной партийной школы. Но уже летом 54-го ЦК ТПК утвердил меня в должности заместителя министра внутренних дел КНДР и начальника политуправления МВД в звании генерал-лейтенанта. На этом месте я проработал три года, до конца 57-го, когда меня отозвали с занимаемых должностей и направили в качестве главы корейско-китайской стороны в военную комиссию по перемирию на переговоры с южнокорейцами и американцами. А вы, я думаю, понимаете: чем выше сидишь, тем больнее падать... Вот я и считаю, что родился в рубашке: счастливо отделался одной идеологической проверкой.

— А что это за проверка?

— Это такая утонченная форма энкэвэдэшного допроса.

В мае 59-го меня вдруг вызвал к себе начальник Главпура Корейской армии. Мне было объявлено, что решением ЦК я освобожден от занимаемой должности и в ближайшие дни последует новое назначение. В течение трех месяцев мне морочили голову бесконечными отсрочками решения, что могло для меня означать только одно — скорый арест. Это был самый пик «охоты» за выходцами из СССР. За мной следили, причем слежка была настолько явной, что не заметить ее было попросту невозможно. Понимая, что шансов на спасение у меня ничтожно мало, я все-таки решил воспользоваться весьма призрачной возможностью — попросить разрешения на возвращение в СССР. Вот я и написал письмо с такой просьбой на имя Ким Ир Сена.

— Храбрый вы человек...

— Самое поразительное, что вскоре мне объявили о положительном решении вопроса: мне было разрешено вернуться на Родину, где оставались мои дети и родственники. Оставались какие-то формальности, но, честно говоря, я был не настолько наивен, чтобы поверить в столь благополучный исход дела. Что-то говорило мне: так просто меня не отпустят... Так и оказалось. Сначала в клубе МВД состоялось многолюдное собрание, на котором мне было предложено заняться самокритикой. Я тут же признал, что в свое время плохо организовал среди сотрудников МВД пропаганду знаменитых идей Чучхе, родившихся в голове Великого Вождя, покритиковал свою приверженность к преферансу по выходным в компании нескольких приятелей, признал ошибочность своих выходов на охоту. В ответ мне предложили поделиться соображениями о моей антипартийной деятельности. Я сказал, что по этому поводу никакой информацией не располагаю. Тогда председательствовавший заявил, что я не подготовился к самокритике должным образом, закрыл на этом собрание, а мне предложил явиться на следующий день в политуправление МВД. И вот в течение трех с половиной месяцев меня круглосуточно допрашивали три смены следователей.

— То есть как «круглосуточно»? Без перерывов?

— Прерывались только на время еды. Спать не разрешалось, причем на допросах я все время должен был стоять. В качестве обвинений мне предложили сущий бред вроде того, что по моему приказу имевшееся в центральной школе МВД оружие должны были запихать в доменную печь, чтобы таким вот способом обезоружить сотрудников МВД!..

С точки зрения моих следователей, очень серьезной диверсией была публикация в апрельском номере газеты МВД редакционной статьи под названием «Культ личности не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом», появившейся в день рождения Любимого Полководца. Критика культа личности — это хрущевский ревизионизм. А поскольку план редакционных статей был утвержден лично мной, я, таким образом, попал в разряд ревизионистов. Сюда же подверстали и единственное обвинение, которое я признал,— слабую пропаганду идей Чучхе.

— Вот видите, значит, не зря вас песочили... Сами признаете, что с идеями Чучхе у вас непорядок. Поэтому ловлю вас на слове и прошу мне вкратце растолковать, что же это за чудодейственная панацея, которая, насколько я могу судить по журналу «Корея сегодня», в самом ближайшем будущем превратит Северную Корею, а за ней и весь мир в процветающий коммунистический рай. Или я не прав?

— Вопрос, конечно, интересный. По категорическому утверждению Великого Вождя идеология Чучхе есть особый вариант коммунистической теории, подходящий для Северной Кореи. По сути, эта «система» ничего общего с марксизмом не имеет. Слово «Чучхе» состоит из двух иероглифов: «Чу», означающего хозяина или монарха, и «Чхе», что значит «тело» или «организм». Из этого сочетания и вытекает содержание идей Чучхе. Они пропагандируют, во-первых, полную самостоятельность и независимость, отказ от любой помощи извне и, во-вторых, высшую роль вождя, читай, монарха.

В незабвенных «Указаниях Великого Вождя товарища Ким Ир Сена о революции и строительстве» прямо сказано, что «эта идеологическая система содержится в идеологии Чучхе. В политике это суверенитет, в экономике — самостоятельность, в обороне — самозащита». А в подробном издании «О революционной идеологии товарища Ким Ир Сена» есть такое глубокое откровение о роли единоличного руководителя: «Каждая страна должна иметь своего вождя, рабочие и весь народ должны вооружиться идеологией своего вождя, чтобы добиться единства теории и практики. Такая идеология является основой бесконечной преданности народа своему вождю, уверенности в победе в любых начинаниях». Понятно, что этими оригинальными мыслями Выдающийся Теоретик поделился с миром в надежде укрепить свою власть. Под лозунгом идей Чучхе народ в КНДР неустанно подбивают на трудовые подвиги. К сожалению, объективные экономические законы никак не вяжутся с идеями Чучхе, что, очевидно, и является причиной тяжелейшего экономического положения Северной Кореи.

Надо сказать, что на пропаганду идей Чучхе уходит немало денег. Эта идеология — штука дорогая: во многих странах на средства КНДР были открыты институты по изучению идеологии Чучхе. Так что это не какое-нибудь легкомыслие, а идеи, заработанные потом и кровью всей страны.

— Я вижу, что со времени идеологической проверки вы исправили недостатки в пропаганде идей Чучхе и пересмотрели свою ошибочную позицию. Думаю, что, если бы вы так владели материалом во время допросов, дело бы ваше завершилось к общему удовольствию. Впрочем, ведь, судя по тому, что мы с вами сейчас беседуем, так оно и произошло? Вас отпустили?

— Отпустили. Предварительно доведя до полного нервного и физического истощения. В финале этой проверки меня склоняли отказаться от возвращения в СССР, но я твердо стоял на своем, говоря, что я инвалид и неспособен к физической работе, к умственной же я вернуться после трехмесячной «проверки» не смогу никогда, а на Родине, мол, у меня дети и родственники, которые возьмут меня на иждивение. Но, честно говоря, даже и после того, как в советском консульстве мы с женой получили въездную визу в СССР, и даже вплоть до советской границы я все еще не верил, что мне удалось вырваться. Ведь десятки, сотни моих друзей, сослуживцев, соотечественников сгинули в тюрьмах и на каторге вместе со своими женами и детьми. Когда мы переехали границу, помню, мы с женой в купе тихо запели «Широка страна моя родная», только теперь поняв, что это не сон. Но как болело сердце за тех, кто никогда не вернется, кто уже отмучился и кому еще предстоят эти тяжкие мучения...

— Иван Афанасьевич, хотел бы спросить вас о Корейской войне, о которой вы упоминали. Дело в том, что, когда я занимался подготовкой к печати фрагментов из «Воспоминаний» Никиты Сергеевича Хрущева, цензура, еще существовавшая в тот период, запретила нашему журналу публикацию отрывка, где речь шла о начале войны 50-го года. В этом фрагменте Хрущев прямо называет инициатором войны Ким Ир Сена, категорически утверждая, что именно от него исходило предложение «прощупать штыком Южную Корею», предложение, адресованное Сталину, который благословил эту инициативу. Несмотря на наши возражения, цензор снял эту часть публикации, и только теперь мы имеем возможность предложить ее читателям. Я хочу узнать ваше мнение — мнение очевидца. Ведь вы в тот момент находились непосредственно в КНДР.

— Надо вам сказать, что незадолго до начала этой братоубийственной войны все средства массовой информации Севера развернули широкую пропаганду усилий руководства КНДР в деле мирного объединения страны, тех якобы мирных предложений, с которыми Ким Ир Сен неоднократно обращался к администрации Южной Кореи. В то же время ни дня не проходило без возмущенных сообщений о вооруженных провокациях южнокорейцев. Газеты твердили, что Ли Сын Ман стремится объединить страну силой оружия. Все издания обошла фотография госсекретаря США Даллеса, который показывал в сторону Севера, находясь рядом с 38-й параллелью. Подпись к ней сообщала, что вот таким манером Даллес приказывает американской марионетке Ли Сын Ману напасть на КНДР. Таким образом, все население, и я в том числе, было уверено, что скорой войны не избежать и что начнется она, несомненно, по инициативе Юга, продавшегося американцам.

— Какую должность вы занимали в тот период?

— Я в то время работал заместителем председателя комитета ТПК провинции Канвон. В мае 50-го я уехал в командировку в уезд Енчон. Сюда, в непосредственное соседство с 38-й параллелью, только что были введены из Китая две дивизии, состоявшие из военнослужащих исключительно корейской национальности. Я, естественно, решил, что это превентивная мера северокорейского руководства на случай военных действий.

В июне я приболел и попал в центральную больницу в Пхеньяне. В одно время со мной там лежали несколько высокопоставленных партийных и государственных деятелей. Мы часто собирались вместе и обсуждали положение в стране в связи с явными признаками приближения войны. И вот вдруг накануне выписки в 2 часа ночи меня вызывают к телефону. Звонил первый секретарь ЦК ТПК, предложивший мне немедленно явиться к председателю Совета министров, то есть к Ким Ир Сену. Когда я вошел в кабинет, там уже полностью собрался весь Совет министров и ряд приглашенных лиц. Ким Ир Сен сейчас же сообщил о том, что два часа тому назад, в час ночи, южнокорейская армия открыла огонь вдоль всей 38-й параллели. В связи с этим нападением он, как верховный главнокомандующий, отдал приказ о контрнаступлении. Все единогласно проголосовали за утверждение этого приказа.

28 июня я приехал в приграничный уезд Хвачен. Честно говоря, я был немало озадачен полным отсутствием следов военных действий на северном берегу реки Хвачен, по которой проходила разграничительная линия. На нашей стороне не было ни разрушений, ни воронок от разрывов снарядов или мин, ни одного убитого или раненого?! На другом берегу начиналась Южная Корея. Туда-то, в город Чунчен, центр провинции Южный Канвон, только что освобожденный нашими доблестными войсками, я и направился. По мере продвижения на юг мне все чаще стали попадаться разгромленные военные объекты южан, судя по всему застигнутых врасплох,— тут и там стояли пушки с полным боекомплектом, лежали десятки неубранных трупов солдат южнокорейской армии.

— Вообще официальная история умалчивает о причинах этого удивительного провала «агрессора», ведь, как правило, нападающая сторона имеет преимущество, особенно в первый, начальный период военных действий, тут же все было наоборот: через три дня (!) Сеул был занят армией КНДР...

— Вот-вот. Я вообще ломал голову: как странно повели себя американцы, с одной стороны, приказав Ли Сын Ману напасть на Север, а с другой — эвакуировав все свои войска из Южной Кореи за исключением одной-единственной дивизии, командир которой — Тин — ко всему еще и оказался в плену?! Словом, надо быть слепым или идиотом, чтобы не понять, что войну, несомненно, начал Ким Ир Сен. Именно он должен нести полную ответственность перед корейским народом за развязанную им гражданскую войну, когда брат пошел на брата и сын на отца.

— Скажите, вы информированы о нынешнем положении в КНДР?

— Очень слабо. Дело в том, что достоверная информация оттуда практически не поступает. Те, кого выпускают за рубеж, во избежание репрессий предпочитают молчать об истинном положении вещей. Иностранцам же удается увидеть только то, что дозволено властями. В Северной Корее запрещены любые несанкционированные, неподконтрольные власти контакты местных жителей с иностранцами. Передвижения внутри страны тоже запрещены. Скажем, для посещения родственников необходимо получить специальное разрешение на отлучку с места жительства, что архитрудно. Экономическое положение катастрофично. На человека ежедневно выделяется 700 граммов риса, но и того не дают. Мясо полагается только трижды в году: в день образования республики, в день рождения Великого Вождя и в день рождения Уважаемого Руководителя — сына и наследника. Население полностью лишено коротковолновых приемников и зарубежных изданий — правдивая информация не поступает в страну. КНДР погрязла в огромных задолженностях иностранным государствам. В 70-х годах Швеция и Австрия отозвали из Пхеньяна своих послов в виде протеста за непогашенные долги. По различным оценкам, другим европейским странам Северная Корея должна от 3 до 4,5 миллиарда долларов. Задолженность Советскому Союзу, по сведениям «АиФ», на начало ноября 89-го года составила 2,2 миллиарда рублей. Великий же Вождь со своим отпрыском — Уважаемым Руководителем — непыльно проводит время в роскошном особняке у горы Моранбон, впрочем, время от времени выезжая в уютные резиденции, разбросанные в самых здоровых и живописных местностях страны. Не забыл Любимый Полководец и своих многочисленных родственников, причем не только живых, но и мертвых. Если первые дружной гурьбой толпятся у трона, распределив в своей, так сказать, «мишпухе» самые хлебные места, то вторым сооружены внушительные монументы...

— Как вы считаете, возможны ли там какие-то перемены?

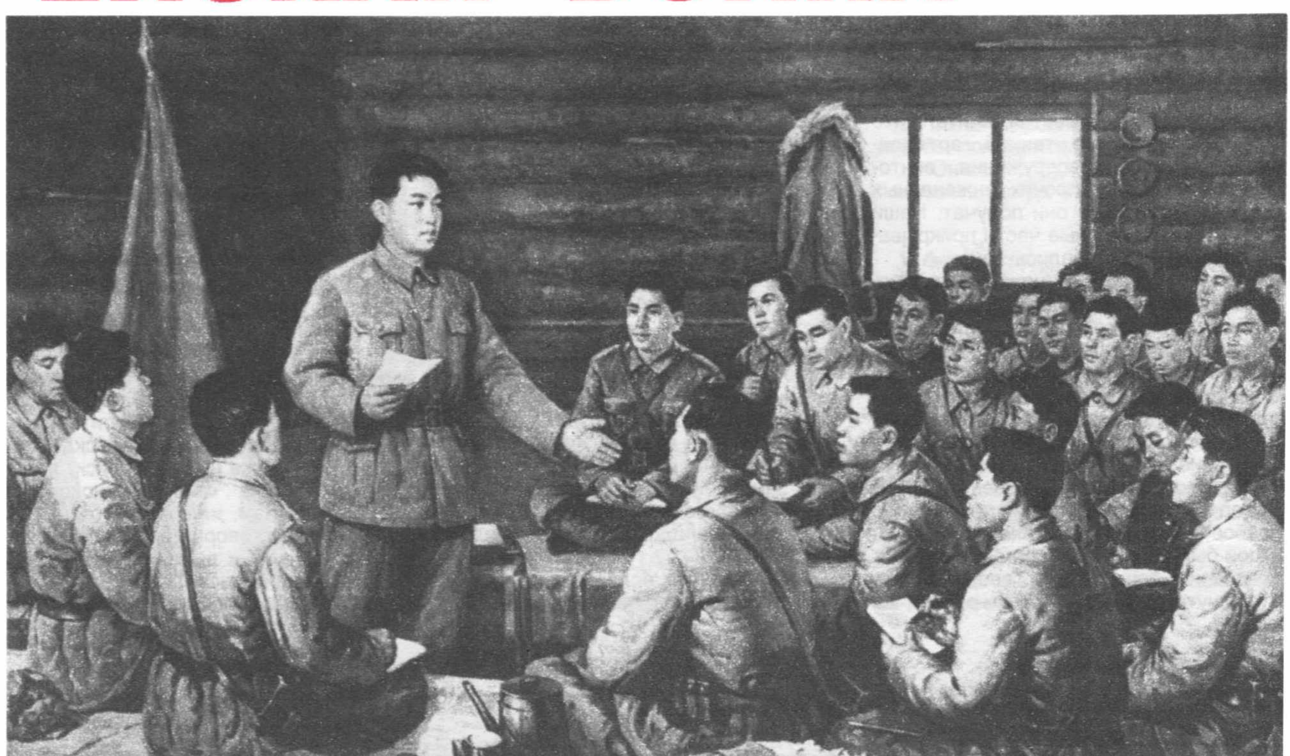
— Боюсь, что на сегодняшний день изменения там маловероятны. Тюрьмы еще при мне были заполнены под завязку, а с тех пор, насколько мне известно, построены новые. По-прежнему бесследно исчезают люди. На наши многочисленные запросы о судьбе бывших советских корейцев нам неизменно отвечали либо пустой и наглой демагогией, либо полным молчанием. Дети, родственники, оставшиеся в СССР, по сей день ничего не знают о судьбах своих близких. Словом, поводов для оптимизма я не вижу. С другой стороны, перемены, происходящие в мире, слишком всеохватны, чтобы не затронуть каким-то образом и Северной Кореи.

Беседу вел Константин СМИРНОВ.
Чимкент — Москва.

Никита Сергеевич ХРУЩЕВ

КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА

(Из «Воспоминаний»)

Хочу рассказать о том, чему я сам был свидетелем. Кажется, в 1950 году, когда я уже начал работать в Москве или чуть раньше, еще до моего переезда в Москву, приезжал Ким Ир Сен со своей делегацией. Он вел беседу со Сталиным и там поставил вопрос, что они хотели бы прощупать штыком Южную Корею. Он говорил, что при первом толчке из Северной Кореи там произойдет внутренний взрыв и восстановится народная власть, то есть такая же власть, какая была в Северной Корее.

Естественно, Сталин не мог противостоять этому. Это импонировало и сталинской точке зрения, его убежденности как коммуниста, тем более это внутренний корейский вопрос: Северная Корея хочет подать руку своим бра-

тьям, которые в Южной Корее находятся под пятой Ли Сын Мана.

Ким Ир Сен докладывал Сталину и был совершенно уверен в успехе этого дела. Я помню, Сталин тогда выражал сомнения: его беспокоило, ввяжется ли Америка или она пропустит это мимо ушей. Склонились к тому, что если это быстро будет сделано (Ким Ир Сен был уверен, что это будет сделано быстро), то вмешательство США уже будет исключено.

Сталин все-таки решил запросить мнение Мао Цзэдуна о предложении Ким Ир Сена. Я должен заявить, что это было не предложение Сталина, а предложение Ким Ир Сена. Он был инициатором. Сталин, конечно, его не сдерживал.

Я считаю, что и никакой коммунист не стал бы его сдерживать в таком порыве освобождения Южной Кореи от Ли Сын Мана, от американской реакции. Это противоречило бы коммунистическим мировоззрениям. Я не осуждаю Сталина за это, а, наоборот, я полностью на его стороне. Я и сам бы, наверное, тоже принял бы это решение, если мне было бы нужно решать.

Мао Цзэдун ответил тоже положительно. Я сейчас дословно не помню, как формулировался запрос Сталина, но, по-моему, он спрашивал его: как он относится к существу этой акции и вмешаются США или не вмешаются. Мао Цзэдун ответил одобрением на предложение Ким Ир Сена и выразил мнение, что США, видимо, не вмешаются, так как это внутренний вопрос, который решается самим корейским народом.

Я помню, за обедом на даче много шутили. Ким Ир Сен рассказывал о быте корейцев, говорил о климате Кореи, о хороших условиях выращивания риса, о рыбной ловле. Одним словом, он много рассказывал хорошего о Южной Корее. Он говорил, что после воссоединения Юга и Севера Корея станет полноценной и она будет иметь возможность обеспечить сырьем свою промышленность за счет Севера и обеспечит потребность народа в пище за счет рыбной ловли, риса и других сельскохозяйственных культур, которые в изобилии имеются в Южной Корее. Мы желали успеха Ким Ир Сену и всему руководству Северной Кореи и ожидали, что этот успех будет реально завоеван.

Мы и до этого давали вооружение Северной Корее. Сейчас мы не обсуждали, какие средства вооружения были в связи с этим выделены Северной Корее. Мне это было неизвестно, но я, само собой разумеется, считал, что нужное количество танков, артиллерии, стрелкового вооружения, винтовок, пулеметов и прочих инженерных и зенитных средств они получат. Наши воинские авиационные части прикрывали Пхеньян и оставались там.

Настал момент, и началась война. Нужно сказать, что война была начата успешно и северокорейцы быстро продвигались вперед. Но того, что предполагал Ким Ир Сен, что при первых выстрелах будет внутренний подъем, восстание и будет свергнут Ли Сын Ман, этого, к сожалению, не произошло. Очищение от Ли Сын Мана и его клики проходило путем продвижения войск Северной Кореи. Сопротивление было слабое; Ким Ир Сен оказался прав: строй был непрочный и сам себе не мог обеспечить защиты. Это говорит о том, что внутри Южной Кореи режим не пользовался поддержкой, но внутренних сил для восстания не хватило. Видимо, все-таки организационная работа была поставлена слабо, а Ким Ир Сен считал, что Южная Корея вся покрыта партийными организациями, которые только ждут сигнала и тут же подымут народ на восстание. А восстания не получилось.

Заняли Сеул, и армия быстро и очень успешно продвигалась вперед. Мы все радовались и желали Ким Ир Сену успехов, потому что это была освободительная война и это была война классовая: рабочие, крестьяне, интеллигенция под руководством Трудовой партии Северной Кореи, которая стояла и стоит на социалистических началах, боролись с капиталистами. Это прогрессивное было явление.

Но в конце концов, когда армия Ким Ир Сена подошла к Пусану, не хватило духу. Его надо было взять, и война бы кончилась. Таким образом, была бы единая Корея, безусловно, социалистическая, более мощная, с богатой промышленностью, сырьем и сельским хозяйством.

Увы, этого не произошло. Противник воспользовался тем, что Ли Сын Ман организовал сопротивление в Пусане и подготовил войска для высадки десанта. Десант был высажен, и создались очень тяжелые условия.

Собственно, вся армия, которая была на юге, была отрезана этим десантом и все вооружение, которое там было, досталось Ли Сын Ману. Одним словом, настал катастрофический момент для Северной Кореи. Нависла угроза катастрофы над Северной Кореей.

Мне совершенно было непонятно, почему Сталин отозвал всех наших советников, которые были в дивизиях, а может быть, и в полках, когда Ким Ир Сен готовился к походу. Он отозвал всех советников, которые консультировали и помогали строить армию.

Я тогда сказал об этом Сталину, и он очень враждебно реагировал на мою реплику: «Не надо. Они могут быть захвачены в плен. Мы не хотим, чтобы были данные для обвинения нас в том, что мы участвуем в этом деле. Это дело Ким Ир Сена».

Таким образом, наших советников там не было. Это поставило армию в тяжелые условия. Когда уже завязались упорные бои, я очень переживал: мы получали донесения о трагичном состоянии Ким Ир Сена.

Я очень сочувствовал Ким Ир Сену и опять предложил Сталину: «Товарищ Сталин, почему бы нам не оказать более квалифицированную помощь в виде советов Ким Ир Сену? Ким Ир Сен сам человек не военный, партизан, но он революционер, который хочет воевать, хочет драться за свой народ, освободить всю Корею. Хочет, чтобы она была свободной и независимой. Он сам не военный человек, а тут наступает война уже с американскими частями.

Вот Малиновский. Он командует сейчас Дальневосточным военным округом. Почему бы где-то в Корее сейчас не посадить Малиновского с тем, чтобы он инкогнито разрабатывал военные операции, давал бы указания и тем самым оказывал помощь Ким Ир Сену?»

Сталин очень остро реагировал на мои замечания. Я был поражен: ведь Сталин благословил Ким Ир Сена, не сдерживал, а вдохновлял его на этот путь.

Я считаю, что если бы Ким Ир Сен получил еще один, максимум два танковых корпуса, то он ускорил бы продвижение на юг и с ходу занял бы Пусан. Война бы кончилась. Потом американская пресса говорила, что если бы Пусан был занят с ходу, то якобы было решено не вмешиваться вооруженными силами со стороны США. Но этого не произошло.

Была большая заминка, и тогда был нанесен удар десантными войсками США. Они отбили Сеул, продвинулись дальше, перешли 38-ю параллель, разграничительную линию, которая была установлена при капитуляции Японии. Наступило катастрофическое положение для Северной Кореи, для Ким Ир Сена.

Наш посол писал очень трагичные донесения о душевном состоянии Ким Ир Сена. Ким Ир Сен уже собирался уйти в горы, опять вести партизанскую войну.

Когда нависла угроза, Сталин смирился с тем, что Северная Корея будет разбита и что американцы выйдут на нашу границу.

Я отлично помню, как Сталин в связи с обменом мнениями по обстановке, которая сложилась в Северной Корее, сказал: «Ну, что же? Пусть теперь будут нашими соседями на Дальнем Востоке Соединенные Штаты Америки. Они туда придут, но мы воевать сейчас с ними не будем. Мы воевать не готовы».

Никто больше никаких реплик ему не подавал, и вопрос считался за Сталиным. Я говорю «за Сталиным» условно, потому что наших войск там не было.

Если наши войска там и были, то они только лишь прикрывали аэродромы. Я сейчас даже точно не помню, были ли эти аэродромы на территории Северной Кореи, или эти аэродромы располагались на территории Маньчжурии. Мы занимали тогда Порт-Артур.

На первых порах, когда завязалась война, наша авиация успешно справлялась с задачей, которая была поставлена, по прикрытию городов и электростанций. Она не допускала бомбежки и сбивала американцев. В основном тогда наша авиация была вооружена истребителями МИГ-15. Это был новый наш истребитель с реактивным двигателем. Очень маневренный и очень хороший истребитель. Американцы в ходе войны перевооружили свою авиацию, ввели новый истребитель, который был более быстроходен и более мощен. Против этих истребителей наш МИГ-15 был слаб, и мы стали терпеть поражения. Американцы прорывались и бомбили безнаказанно. Мы уже не обеспечивали прикрытия и утеряли свое господство в воздухе.

Когда создалось такое трагическое положение для Северной Кореи, вдруг прибыл Чжоу Эньлай. Я не присутствовал при его встрече со Сталиным. Сталин был тогда на юге, и Чжоу Эньлай прямо полетел туда. Об этих переговорах я узнал уже позже, когда Чжоу Эньлай улетел.

Сталин, когда вернулся в Москву, рассказывал, что Чжоу Эньлай прилетел по поручению Мао Цзэдуна посоветоваться, как быть. Он спрашивал Сталина, выдвигать ли на территорию Северной Кореи китайские войска, чтобы (у корейцев уже не было войск) преградить путь на север южнокорейцам и американцам, или же не стоит.

Сперва, поговорив со Сталиным, они вроде пришли к выводу, что Китаю не стоит вмешиваться. Потом, когда Чжоу Эньлай готовился к отъезду, кто-то проявил инициативу — то ли Чжоу Эньлай по поручению Мао Цзэдуна или же Сталин,— и они опять вернулись к обсуждению этих вопросов. И тут уже согласились с тем, что Китай выступит в поддержку Северной Кореи. Китайские войска уже были подготовлены и находились на самой границе. Считали, что эти войска вполне справятся, разобьют американские и южнокорейские войска и, таким образом, восстановят положение.

Чжоу Эньлай улетел. Я его не видел, не слышал и говорю только то, что узнал потом по рассказам самого Сталина. Там никого не было, по-моему, кроме Сталина.

Так был решен вопрос о том, что Китай вступает в войну добровольцами. Он не объявлял войну, а послал добровольцев, которыми командовал Пын Дехуэй. Мао Цзэдун дал очень высокую оценку Пын Дехуэю. Он говорил, что это лучшая, самая яркая звезда на китайском военном небосклоне.

Начались бои. Нужно сказать, что китайцы действительно остановили продвижение южнокорейцев и американцев. Шли упорные бои.

Сохранились все документы, в которых Пын Дехуэй докладывал обстановку Мао Цзэдуну. Он составлял обширные телеграммы, в которых излагал планы военных действий против американцев. Там намечались рубежи, намечались сроки и силы, которые нужны. Он категорично заявлял, что они будут разбиты, будут окружены после решающих фланговых ударов. Одним словом, несколько раз в этих планах, которые сообщались Мао Цзэдуну, а Мао переписывал их Сталину, громились войска США и война кончалась.

Но, к сожалению, война не кончалась. Китайцы терпели очень большие поражения. Мы получили сообщение, что при налете на командный пункт был убит китайский генерал — сын Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун потерял сына в Северной Корее.

Война продолжалась, и война была очень упорной и кровавой. Китай нес очень большие потери, потому что его техника, вооружение значительно уступали США. Тактика была построена главным образом на использовании живой силы — и оборона, и наступление.

Война принимала затяжной характер. Уже стабилизировались фронты и с той, и с другой стороны.

В это время Сталин умер. Война продолжалась. Я эту войну сейчас представляю в своих записях, конечно, схематично, потому что я по памяти все говорю, а документы, в которых, например, решались вопросы по оказанию военно-технической помощи северокорейцам, я вообще не видел. Их никто не видел, кроме Сталина. Но основу нашей политики я знал. Документы, которые мы получали от нашего посла, я читал. В это время я уже получил «права гражданства» и стал почту читать. Сталин сказал, чтобы мне рассылали документы, а то раньше я почты не получал.

Когда я работал на Украине, я никакой почты Политбюро не получал, кроме тех вопросов, которые непосредственно относились к Украине или ко мне лично. Теперь же получал донесения от Пын Дехуэя, которые Мао пересылал Сталину. Сталин их рассылал, и я, таким образом, лучше знал положение дел, которое сложилось в Северной Корее.

Вот, собственно, корейский вопрос.

Большевики, пишущие ответ аглицкому Керзону.

Бытует весьма устойчивый в народе слух, что в органах безопасности уже многие десятилетия существует специальный отдел, занимающийся анекдотами. Что якобы там, собирая и классифицируя их, изучают общественное мнение. Я нисколько не верю в этот слух, но искренне считаю, что такой отдел если не в КГБ, то в Академии наук должен быть обязательно. Я убежден — картотека анекдотов смогла бы оказать неоценимую услугу и лингвистам, и культурологам, и фольклористам, и социологам, и политологам, и этнографам, и, уж безусловно, историкам.

Анекдот — уникальный жанр народного творчества. Изучая его, мы бы обнаружили, что это самый массовый и самый демократичный вид творчества в нашей стране, что в нем заложены удивительные возможности фантазии и юмора, что логическая и филологическая изощренность его не имеет предела, мы бы увидели, что он ярче других жанров словесности отражает всю нашу жизнь, причем в самом обнаженном и неприукрашенном виде, мы бы убедились, что он помимо всего еще и формирует наше сознание, очищая его от всего наносного, от всевозможных мифологических шлаков и идеологизированных штампов.

Сила анекдота в том, что он, погружаясь в быт, реагируя на сиюминутное, растворяясь в самых низких темах, дает нам такую модель действительности, в которой человеческая жизнь неожиданно приобретает стройность, пустяк вырастает в общезначимую проблему, бессмыслица исторического факта выворачивается наизнанку и превращается в мудрое обобщение, абсурдность ситуации предстает логичной, и наоборот — привычное, узнаваемое делается абсурдным.

Как справедливо отметил в своей блестящей статье Андрей Синявский (Абрам Терц «Анекдот об анекдоте». «Синтаксис», 1978, № 1), одним из основных движущих стимулов советского анекдота является борьба с запретом. Действительно, большая часть их строится на нарушении общепринятых норм, особенно если в основе этих норм лежит ложь.

Для анекдота нет лексических табу, он не преклоняется перед авторитетами и не почитает исторических кумиров, он живет вне политических канонов и социальных иллюзий, он знает цену пустым декларациям и лозунгам, он не верит громким словесам о победах, дружбе народов и счастливом будущем. Трезвость и откровенность советского анекдота выявляет уникальное душевное здоровье нашего народа, моментально реагирующего на любое проявление жестокости тоталитарной системы, бессмысленности социалистической экономики, ханжества официальной культуры, лжи правительства, глупости начальства.

В этом постоянно убеждаешься, когда знакомишься с читательскими письмами, присланными в «Огонек». Дело в том, что после публикации серии «Анекдотов от Никулина» нам стали присылать большие подборки анекдотов, на основе которых мы решили создать энциклопедию этого жанра. Такое издание будет, по сути, своего рода историей нашего общественного сознания.

В первый выпуск этой многотомной серии войдет уникальная коллекция, собранная Натальей Викторовной Соколовой. Только в нынешние дни известная писательница, автор многих книг Н. Соколова может обнародовать то, что она собирала и записывала в свой дневник на протяжении более 60 лет. В середине 20-х она, школьница первой ступени, начала фиксировать все, что ей казалось смешным и забавным,— шутки, остроты, подслушанные фразочки, эпиграммы, частушки, песенки и, конечно, анекдоты. Ценность собрания Соколовой в том, что каждая запись имеет конкретную дату,— таким образом, анекдот приобретает важный исторический контекст. Кроме того, автор смог создать атмосферу, среду, из которой рождается анекдот, в которой он обкатывается, оттачивается и приобретает законченную форму.

Не знаю, были ли осведомлены родители Н. В. Соколовой (кстати сказать, ее отец — известный режиссер и драматург В. Типот, один из создателей Московского театра Сатиры) о том, что их дочь записывает политические анекдоты и остроты друзей дома, среди которых были знаменитые писатели, драматурги, актеры? По всей видимости, нет. Иначе они объяснили бы своей дочери, что ее тетради могут послужить поводом для вынесения смертного приговора многим людям...

Анекдот — по-гречески значит неопубликованный, неизданный. Печатая анекдоты, собранные Н. Соколовой, мы понимаем, что, вырванные из устной среды, они отчасти теряют свою формирующую общественное сознание силу, но в то же время приобретают ценность исторического свидетельства.

Владимир ВИГИЛЯНСКИЙ

КРАТКИЙ КУРС

Наталья СОКОЛОВА

МАТЕРИАЛЫ К ЭНЦИКЛОПЕДИИ СОВЕТСКОГО АНЕКДОТА. ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

*

— Дети, тише! Вы знаете, у меня слабая голова, а я всю дорогу в вагоне сидел против движения.

— Папочка, ты же старый человек, надо было попросить, и кто-нибудь с тобой бы поменялся.

— Они меня будут учить! Кого я мог попросить, когда был один в вагоне?

*

У биржи труда.

— Ну что, ты нашел работу?

— Нет, так и не нашел. А ты?

— Я нашел.

— Доволен?

— Да понимаешь, платят за нее не так много, но зато она вечная. Разжигать пожар мировой революции.

*

Рабфаковка ищет в алфавитном указателе к учебнику фамилию Каутского.

— На «Сэ» нету.

— Почему на «Сэ»?

— А как же? Социал-кровавая-собака-Каутский.

✻

Бежит сломя голову заяц.
— Ты куда?
— Да, говорят, приказ есть. Всех верблюдов берут заложниками и в ЧК расстреливают.
— Да ты-то тут при чем?
— Э! Поди докажи, что ты не верблюд!

✻

Нэпман завел производство и продажу дешевых котлет из рябчиков.
— Но рябчик — это же очень дорого. Как вы умудряетесь делать котлеты дешевыми?
— А я, знаете ли, пополам. Один рябчик, один конь...

✻

В нэпмановской семье.
— Папа, что такое этика?
— Ну, скажем, был заказчик в моей мастерской по починке примусов и керогазов... ушел, забыл кошелек, а в кошельке 10 рублей. Вот тут и начинается этика: отдать или не отдать... половину компаньону?

✻

Философ-славянофил, которого большевики высылают на Запад, говорит:
— Конечно, больно покидать Русь. Но чем лежать в родной святой земле с пулей в затылке, лучше уж топтать окаянные парижские бульвары.

✻

— Какая разница между ЧК и ЦК?
— Очень просто. ЧК — это центральный комитет, а ЦК — церезвычайная комиссия. А вообще особой разницы между ними нет.

✻

— Что-то Троцкий и Ленин потолстели.
— Да нет. Это они щеки надули.
— Зачем?
— Изо всех сил раздувают пожар мировой революции.

✻

— Ох! Теперь не жизнь пошла, а самый настоящий бардак!
— Ну что вы. У моего тестя до революции был бардак. Так он разве потерпел бы там хоть один день такой беспорядок, как у них?

✻

Украина. Поезд. Один пассажир развесил свои носки. Другой его деликатно спрашивает:
— Скажите, гражданин, вы меняете носки?
— Только на сахар.

✻

Идут по театру Москвин и Станиславский (старец-дитя). Красный уголок, бюст.
МОСКВИН: Страшно знакомый бюст, не подсказывайте, я сам вспомню. Ну, конечно, это Лукич!
СТАНИСЛАВСКИЙ: Слушайте, не Лукич, как-то иначе. Вы не говорите так, вас могут засадить в ихний МГУ на Лубянке...
Немировичу-Данченко рассказали об этом разговоре, он страшно возмущен:
— И поделом будет Москвину, если его засадят в ГУМ. Как можно Фомича называть Лукичом!

✻

— Какая разница между ЦК и ЧК?
— В ЦК цыкают. А в ЧК чикают.

✻

Генуя, 1922 год. Банкет для участников конференции.
Вдруг Чичерин видит, что Красин кладет в карман две серебряные ложки. Обмен знаками: «Одну мне». «Бери сам».
Чичерин рассердился:
— Внимание, господа. Хочу показать фокус. Вот я беру две серебряные ложки и кладу их себе в карман. А теперь товарищ Красин их вынет из своего кармана.

✻

Частушки

Полюбила коммуниста —
Дак сослали, как троцкиста.
Полюбила спекулянта —
Посадили за брильянты.
Все на свете нипочем.
Я живу за нэпачом!
А сошлют его в Нарым —
Я с другим поеду в Крым.
Ох, правильно вчерася
Гадала мне цыганка.
Сегодня мово Васю
Вели да на Лубянку!

✻

На вокзале.
Толпа мешочников. Один в кожаной куртке подходит к другому в кожаной куртке.
— Товарищ, ты коммунист?
— Да.
— (Шепотом.) Скажи, где тут сортир?

✻

— Почему ты в продмаге не взял колбасу?
— Да там объявление: «БЕЗ ЧЕКА НЕ ОТПУСКАЕМ». Ну, знаешь, если каждый раз идти в ЧК согласовывать вопрос... просить ордер на колбасу... Как бы не вышло хуже.

✻

Кончилась гражданская война. Муж — в армии, жена — в деревне.
Телеграмма жены к мужу: «НАДО САЖАТЬ КАРТОШКУ. НЕКОМУ ВСКОПАТЬ ОГОРОД». Телеграмма мужа жене: «НЕ ТРОГАЙ ОГОРОД. ЗАРЫТ ЯЩИК С ВИНТОВКАМИ». Телеграмма жены мужу: «ПРИШЛИ ИЗ ЧК. ПЕРЕКОПАЛИ ВЕСЬ ОГОРОД». Телеграмма мужа жене: «ВОТ ТЕПЕРЬ САЖАЙ КАРТОШКУ».

✻

Российскую республику назвали РСФСР, чтобы название одинаково читали Ленин (слева направо) и Троцкий (справа налево).

✻

— Повезло, мы в семье все чернявые, а глаза у нас узкие. Мои оба сына очень хорошо устроены, работают в Коминтерне китайцами...

Страшная месть. А. отбил у Б. девушку, сидит с ней на бульваре. Б. подкупает мальчишку, тот подходит к влюбленным и говорит: «Папа, я уже продал все ириски, пойдем домой».

✻

Наш паровоз летит вперед,
В коммуне — остановка.
Иного нет у нас пути.
Ведь там дадут шамовку!

✻

Характеристика:
— От сохи, но с маникюром.

✻

Об актрисе:
— Какое у нее амплуа? Инженю-комсомоль.

✻

Бухгалтер проходит мимо портрета Менжинского.
— Пламенный привет непоколебимому стражу революции!
— С каких это пор вы их так любите? — тихо спрашивает секретарша.
— А что вы хотите? Не могу же я прямо сказать: «Гори ты синим пламенем!»

✻

— Что такое нейтралитет? Ахмет тянет одеяло на себя, Абдул — на себя, а я посредине, и мне тепло.

✻

Отец устраивает ночлег Лидии Гинзбург, ленинградке, которая в Москве проездом, ночует сегодня у нас.
— Ну что ты хлопочешь? Мне просто неудобно. Я могу спать на гвоздях...
— Вечно эти женские капризы! Где я тебе в час ночи достану гвозди? Спи уж так.

✻

Ленин был материалистический идеалист — жил и умер во имя идеи, но идея была материалистическая.

✻

Факт. В детском саду ударные бригады по зубному порошку, по мылу, по чашкам. И, наконец, ударная бригада по рыбьему жиру!

✻

— Знаете, жена нашего начальника призналась мужу во всех своих изменах.
— Что вы говорите? Наверное, записывала. Запомнить это невозможно.

✻

В «Правде» нет известий, а в «Известиях» нет правды.

✻

МУЖ: Милочка, ну где я тебе возьму пятьдесят рублей на тряпки?
ЖЕНА: Ты только дай, а уж возьму я сама.

✻

В трамвае:
— Сколько раз я тебя просила не высказывать вслух своих политических взглядов. А ты все время публично вздыхаешь.

✻

Любимый анекдот Сергея Есенина.
— Скажите, сколько на ваших часах?
— Не знаю.
— Что, стоят?
— Нет, идут.
— Так почему же...
— Дома остались. Неудобно, знаете ли, носить с собой — гири, маятник.

✻

Муж и жена вернулись с разных курортов. Ночь. Жена вскакивает и со сна кричит: «Ой, муж пришел!» Муж с ужасом: «Где он?» И лезет под кровать.

✻

Николай Эрдман говорит по телефону. С дамой. Прощается так:
— Целую вас в лодыжку!
Положил трубку. Опечалился.
— Ах, я так слаб в анатомии. Надеюсь, лодыжка — это что-то приличное? У нас не те отношения...

✻

КАЛИНИН: Знаешь, Иосиф Виссарионович, земляки обижаются, что ко мне нельзя попасть домой, пропуска да часовые, заважничал, говорят, Михайло Иванович. Думаю с семьей перебраться на жительство из Кремля в город.
СТАЛИН: Не торопись. По слухам, у них там плохо с продовольствием.

✻

На Красной площади.
— Для чего эта стена, папа?
— Чтобы разбойники не перелезли.
— Оттуда, папа?

✻

— Папа, почему евреи не едят свинины?
— Дурак! А русские ее едят?

✻

Рабочий на улице громко возмущается:
— Ситца нет. Чугунок хотела баба купить, не достала. Топор сломался, нечем дровишек расколоть. Тьфу, хозяева вшивые.
Милиционер его останавливает, строго спрашивает, кого это, собственно, он так поносит.
— Царизм, конечно. Триста лет хозяйничали, не сумели запасти на какие-то несчастные десять лет.

✻

(Очень популярная серия анекдотов — о сэре Бобби.)

Сэр Бобби отправился в кругосветное путешествие на корабле. Купается в океане. Неожиданно появилась акула, отрезав его от корабля.
С корабля ему кричат:
— Сэр Бобби! У вас же есть большой кинжал. Обороняйтесь! Ударьте ее...
— Рыбу — ножом?

✻

— Сэр Бобби, почему вы со мной не здороваетесь на улице? Вы забыли, что я два года была вашей любовницей?
— Нет, помню. Но согласитесь, что обыкновенная физическая близость не является основанием для светского знакомства.

✻

Что осталось от России?
Подзаборные дети, заборные слова и заборная книжка.
(Заборная книжка — форма карточного снабжения.)

✻

В деревне не поняли, что такое темпы, послали ходоков в Москву. Там объяснили: «Если у вас 10 коров, то на будущий год будет 50. Понятно?»
Вернулись в деревню. «Был 1 покойник — будет 5. Неурожай на 100 га — будет на 500 га. Понятно?»

✻

Афоризм Михаила Кольцова: «Ничто так не старит женщину, как возраст».

✻

— Саша, ты только что ходил смотреть на луну и теперь этими же самыми руками берешь хлеб!

✻

Мужик мечтает:
— Эх, был бы я царь... Взял бы сахарную голову, сделал бы наверху маленькую ямку, налил бы туда чаю и пил бы себе всласть!

✻

Пришел мужик в город. Стоит у газеты, читает.
— Ох, жмут... ох, и жмут же...
Подходит человек в штатском, показывает красную книжечку.
— Что вы, собственно, хотели этим сказать? Кто на вас жмет?
— Да знаете, э-э-э... ботинки жмут, невозможно ходить.
— Но вы же босой.
— Потому и босой, что жмут. Нет сил терпеть, сбросил.

✻

Нэпман умирает.
— Жена тут?
— Да.
— А мой старший сын? А его жена? А мой средний? А дядя? А племянник?
— Не волнуйся. Все тут.
— А младший?
— Тут, тут.
Садится на постели. Громко кричит:
— Так кто же остался в лавке?

✻

Старик умирает. Говорит жене:
— Кованый сундук отдашь сыну.
— Лучше дочери.

— Я хочу сыну.
— Дочери.
— Кто из нас умирает, ты или я?

✽

Умирает старая женщина. Сын стоит у изголовья.
МАТЬ: Закат какой...
СЫН: Мамаша, не отвлекайтесь. Занимайтесь своим делом.

✽

Во время пропажи экспедиции Нобиле письма и телеграммы, связанные с розыском, принимались во всем мире бесплатно.
И вот муж шлет телеграмму жене: «МАША ИЩИ НОБИЛЕ НЕ НАЙДЕШЬ ИЩИ МУКУ».

✽

Эмигрант:
— У меня с большевиками только одно принципиальное расхождение — по земельному вопросу. Они хотели, чтобы я лежал в русской земле. А я хочу, чтобы они по ней не ходили.

✽

Привели в ЧК арестованного.
— Не наш человек. Определенно контрик.
— А что он сказал?
— Да ничего. Он глухонемой. Но плевался с таким видом...

✽

Одессит взял себе в жены девушку из большой многодетной еврейской харьковской семьи. Увез ее в Одессу, прожили они год, жена умерла. Поехал он в Харьков, женился на ее младшей сестре.
Через год снова приезжает в Харьков. Говорит тестю:
— Папаша, вы можете смеяться, но Розочка тоже умерла!

✽

— Вы не знаете, почему спасает беспризорников именно ГПУ, карательный орган?
— Работают на себя. Пополняют население, чтобы было потом кого сажать.

✽

Каламбур моего отца о стареющей Гельцер:
— Свежо предание, но вертится с трудом.

✽

— Вам нравится Бабель? — спросили у Буденного.
— Хм. Смотря какая.

✽

— Соня, ты знаешь, кто такой Маркс?
— Нет.
— Вот если бы ты ходила со мной на марксистский кружок по средам и пятницам, то ты бы знала.
— А ты знаешь Файнберга?
— Нет.
— Вот если бы ты не ходил на свой марксистский кружок, то ты бы знал, кто бывает у твоей жены по средам и пятницам.

✽

— Чего вы испугались? Разве вы не знаете, что если собака лает, то она никогда не кусает?
— Я-то знаю. А вот знает ли собака?

✽

— Прихожу к ней в гости, она легла на софу и говорит: «Возьмите лучшее, что у меня есть». Так я взял велосипед и ушел...

✽

Три служащих из «бывших» проходят чистку в советском учреждении.
Выходит первый.
— Я им сказал, что у меня был завод, ну не такой, как «Серп и молот», а маленький — вот такой... Все благополучно кончилось. Оставили меня.
Выходит второй.
— Я им сказал, что у меня был дом, ну не такой, как Кремль, а маленький — вот такой... Обошлось. Не вычистили.
Выходит третий.
— Я им сказал, что у меня был бардак, «ну не такой, как у вас, на всю страну, а маленький — вот такой...». И что вы думаете? Уволили. Скажите на милость почему?

✽

Говорят, проститутки на Цветном бульваре, зазывая мужчин, теперь поют:

Коммунист, коммунист,
Ты меня не бойся.
Я не в оппозиции,
Ты не беспокойся.

Раньше пели: «я не заразительна» или «я не венеричная».

✽

СЛУШАЛИ: О возвращении в СССР Максима Горького.
ПОСТАНОВИЛИ: Считать первую пятилетку максимально горькой.

✽

Льва (Троцкого) переименовать в овцу (за то, что уступил все позиции без боя).
Авеля (Енукидзе) переименовать в Каина (за активную борьбу с оппозицией).
Иосифа (Сталина) переименовать в Иосифа Прекрасного (за чистоту генеральной линии, которую он отстаивает).

✽

В трамвае:
— Или отдайте мне мою левую ногу, или возьмите себе и правую тоже.

✽

Человека по фамилии Троцкий вызвали в ГПУ.
— Лев Троцкий ваш родственник?
— Что вы, что вы! Даже не однофамилец.

✽

Камерный театр на гастролях. Играет по аулам пьесу антирелигиозную, антибайскую: мулла и бай убивают, грабят, насилуют.
Зрители очень внимательно смотрят. Потом подходят к актерам:
— Вот спасибо, вы нам помогли, вы нас научили. У нас плохой мулла, мы его хотели прогнать. Теперь видим — есть еще хуже, надо потерпеть.

✽

— Чем занимались до семнадцатого года?
— Сидел и дожидался.
— А после семнадцатого?
— Дождался и сел.

✽

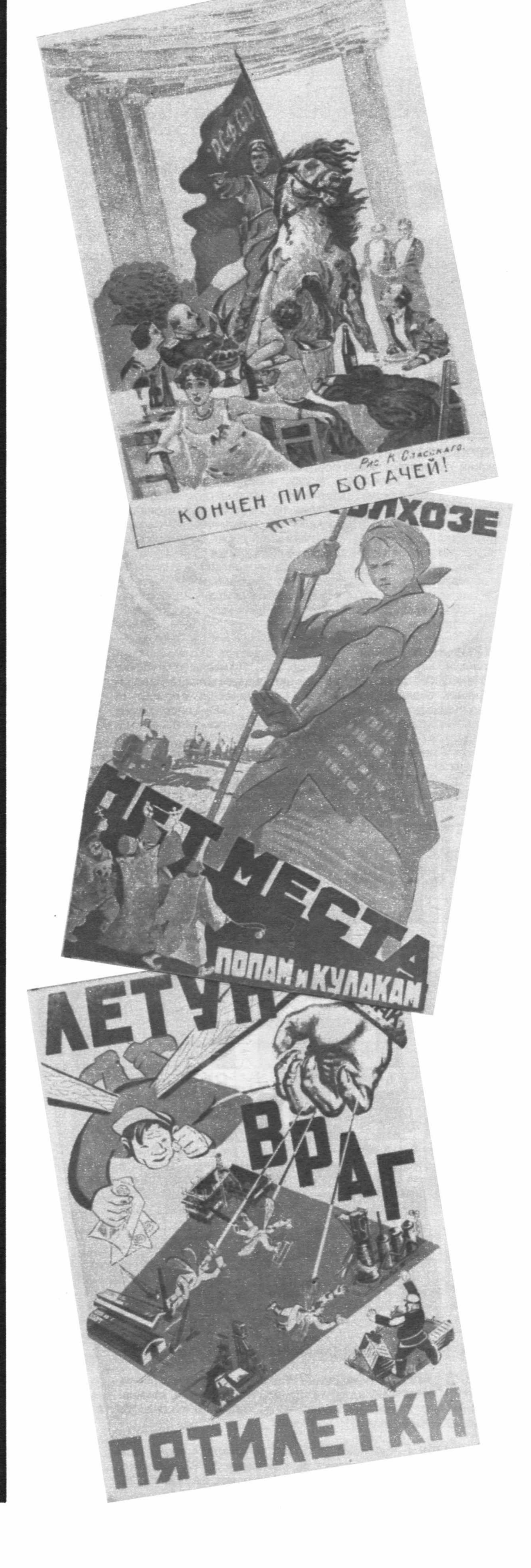
Глухонемой зашел к дежурному по вокзалу. Поднял два пальца, потом показал на грудь секретарши, потом помахал руками, как крыльями.
Дежурный ему ответил тоже жестами. Поднял один палец, потом постучал костяшками по столу, потом указал пальцем вниз на пол...
— О чем вы говорили? — полюбопытствовала секретарша.
— Он просил два билета мягких до Орла. Я сказал, что есть один жесткий до Нижнего.

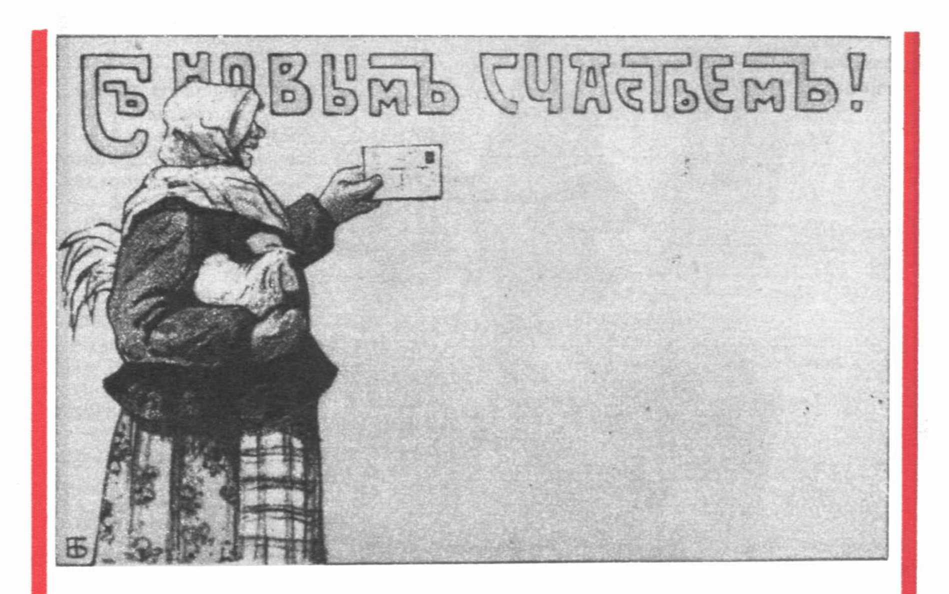
✽

Троцкий пишет завещание.
— Заспиртуйте мой мозг и пошлите в Москву.
— Зачем?
— Мозг — Сталину, а спирт — Рыкову и Калинину.

✽

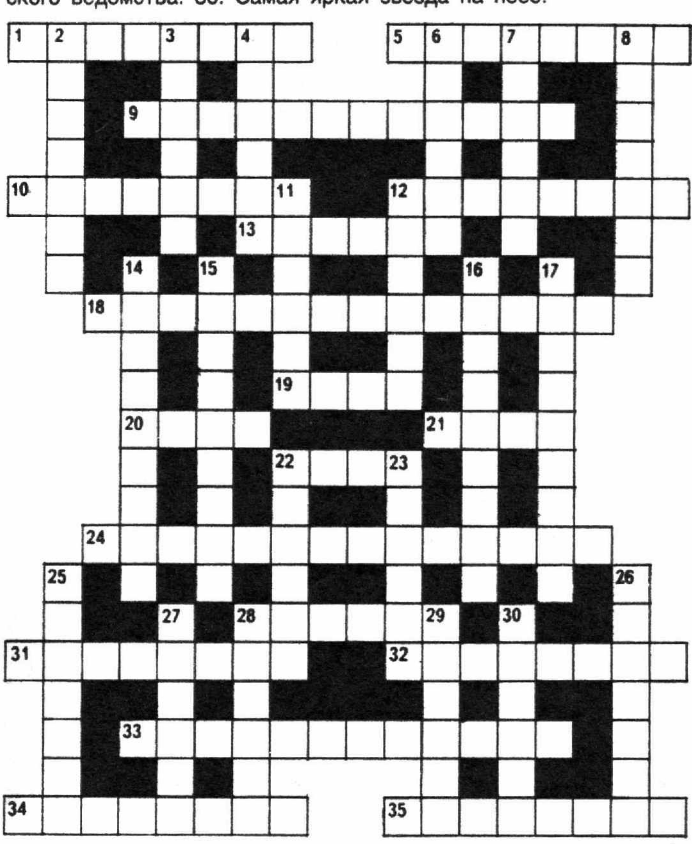
Зоопарк. За решеткой зебра.
Человек вздыхает:
— Господи! До чего большевики лошадь исполосовали!

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Танец. 5. Парфюмерное средство. 9. Итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт. 10. Драгоценный камень. 12. Режиссер, актер, народный артист СССР, работавший в Московском театре имени Ленинского комсомола. 13. Русский живописец-передвижник. 18. Призма, шестигранник. 19. Кустарник с душистыми цветками. 20. Обезьяна, обитающая в лесах Западной Африки. 21. Видимый край диска Солнца, Луны, планеты. 22. Инструментальный ансамбль, исполняющий увеселительную, танцевальную музыку. 24. Жанр циркового искусства. 28. Хлопчатобумажная ткань с блестящей лицевой стороной. 31. Овощное растение. 32. Город в Красноярском крае. 33. Русский композитор. 34. Опера Д. Верди. 35. Гармоничность, художественная выразительность объемной формы.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Скрипач, народный артист СССР. 3. Спутник Нептуна. 4. Герой романа в стихах А. С. Пушкина. 6. Русский землепроходец XVII века. 7. Боковой щит в театральной декорации. 8. Сияние отраженного света. 11. Химический элемент VI группы периодической системы Менделеева. 12. Разговор, обмен мнениями. 14. Опера П. И. Чайковского. 15. Русский математик XVII—XVIII веков. 16. Единица длины. 17. Морское животное семейства дельфиновых. 22. Областной центр в Узбекистане. 23. Русский авиатор, спортсмен, борец-профессионал. 25. Сливочное мороженое. 26. Основной вид графики. 27. Таджикский и персидский поэт. 28. Мясное блюдо. 29. Должностное лицо дипломатического ведомства. 30. Самая яркая звезда на небе.

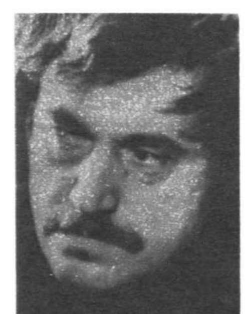

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

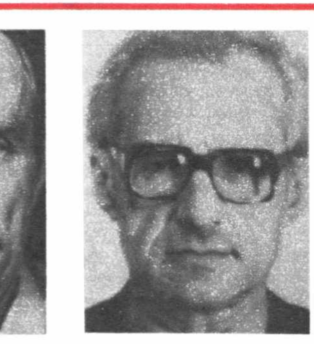
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Турмалин. 7. Рахметов. 8. Новосибирск. 10. Кошма. 11. Юснан. 13. Индия. 16. Дозор. 17. Лиепа. 18. Мережка. 19. «Враги». 20. Ватин. 22. Ирбис. 23. «Степь». 26. Скопа. 29. Антиквариат. 30. Кинетика. 31. Аренский.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Рубероид. 2. Слива. 3. Шхара. 4. Фонетика. 6. Насос. 7. Рубка. 8. Нумизматика. 9. Коннектикут. 12. Наречие. 14. Армия. 15. Плавт. 19. Вариация. 21. Нептуний. 24. Такса. 25. Праща. 27. Стриж. 28. Фишер.

ЛАУРЕАТЫ

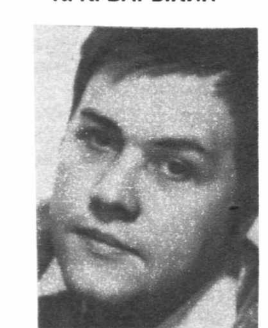

В. П. АКСЕНОВ

Н. А. АНДРЕЕВ

К. К. БАРЫКИН

А. Э. ГОЛОВКОВ

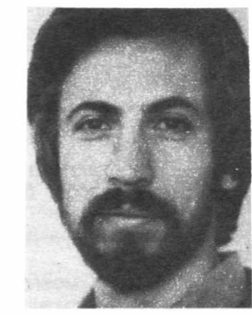

П. С. ГУТИОНТОВ

Г. А. ЕЛИН

А. С. КУШНЕР

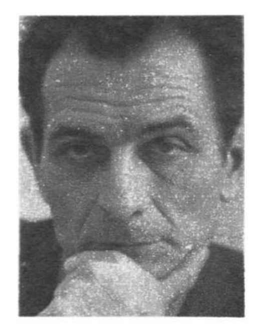

И. И. МИЛЬШТЕЙН

А. В. МИНКИН

С. Б. РАССАДИН

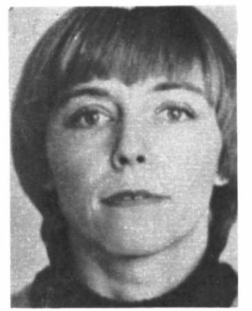

Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Г. В. РОЖНОВ

АКСЕНОВ В. П. За главы из романа «Ожог» (№ 2); АНДРЕЕВ Н. А. За статью «Обыкновенный рашизм» (№ 8); БАРЫКИН К. К. За заметки «Зачем покупать за границей то, что покупать не следует» (№ 20), «Секс подорожал...» (№ 46); БОССАРТ А. Б. За материалы «Вы полагаете, все это будет носиться?..» (№ 15), «Изделие № 6» (№ 29), «Ивановский синдром» (№ 48), «...Нас возвышающий обман» (№ 18); ВАЙЛЬ П., ГЕНИС А. За статьи «Миф о застое» (№ 7), «Письма с Родины» (№ 40); ВЕЛЕНГУРИН В. Н. За фоторепортажи «Нищие богачи» (№ 39), «Люди на помойке» (№ 42); ВИГИЛЯНСКИЙ В. Н. За статьи «Житие Евфросинии Керсновской» (№ 3), «Взгляни на дом свой, ангел...» (№ 37), «Цена слова» (№№ 34—38); ГЛОТОВ В. В. «Войска выходят на площадь...» Интервью с А. Собчаком (№ 2); ГОВОРУХИН Ю. И. За очерк нравов «Приказ: играть на балалайке!» (№ 12); ГОЛОВКОВ А. Э. «Предварительный диагноз», статья (№ 8), «Тихий выстрел», очерк (№ 30); ГУТИОНТОВ П. С. За статьи «Опасность справа» (№ 10), «Смотрите, кто пришел!» (№ 52); ЕЛИН Г. А. За очерки «Пядь земли и военная тайна» (№ 46) и «Олимпийский год» (№ 52); ЕМЕЛЬЯНОВ А. М. За статью «Идем ли к народовластию?» (№ 27); ЕРОФЕЕВ В. В. За рубрику «Поверх барьеров»; ЖИГАЛОВА М. М. За редактирование серии «Библиотека «Огонек»; ИРТЕНЬЕВ И. М. Стихи (№№ 4, 18, 52); ИСКАНДЕР Ф. А. За статью «Человек идеологизированный» (№ 11); КЕРСНОВСКАЯ Е. А. За рисунки и отрывки из книги «Наскальная живопись» (№№ 3,4); КЛЯМКИН И. М. За политические статьи «Трудный спуск с зияющих высот» (№ 5), «Октябрьский выбор президента» (№ 47); КУШНЕР А. С. Цикл стихов «Чужое внимание» (№ 46); МИЛЬШТЕЙН И. И. За статьи «Выйти на площадь» (№ 1), «Человек имеет право» (№ 28); МИНКИН А. В. За серию статей о театре «Кабаре» (№ 11), «Счастливчики» (№ 12), «Секрет» (№ 24), «Кабала святош» (№ 27) и публицистических выступлений «Не рыдайте обо мне...» (№ 39), «Нехорошая квартира» (№ 48); МОЧАЛОВ И. И. За статью «Придется перейти через кризис» (№ 49); НЕЖНЫЙ А. И. За статью

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1990 ГОД

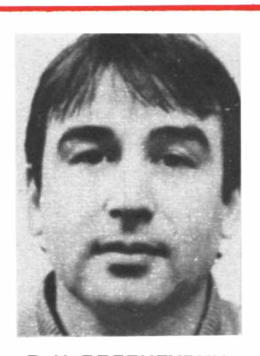

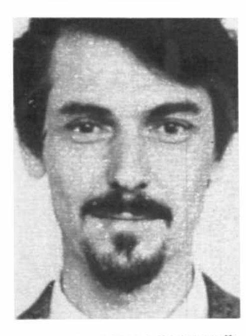

А. Б. БОССАРТ

П. ВАЙЛЬ

А. ГЕНИС

В. Н. ВЕЛЕНГУРИН

В. Н. ВИГИЛЯНСКИЙ

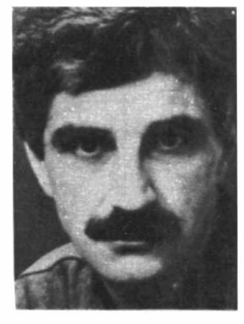

В. В. ГЛОТОВ

Ю. И. ГОВОРУХИН

А. М. ЕМЕЛЬЯНОВ

В. В. ЕРОФЕЕВ

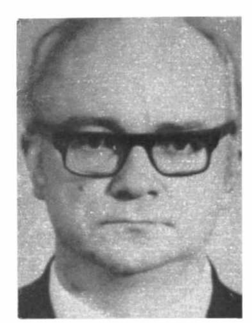

М. М. ЖИГАЛОВА

И. М. ИРТЕНЬЕВ

Ф. А. ИСКАНДЕР

Е. А. КЕРСНОВСКАЯ

И. М. КЛЯМКИН

И. И. МОЧАЛОВ

А. И. НЕЖНЫЙ

П. В. НИКИТИН

А. А. НИТОЧКИНА

Г. Б. ОСТЕР

Р. Р. ПЕТРОВ

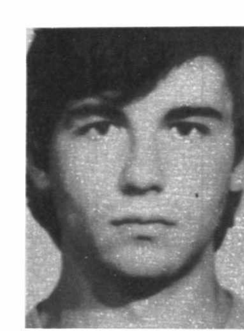

Л. С. ПЕТРУШЕВСКАЯ

Ю. С. РЫТХЭУ

Л. С. САЛЬНИКОВА

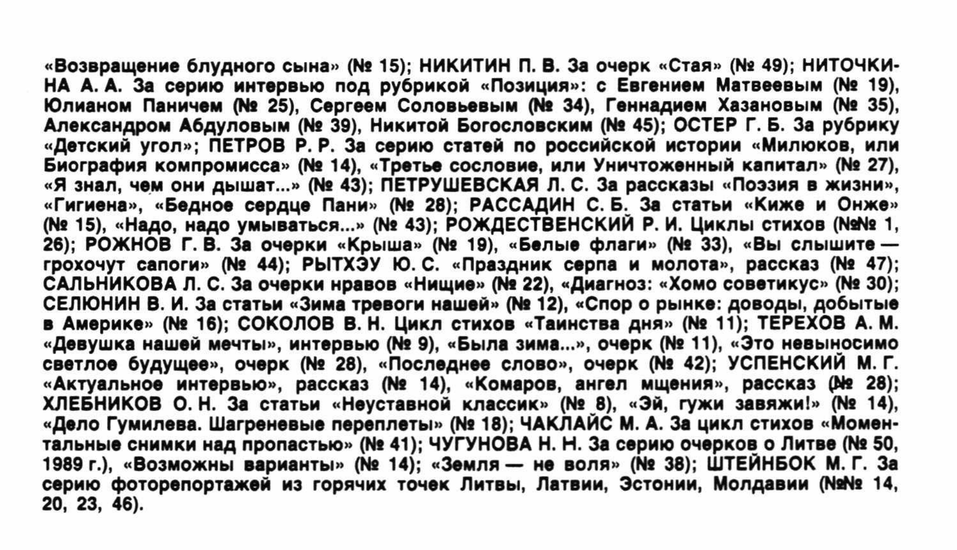

В. И. СЕЛЮНИН

В. Н. СОКОЛОВ

А. М. ТЕРЕХОВ

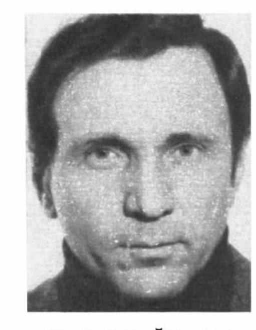

М. Г. УСПЕНСКИЙ

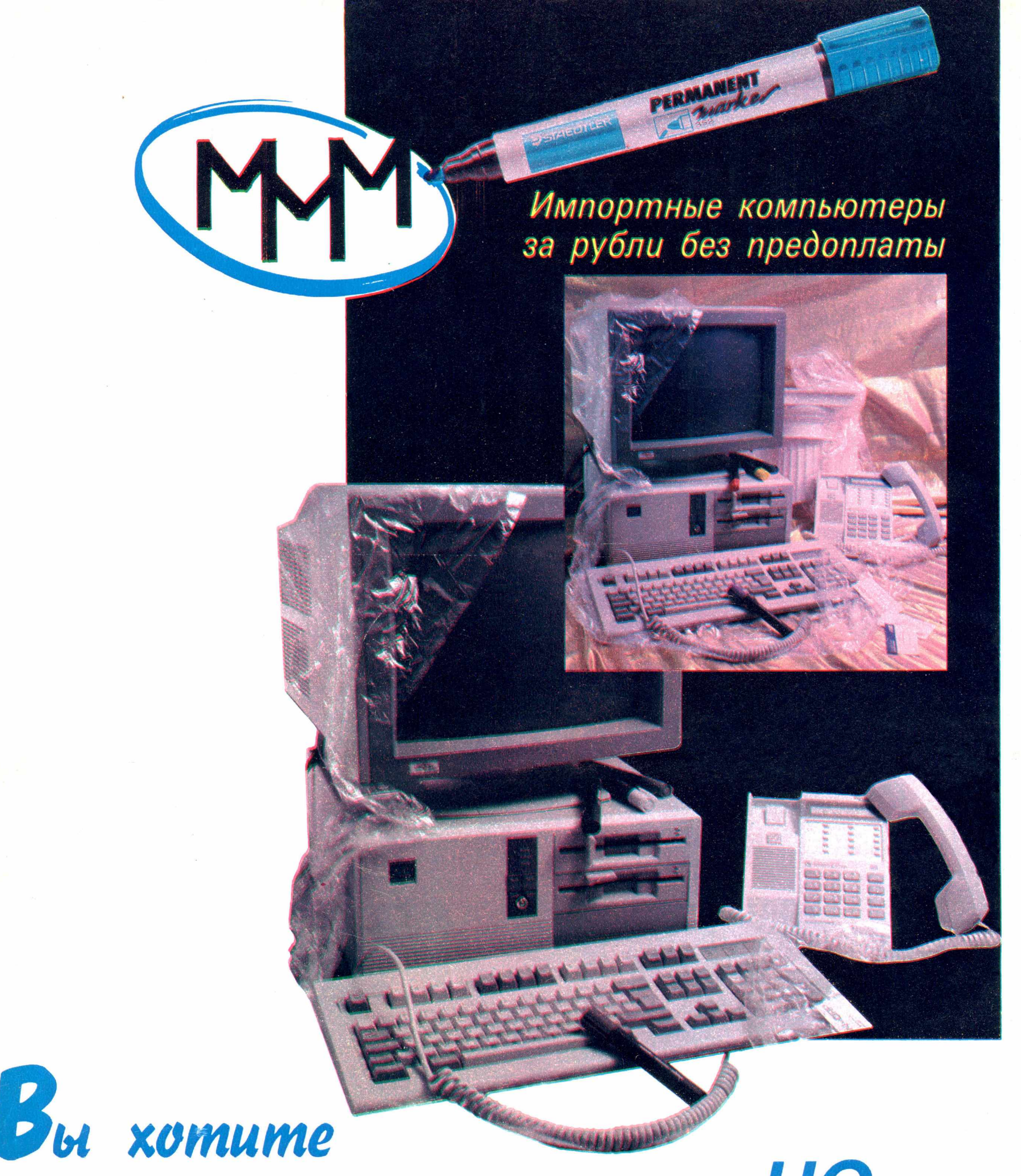

О. Н. ХЛЕБНИКОВ

«Возвращение блудного сына» (№ 15); НИКИТИН П. В. За очерк «Стая» (№ 49); НИТОЧКИНА А. А. За серию интервью под рубрикой «Позиция»: с Евгением Матвеевым (№ 19), Юлианом Паничем (№ 25), Сергеем Соловьевым (№ 34), Геннадием Хазановым (№ 35), Александром Абдуловым (№ 39), Никитой Богословским (№ 45); ОСТЕР Г. Б. За рубрику «Детский угол»; ПЕТРОВ Р. Р. За серию статей по российской истории «Милюков, или Биография компромисса» (№ 14), «Третье сословие, или Уничтоженный капитал» (№ 27), «Я знал, чем они дышат...» (№ 43); ПЕТРУШЕВСКАЯ Л. С. За рассказы «Поэзия в жизни», «Гигиена», «Бедное сердце Пани» (№ 28); РАССАДИН С. Б. За статьи «Киже и Онже» (№ 15), «Надо, надо умываться...» (№ 43); РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Р. И. Циклы стихов (№№ 1, 26); РОЖНОВ Г. В. За очерки «Крыша» (№ 19), «Белые флаги» (№ 33), «Вы слышите — грохочут сапоги» (№ 44); РЫТХЭУ Ю. С. «Праздник серпа и молота», рассказ (№ 47); САЛЬНИКОВА Л. С. За очерки нравов «Нищие» (№ 22), «Диагноз: «Хомо советикус» (№ 30); СЕЛЮНИН В. И. За статьи «Зима тревоги нашей» (№ 12), «Спор о рынке: доводы, добытые в Америке» (№ 16); СОКОЛОВ В. Н. Цикл стихов «Таинства дня» (№ 11); ТЕРЕХОВ А. М. «Девушка нашей мечты», интервью (№ 9), «Была зима...», очерк (№ 11), «Это невыносимо светлое будущее», очерк (№ 28), «Последнее слово», очерк (№ 42); УСПЕНСКИЙ М. Г. «Актуальное интервью», рассказ (№ 14), «Комаров, ангел мщения», рассказ (№ 28); ХЛЕБНИКОВ О. Н. За статьи «Неуставной классик» (№ 8), «Эй, гужи завяжи!» (№ 14), «Дело Гумилева. Шагреневые переплеты» (№ 18); ЧАКЛАЙС М. А. За цикл стихов «Моментальные снимки над пропастью» (№ 41); ЧУГУНОВА Н. Н. За серию очерков о Литве (№ 50, 1989 г.), «Возможны варианты» (№ 14); «Земля — не воля» (№ 38); ШТЕЙНБОК М. Г. За серию фоторепортажей из горячих точек Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии (№№ 14, 20, 23, 46).

М. А. ЧАКЛАЙС

Н. Н. ЧУГУНОВА

М. Г. ШТЕЙНБОК

иметь надежную оргтехнику и импортные компьютеры, НО у вас нет валюты — обращайтесь в объединение «МММ»

В сжатые сроки (максимум 10 дней) за РУБЛИ, по ценам ниже рыночных вам поставят аппаратно-программные комплексы на базе ПЭВМ IBM PC, AT/XT

— без предоплаты (оплата по факту)

— любая периферия

Адрес: Москва, ул. Газгольдерная, 10. Факс: 171-13-81.
Заявки по телефонам в Москве: 171-03-97, 171-13-81, 173-44-15, 171-06-90.

1 руб. Индекс 70663